

ВОЕННАЯ КОНТРРАЗВЕДКА КГБ СССР в Афганистане

**Воспоминания сотрудников
Особого отдела КГБ СССР
по Ленинградскому военному округу
1979–1991 гг.**

К 30-летию ввода и 20-летию вывода
советских войск из Афганистана

Санкт-Петербург
2010

ББК 63Т
УДК 355/359.08

Составитель С. В. Рац

Редакционная коллегия:

*М. Я. Овсенко, В. Ф. Безуглый, Г. Г. Газимагомедов,
В. В. Дубов, Н. И. Милютенко, С. В. Рац,
А. И. Стребков, Ю. Н. Бабушкин*

Консультанты:

*генерал-майор М. Я. Овсенко,
генерал-лейтенант В. Ф. Безуглый,
доктор полит. наук профессор А. И. Стребков*

Военная контрразведка КГБ СССР в Афганистане:

Воспоминания сотрудников Особого отдела КГБ СССР по Ленинградскому военному округу. 1979–1991 гг.

К 30-летию ввода и 20-летию вывода советских войск из Афганистана / [Сост. С. В. Рац]. СПб., 2009. — 320 с. + альбом ил.

В книге представлены рассказы сотрудников Особых отделов КГБ СССР о малоизвестном периоде деятельности спецслужб нашей страны в Афганистане с 1979 по 1991 год.

Истории иллюстрируют тайное противостояние военной контрразведки КГБ СССР действиям разведок Запада и Востока, направленных на подрыв мощи и боеспособности 40-й армии.

Ветераны-чекисты на страницах своих рассказов повествуют о неизвестных операциях по пресечению попыток бандформирований свергнуть правительства НДПА, распространить повстанческую деятельность на южные рубежи СССР.

ББК 63Т
УДК 355/359.08

- © Составление, статьи. С. В. Рац, 2010
© И. Ф. Артемьев, В. П. Васильев, Н. И. Даниленко, М. В. Дианов, А. М. Добринский, В. И. Жиров, Ю. Д. Иванов, Я. Г. Карташевич, А. П. Конташов, А. А. Марейчев, А. А. Маслов, В. Медведев, А. И. Михайло, А. С. Новиков, М. Я. Овсенко, О. А. Петров, Ю. Д. Подопрigorov, С. А. Понедельников, В. И. Семеняко, Ю. И. Чижов

*Книга посвящается
сотрудникам
Особых отделов КГБ СССР*

Редакционная коллегия выражает признательность
за финансовую поддержку проекта по изданию книги
«Военная контрразведка КГБ СССР в Афганистане»:

*Е. И. Первенцеву, С. В. Бурцеву, Г. Г. Газимагомедову,
А. А. Горбенко, А. М. Готовскому,
А. С. Дыкману, А. П. Конташову, С. А. Прияткину,
Н. Г. Силютину, А. А. Тимофееву;*

Председателю Совета директоров ЗАО
«Ленспецсму» *В. А. Заренкову;*

Председателю Совета директоров ОАО «Большой
Гостиный Двор» *Н. П. Тушаковой;*

Ордена «Знак почета» ЗАО «Машоптторг»;

ООО «Нева+»;

Президенту Научно-производственной фирмы «ВАПА»
Б. Б. Сергуненкову;

Фонду поддержки
социальных проектов «Ренессанс», *И. Б. Яценко;*

Генеральному директору производственного
холдинга «ИНРУСКОМ» *Г. Н. Аксаментову;*

Президенту Фонда поддержки офицеров запаса
Государственной безопасности *С. В. Рацу.*

Редакционная коллегия благодарит
за активное участие в реализации проекта:

*П. М. Спивачевского, В. Д. Маслова
А. И. Евтюкова, С. С. Збруеву, К. И. Яхиена, а также*

*М. Я. Овсенко за предоставленные
фотографии для книги из личного архива.*

Вступительное слово

В декабре 1979 года по неоднократным просьбам законного правительства Афганистана и в соответствии с Договором о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве от 5 декабря 1978 года советским руководством было принято решение о вводе частей 40-й армии Вооруженных сил СССР в эту страну. Вместе с оперативно обеспечиваемыми частями на землю Афганистана вошли органы военной контрразведки.

Перед Особыми отделами была поставлена задача обеспечить безопасность советского воинского контингента, находившегося в Афганистане. С первых же дней пребывания в этой стране сотрудникам военной контрразведки пришлось столкнуться с полным набором средств и методов разведывательно-подрывной деятельности не только афганской оппозиции, но и многих иностранных спецслужб.

За десятилетний срок советского военного присутствия дорогами Афганистана прошли более ста сотрудников Особого отдела КГБ СССР по Ленинградскому военному округу. Наши офицеры вместе с оперативно обеспечиваемыми частями и

подразделениями принимали личное участие во многих операциях, связанных с риском для жизни, с честью выходили из сложнейших ситуаций. Многие из них награждены орденами и медалями, а капитану Соколову Борису Иннокентьевичу присвоено звание Героя Советского Союза.

Данный сборник интересен тем, что в нем представлены различные мнения и взгляды. Мы видим войну как глазами начальника Особого отдела 40-й армии (воспоминания М. Я. Овсеенко), так и глазами рядовых сотрудников. Суровой правдой дышат рассказы И. Ф. Артемьева, А. И. Михайло, А. С. Новикова, С. А. Понедельникова и других.

Показана работа военных контрразведчиков, являвшихся советниками в органах безопасности афганских вооруженных сил. Примеры по данному вопросу можно в полной мере увидеть в рассказах Ю. Д. Иванова, А. А. Марейчева, А. А. Маслова, Ю. И. Чижова.

В 1989 году советские войска ушли из Афганистана, но наши советники продолжали свою работу. Об их деятельности в этой непростой обстановке можно узнать из очерка А. П. Конташова, который так и называется: «Трудное время Афганистана».

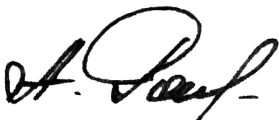
Какую бы оценку не давали сегодня событиям тех лет зарубежные и российские историки, политологи, политики, можно с уверенностью сказать: военные контрразведчики выполнили свой долг на высоком профессиональном уровне, успешно реализовали поставленные перед ними задачи. Часть из них вынесла на суд читателей свои воспоминания и размышления о тех, уже далеких, событиях. Полагаю, что молодые сотрудники почерпнут много интересного и полезного для повышения своего

профессионального мастерства из книги «Военная контрразведка КГБ СССР в Афганистане».

К счастью, среди сотрудников Особого отдела КГБ СССР по Ленинградскому военному округу, командированных в Афганистан, потерь не было. Все же за весь период нахождения ограниченного контингента советских войск в Афганистане из числа сотрудников Особых отделов КГБ СССР погибли шестнадцать человек. В этой книге впервые раскрываются обстоятельства гибели некоторых из них. Светлая им память!

Выражаю надежду, что представленный сборник найдет своего читателя. Он будет интересен не только сотрудникам органов безопасности России, но и всем, кому не безразлична история нашей страны и ее спецслужб.

*Начальник Управления ФСБ России
по Ленинградскому военному округу
генерал-майор*

 А. В. Ракитин

Обращение К МОЛОДЫМ ЧЕКИСТАМ

Уважаемые коллеги!

Минуло двадцать лет с того дня, когда последний бронетранспортер 40-й армии пересек границу Афганистана и СССР.

Сегодняшнее поколение российских граждан поверхностно представляет тот непростой период истории России. Порой можно услышать мнение, что ввод ограниченного контингента на территорию Афганистана был грубой политической и стратегической ошибкой советского руководства.

Те, кто придерживается подобной точки зрения, не берут во внимание тот факт, что для руководителей крупнейших мировых военных держав Афганистан был и остается важнейшим стратегическим объектом Центральной Азии. Следует также учитывать, что в период острого кризиса в Центральной Азии ввод хорошо вооруженной 40-й армии был продиктован, в первую очередь, защитой национальной безопасности СССР.

На протяжении десяти лет, с 1979 по 1989 год, органы государственной безопасности СССР находились в прямом противодействии с разведками

западных стран, США, КНР, ряда арабских стран. Советским чекистам в Афганистане пришлось столкнуться с многоликим и коварным врагом в лице партий и организаций, исповедующих ортодоксальный ислам, взявших на вооружение террористический метод.

Обращаясь к молодым сотрудникам государственной безопасности, хотел бы отметить, что контрразведка внесла весомый вклад в общее дело защиты рубежей СССР. Сотрудники Особых отделов находились на острие противостояния с иностранными разведками, обеспечивали безопасность армии в ходе боевых действий в тяжелейших климатических условиях в горно-пустынной местности. Офицеры военной контрразведки в экстремальной обстановке совершенствовали методы оперативной работы, несли все тяготы наряду с военнослужащими ограниченного контингента советских войск в условиях развязанной внешним противником гражданской войны.

Шестнадцать сотрудников Особых отделов КГБ СССР погибли, до конца выполнив свой долг перед Родиной. Мы чтим память ушедших. Их имена навечно останутся в нашей памяти, пополнят очередную страницу истории отечественных спецслужб.

Полагаю, что оперативный опыт, накопленный поколением чекистов, прошедших войну в Афганистане, будет востребован вами в нынешний период все возрастающих национальных интересов России и использован в продолжении дела по обеспечению государственной безопасности.

*Герой Советского Союза
генерал-майор Б. И. Соколов*

Ю. И. Чижов

Афганистан: миг между прошлым и будущим

В июле 1979 года, когда я проходил службу после возвращения из Арктики в одной из бригад ПВО в качестве старшего оперуполномоченного Особого отдела (ОО), меня вызвали в отдел кадров ОО КГБ СССР по Ленинградскому военному округу. Там мне, молодому майору со спортивным прошлым, предложили «погреться» после Арктики в одной из южных стран (не назвали) с беспокойной оперативной обстановкой в качестве советника по линии военной контрразведки этой страны. Военные контрразведчики в СССР были своего рода элитой КГБ. Они скрупулезно подбирались из войск как по политическим качествам, здоровью, так и по готовности проходить службу в любых местах для решения задач в интересах нашего государства. Поэтому мой ответ в отделе кадров естественным

образом прозвучал: «Согласен служить там, где я больше всего нужен Родине». Я прошел медицинскую комиссию и находился в режиме ожидания.

Режим ожидания затянулся. По разным источникам информации я изучил оперативную обстановку в странах, прилегающих к южным границам СССР, и сделал вывод: я нужен в Афганистане. Тем не менее, мне никто не напоминал о сделанном предложении, и постепенно я о нем забыл. Мое внимание переключилось на решение текущих интересных задач по контрразведывательно-му обеспечению ракетных подразделений вблизи границы с Финляндией (задержание у объектов особой важности в период разведывательных действий выявленных разведчиков, действующих под прикрытием военных атташе различных стран, которые якобы проезжали через Финляндию в Ленинград и Москву; совместные с УВД операции по контрабандистским действиям отдельных советских и иностранных граждан и т. п.).

Но вот 29 октября 1979 года поздно вечером мне на квартиру в военном городке позвонили из Центрального аппарата Управления военной контрразведки (УВКР) и передали приказ прибыть на следующий день к девяти ноль-ноль на Лубянку, имея при себе от трех гражданских костюмов разных цветов до пяти килограммов копченой колбасы (в ту пору величайшая редкость). Собрав по списку все, что имелось, я с трудом взял билет на поезд Хельсинки — Москва и утром прибыл в указанный кабинет. Там я встретил своих сослуживцев из разных военных округов, так же, как и я, готовых в любой момент приступить к действиям в интересах государственной безопасности. Во вто-

рой половине этого же дня во время полторачасовой заправки самолета я уже из Ташкента позвонил домой, сообщил жене и матери, что через пару часов прилечу в столицу Афганистана Кабул, где буду определенное время работать при советском посольстве. На этом контакты с семьей прекратились. И когда жена получила из Москвы открытку, посвященную Дню Советской Армии и Военно-Морского флота, с текстом на обороте, который начинался словами: «Ваш муж при исполнении интернационального долга в Афганистане...», — буквы запрыгали у нее перед глазами, и она упала в обморок. Но, как оказалось, это было поздравление из УВКР с праздником.

Начиная с 30 октября события в моей жизни сменялись, как в калейдоскопе. После бурной ленинградской и московской атмосферы из иллюминатора приземлившегося в кабульском аэропорту самолета мы увидели примерно XIII век: ослики, арбы, люди в чалмах... Нас привезли в здание посольства для первичного инструктажа. Перед началом инструктажа из-за председательского стола поднялся человек в гражданской одежде и спросил, кто хорошо водит машину. Я имел опыт вождения по Ленинграду и республикам Прибалтики, в чем и признался. Он вручил мне ключи зажигания, назвал номер машины, стоящей во дворе, и дал команду привезти из жилого городка в посольство свою жену (как оказалось, это был генерал В. Б. Багнюк). Машину-то во дворе я нашел, но куда и как ехать — не знал. Мимо проходил переводчик и, заметив мою растерянность, сказал, чтобы я пристраивался ему в хвост, поскольку он едет в местную контрразведку, которая находится

на полпути к жилому городку. Это была памятная поездка: я ехал по незнакомому городу, в котором нет никаких правил дорожного движения, боясь отстать от ведущего, потеряться и оказаться среди чужих без связи, со знанием только командного и матерного языков, и с мыслью о том, что в первый же час пребывания в командировке не сумею выполнить указания генерала. Но до полной остановки моего ведущего я от него не отстал. По его подсказке я добрался все-таки до жилого городка, убедил жену генерала, что именно по приказу ее мужа я приехал за ней, и только на обратном пути признался, что я только с самолета и не успел запомнить дорогу до посольства. Как оказалось, она тоже ее не знала. С веселыми, и не совсем, приключениями мы, однако, быстро добрались до места. Я с гордостью вошел в комнату совещаний, доложил генералу о выполнении его указания и сел на место. Владимир Борисович внимательно посмотрел на меня, прочитал выписку из личного дела и при распределении мест назначения оставил меня в тогда еще мирном Кабуле. Так в этот день я стал советником одного из подразделений военной контрразведки в аналитическом отделе ХАД 7-й афганской дивизии и оперативным начальником по работе с афганцами, обслуживающими резиденцию маршала Соколова (от афганского коменданта до водителей и садовников). Далее начались будни оперативной работы: сбор информации от афганской стороны о ежесуточной обстановке в стране; анализ и доведение сведений до руководства Представительства КГБ СССР в Афганистане; обучение контрразведывательной деятельности сотрудников ХАД 7-й афганской ди-

визии; предупреждение, выявление и пресечение намерений террористического характера у лиц из числа обслуживающего местного населения в отношении аппарата маршала Советского Союза С. А. Соколова, дислоцированного в резиденции, и многое другое, чего в мирное время на территории СССР мне никогда не приходилось делать.

Большую помощь в проведении различных контрразведывательных мер по резиденции мне оказывали бойцы группы «Вымпел», которые также базировались на ее территории, оперативные работники Особого отдела батальона ВДВ, в зону ответственности которого входила территория резиденции. Опираясь на свои и их данные, я разрабатывал мероприятия, обеспечивающие наибольшую безопасность советского персонала на объекте обслуживания. Так, мне удалось получить данные о связи одного из водителей из числа афганцев (услугами которых пользовались наши генералы по выездам в Кабул и в войсковые подразделения в окружении) с бандформированием, находящимся в горах. Выяснилось, что его брат, входивший в эту банду, при встречах дома неоднократно просил водителя приобрести через советских солдат оружие и при очередном выезде из резиденции увести генерала под угрозой оружия в банду, за что получил бы большое вознаграждение. На стадии реализации водителем этого намерения, а именно при попытке покупки оружия, он был арестован и передан в органы безопасности ХАД.

Из афганских источников также была получена информация о том, что «душманами» в горах была выбрана позиция для снайпера, позволяющая наблюдать за движущимися по пандусу дворца-ре-

зиденции автомашинами, погрузкой и выгрузкой пассажиров. Это давало бандитам возможность изучить график передвижения наших войсковых руководителей и других важных персон, приезжающих в резиденцию, и выбрать объект с целью совершения террористического акта в нужное время. Предложенный маршалу Соколову способ предупреждения враждебного акта путем маскировки пандуса тканью с раскраской под мрамор дворца был им одобрен. По указанию маршала комендант дворца незамедлительно закупил маскировочную ткань, которую закрепили в необходимых местах.

Нами были установлены и взяты под наблюдение также и другие точки, возможные для враждебного использования противником. В результате со стороны горного массива не было зафиксировано ни одного выстрела в сторону дворца.

Советническая работа в аналитическо-информационном отделе ХАД позволяла получать упреждающую информацию как о сосредоточении банд в том или ином регионе Афганистана, так и о значимых политических задачах, разрабатываемых противником совместно с их американскими советниками. Например, о захвате власти на определенной территории страны, провозглашении этой территории независимой и приглашении туда иностранных войск, за исключением советских. Такую информацию незамедлительно передавали в Представительство КГБ СССР, затем ее перепроверяли через другие источники и направляли по каналам посольства руководству СССР.

Руководители некоторых отделов ХАД и офицеры афганской армии в разные годы учились в

СССР (первые — по линии контрразведки, вторые — по линии военной подготовки) и могли относительно свободно изъясняться на русском языке. Как правило, они доверяли своим советникам из СССР, в том числе и мне, вплоть до того, что сами открывали свои сейфы и показывали досье на советских военных советников. В них содержались фотографии советников и комментарии к ним, которые можно было понять и без перевода. Довольно откровенно проходили межличностные диалоги об оценке происходящих в Афганистане событий и внутрипартийной жизни НДПА. Так, один из руководителей ХАД подчеркивал, что в целом НДПА идет к одной цели — демократизировать общественную жизнь, избавить свой народ от бесправия, нищеты и вывести страну из состояния многовековой отсталости. Однако достижению этой цели мешают стремления лидеров многочисленных народностей и кланов добиться руководящих постов в НДПА, большей частью для того, чтобы показать своему народу, какой он уважаемый человек в стране и мире: ездит на представительской машине, общается с высокопоставленными официальными представителями других стран и т. п. Для достижения своих меркантильных целей они используют любые методы борьбы за власть — от очень жестоких физических до внедрения своих людей в руководящий состав таких группировок партии, как «Хальк» и «Парчам». По некоторым лицам из числа работников ХАД такая информация конкретизировалась и доводилась до руководства советского Представительства.

Отсутствие языковой подготовки на первом этапе отрицательно сказывалось на моем сотруд-

ничестве с оперработниками афганской военной контрразведки. Некоторое время я не знал, как объяснить афганцу, что его задача как военного контрразведчика состоит не в том, чтобы решить, где и по какой цене купить рис для подразделения дивизии, которое он оперативно прикрывает, а в том, чтобы выявлять и перекрывать каналы проникновения вражеских агентов и других враждебных элементов в войска, решать иные специфические для военной контрразведки задачи в условиях реально сложившейся обстановки. Однако у оперов, как у математиков, через некоторое время языковая проблема преодолевается. Завязываются дружеские отношения. На доверительной основе нам, в том числе и мне, стала поступать информация о готовящемся проамериканском перевороте, о закрытом совещании отдела ВКР 7-й дивизии, на котором на начало переворота были расписаны роли каждого оперработника отдела, вплоть до уничтожения персонально каждым из них конкретного прикомандированного советника.

Такая информация помогла нам сосредоточить свое внимание на выполнении боевой задачи 27 декабря 1979 года во время выступления прогрессивных сил Афганистана. В этот день, согласно поставленной в Представительстве задаче, наделенные высокими полномочиями советники Василий (из ОО КГБ СССР по Киевскому военному округу), Юрий (из ОО КГБ СССР по Ленинградскому военному округу) и военный переводчик в форме рядовых афганской армии, используя форму как прикрытие в пути, прибыли в штаб дивизии и в назначенное время расставили советских военных советников,

круглосуточно дежуривших там, по местам, перекрыв таким образом возможность проникновения в штаб военнослужащих афганцев. Правильная расстановка оперативных сил и средств, использование информации, ранее полученной от источников из числа афганцев, о поведении в данной ситуации отдельных военнослужащих 7-й дивизии, а также самоотверженные действия всех участников группы (при инструктаже в Представительстве прозвучали такие слова: «...выполнить задачу любой ценой — Родина никого не забудет»), — все это в совокупности дало возможность не допустить вооруженную поддержку со стороны проамеровской дивизии сил, противостоящих войскам, которые штурмовали дворец Тадж-Бек. В течение двух суток, без права на сон и отдых, нам пришлось различными методами воздействовать на командира дивизии Фарука, заместителя командира по политической части, руководителя отдела военной контрразведки и других военачальников дивизии с целью недопущения их контактов с подчиненными и исключения возможности дать команду на выступление дивизии в поддержку Амина. После первой же неудачной попытки включиться в армейскую связь и достать из-под своего стола оружие и гранаты командир дивизии заявил нам: «Фарук умный человек, выполнит все требования, поставленные от имени руководства СССР». С другими было немного сложнее, но «доходчивые аргументы» в итоге ими были также приняты.

Из-за отсутствия связи в месте расположения 7-й дивизии наше руководство не исключало возможность гибели группы и предприняло все меры к восстановлению любого канала связи с нами.

В результате через двое суток мы были доставлены в советское посольство и вознаграждены повышенным доброжелательным вниманием как со стороны нашего руководства, так и со стороны всего состава посольства, а также нас представили к различным наградам и поощрениям.

С целью получения оперативной информации мне приходилось выезжать на встречи с афганцами за пределы Кабула. К афганцам, говорящим по-русски, я, как правило, выезжал один. С не знающими русский язык я общался вместе со своим подсоветным-афганцем. Для поездок выбирал в резиденции определенную марку машины, подходящую для оперативной обстановки района выезда. По пути следования вывешивал нужные номера из всегда имеющегося комплекта (от афганских до дипломатических). По моей внешности (длинные, до плеч, волосы, пышные усы, униформа без знаков воинского различия) невозможно было быстро определить национальность. Иногда в таких поездках случались курьезные случаи. Например, однажды на дороге в одном из горных районов мой УАЗик заглох. Впопыхах я выскочил из машины без оружия. Залез под капот в поисках неисправности и услышал резкий звук «и...ааа». От неожиданности я выбил подставку капота, и тот ударил меня по голове. Я был в полной уверенности, что это нападение, прополз за автоматом, занял боевую позицию и увидел... мирно стоявшего одинокого ослика, который смотрел на меня как на спасителя. Самое удивительное то, что машина после этого завелась без вмешательства в ее «внутренности». А ослик недоумевал, почему я с таким громким смехом расстался с ним.

Работа в Кабуле требовала хорошего знания города, и мы активно изучали пешеходные и автомобильные пути следования к различным объектам нашей деятельности. Одной из основных причин скрупулезного изучения маршрутов передвижения стали участившиеся факты возникновения локальных и массовых беспорядков в городе, организуемых оппозиционными силами. Участников таких выступлений провоцировали на погромы торговых точек, поджоги машин, в которых находились люди неазиатской внешности (все равно: американцы, русские и т. п.). Не всегда советским людям удавалось без травм и потери имущества уйти от стихийной расправы. Но желания попадать в такие ситуации ни у кого не было. В этой связи мне особенно запомнился выезд на работу 23 февраля 1980 года. В этот день в нашем посольстве намечались праздничные мероприятия, и я усадил в свой «жигуленок» как можно больше сослуживцев для доставки их по месту назначения. При въезде в центр города мы увидели впереди бьющую толпу, горящие машины... Разъяренные люди с довольно большой скоростью двигались нам навстречу. В голове тут же возник план ухода от сложной ситуации. Хорошо зная этот район, я быстро принял решение, какой выбрать маршрут. Немало было пролито пота, прежде чем мы добрались до безопасной зоны.

Майор Юрий Иванович Чижов находился в Афганистане в 1979–1980 гг. За проявленное мужество награжден медалью «За трудовое отличие».

А. А. Марейчев

Первый советник

Оглядываясь на свой жизненный путь, замечу, что за плечами у меня была Великая Отечественная война. В Красную Армию пошел добровольно 22 июля 1941 года после окончания средней школы в Ленинграде. Ленинградское училище военных сообщений закончил в апреле 1942 года, был назначен командиром взвода 8-го отдельного мостового батальона. В составе этой части с боями прошел Белоруссию, всю Литву и Латвию, Восточную Пруссию, участвовал во взятии Кенигсберга.

С 1949 года — на оперативной работе в органах военной контрразведки. В 1956 году окончил Высшую школу КГБ СССР.

17 мая 1978 года в звании полковника я прибыл в Кабул по линии 1-го главного управления КГБ СССР под «крышей» советника посла.

Фактически я стал первым советником по вопросу организации военной контрразведки в подразделениях афганской армии. Переводчика взял

афганца. К сожалению, я не владел языками — ни пушту, ни дари, но постепенно жизнь заставила заговорить на пушту как на языке межнационального общения. В силу своего положения мне регулярно приходилось общаться с лидерами партии НДПА и правительства Афганистана, в частности с Бабраком Кармалем, Нур Мухаммедом Тараки, Хафизуллою Амином, Наджибуллою.

Армия Демократической Республики Афганистан, укомплектованная советской техникой, была мощной. Ее численность составляла до 200 тысяч человек, и по боеспособности наши аналитики по всем показателям ставили ее на второе место после армии Турции.

Для ознакомления с обстановкой в войсках я с группой афганских офицеров посетил воинские части, дислоцированные в Кабуле, Кандагаре, Джелалабаде, Газни, Мазари-Шарифе, Герате.

Совместно с полковником Абдулой Хаком Самади, исполнявшим обязанности начальника военной контрразведки афганской армии, было подготовлено положение и разработана структура органов безопасности в войсках ДРА. Положение было согласовано с министром обороны Хафизуллою Амином.

В короткие сроки были подобраны руководители и оперативные сотрудники для формируемых отделов военной контрразведки афганской армии в количестве около ста человек, с которыми мне пришлось провести месячные учебные сборы.

В начале 1979 года в Афганистан прибыла первая группа советских военных контрразведчиков.

В 1978–1979 годах афганскими сотрудниками под руководством наших советников было выяв-

лено и разоблачено более двадцати засланных в войска агентов бандформирований, два агента пакистанской разведки, предотвращено 11 попыток антиправительственных выступлений.

Борьба между фракциями — «халькистами» и «парчамистами» — за лидерство и партийную власть была крайне острой и выливалась подчас в незаконные аресты оппонентов. После ликвидации лидера партии НДПА Тараки люди Амина начали массовые репрессии не только политических оппонентов. По указанию Амина арестовали большую группу священнослужителей, часть из них физически уничтожили. Под контролем диктатора находилась небольшая группа преданных афганцев, которая занималась выявлением противников режима. Они арестовывали людей и руководили расстрелами. Массовые репрессии вызывали негативную реакцию со стороны населения. Банды моджахедов пополнялись родственниками, которые хотели отомстить за смерть своих близких.

Мне довелось дважды встречаться с диктатором по вопросам создания системы контрразведки в войсках. Амин производил впечатление человека энергичного, с широким кругозором, вдумчивого и крайне интеллигентного. На второй встрече мной было представлено положение о военной контрразведке. Амин в целом утвердил его и передал начальнику в/к полковнику Самади. Он был любезен со мной и поддержал мою точку зрения о необходимости в короткие сроки создать систему контрразведки в войсках, высказал просьбу о направлении в Афганистан дополнительного контингента советников и спецподразделений. В разговоре коснулись вопроса активизации в провинциях

банд моджахедов. Амин высказался за радикальные меры в борьбе с ними. Он считал себя марксистом, надеялся на более активную экономическую и военную помощь со стороны СССР.

Амин старался на ключевых постах в армии расставить своих людей. Командиров дивизий менял каждые три месяца. В результате такой политики в армейских, политических кругах царила нервная обстановка. Фракционная борьба подрывала авторитет партии, накладывала негативный отпечаток на всю деятельность правительства. Налицо был полный кризис политической власти. Перед советским и партийным руководством встал вопрос о смене лидера.

Примерно в октябре 1979 года я написал письмо на имя председателя КГБ СССР Ю. В. Андропова, в котором объективно изложил ситуацию в войсках, факты массовых необоснованных репрессий в отношении граждан республики. Высказал свое мнение о развитии событий, в том числе о возможном росте повстанческого движения. Мое письмо вызвало резонанс, но, по большому счету, не повлияло на решение о вводе войск в Афганистан.

Гигантский механизм государственной машины, в котором участвовало более ста тысяч человек, был запущен. Считаю, что мой вызов в Москву не принес ожидаемых результатов. Было, видимо, не до моего мнения. Госбезопасность и Министерство обороны в то время нацелили свои ресурсы на свержение власти Хафизуллы Амина. Оставались считанные недели до ввода советских войск в Афганистан.

Уже тогда в среде сотрудников КГБ ходила информация о том, что Амин является агентом ЦРУ.

На всех встречах и выступлениях Амин клялся в верности политике КПСС и до последней минуты своей жизни был нам верен. Активного волевого человека, настоящего лидера сменили на Бабрака Кармаля, имевшего для руководителя страны серьезный недостаток — злоупотребление алкоголем.

Думаю, эта смена была выгодна в первую очередь нашей политической разведке, которая продвинула на пост главы партии и государства своего человека. После бескровного переворота личным советником Бабрака Кармаля стал бывший резидент 1-го главного управления КГБ СССР В. Г. Осадчий.

Смерть Тараки подтолкнула к принятию политического решения о вводе советских войск в Афганистан. Бытует легенда, что на принятие этого решения повлияло следующее обстоятельство.

Леонид Ильич Брежнев питал к Нур Мухаммеду Тараки теплые чувства и не раз называл его своим другом. После того как Тараки был арестован и заключен под домашний арест, встал вопрос о сохранении ему жизни, так как Амин обвинил бывшего единомышленника в покушении на свою жизнь и Тараки автоматически стал объектом ликвидации.

Через «дипломатические каналы» лидер КПСС обратился с просьбой к Амину сохранить жизнь Тараки, и последний якобы дал согласие. Однако вскоре Тараки задушили, членов семьи уничтожили. Говорят, когда Брежнев узнал об этом, он посчитал себя лично оскорбленным. Генеральный секретарь ЦК КПСС вызвал председателя КГБ СССР Ю. В. Андропова и дал соответствующие указания о смене лидера в Кабуле.

Началась подготовка к государственному перевороту. К чести военных, многие из них были категорически против ввода войск в Афганистан. Известен доклад начальника штаба Министерства обороны СССР маршала Н. В. Огаркова членам Политбюро ЦК КПСС, в котором он обосновал тяжелые военные, политические, экономические последствия ввода армии на территорию Афганистана.

Однако возобладали точка зрения Ю. В. Андропова.

Д. Ф. Устинов, министр обороны СССР, промолчал.

Как часто у нас бывает, после принятия политического решения начались поспешные и лихорадочные приготовления. Были установлены сроки: смену руководителей правительства Амина осуществить не позднее декабря 1979 года. Была попытка использования снайперов и возможность применения яда, но безрезультатно.

Лично передо мной в последние дни режима диктатора была поставлена задача активизации советников (сотрудников Особых отделов 3-го главного управления КГБ СССР), находящихся в войсках, для предотвращения попыток выступлений в поддержку Амина в день переворота. В ночь с 27 на 28 декабря я получил приказ о выводе политических заключенных после штурма тюрьмы одним из подразделений группы «Зенит».

Тюрьма находилась на окраине Кабула и представляла собой городок, напичканный тысячами противников режима. В этом людском муравейнике я должен был найти лидеров партии НДПА: Абдулу Кадыра, Рафи, Кешману. Получив сигнал

об окончании штурма, под охраной группы десантников и в сопровождении переводчика мы на трех бронетранспортерах прибыли к зданию тюрьмы. Заключенные были живы и находились в одной из камер. Мы доставили их в батальон связи, где передали в руки Кармалю.

Он был одет в бушлат с погонами сержанта Советской армии. Встреча единомышленников была эмоциональной.

Абдула Кадыр пришел на следующий день и сердечно благодарил меня. Через несколько дней восстановили в должности начальника контрразведки Абдулу Хака Самади. Вскоре освобожденные лидеры заняли достойные посты в будущем правительстве республики.

После ввода советских войск я с группой советников поехал в город Газни, чтобы предотвратить выступление афганской дивизии против нового режима в городе Кандагар.

В рамках поставленной руководством КГБ СССР задачи я в течение полугода давал еженедельно консультации по вопросам безопасности (курс основ контрразведывательной подготовки) члену политбюро ЦК НДПА Наджибулле, который возглавил министерство безопасности (ХАД). Его называли доктором Наджибом. Он был одним из самых перспективных руководителей руководства НДПА в 1980 году. К сожалению, в 1996 году, после сдачи Кабула, Наджибулла был казнен талибами. По непонятным причинам разведка не сумела вывести его на территорию России.

Ввод войск ухудшил отношение афганцев к «шурави», то есть к советским. Несмотря на то, что новой властью из тюрем были освобожде-

ны тысячи политических заключенных, началась долгожданная земельная реформа, мечети вновь открыли свои двери, число противников режима только увеличивалось.

Как-то в частной беседе один влиятельный афганец сказал мне, и я запомнил его слова: «Наш народ не терпит иностранного присутствия».

Собственно, даже офицеры Советской армии были не готовы к жизни и военным действиям в стране со средневековым укладом. Были случаи, когда штурмовые удары наносились по мирным кишлакам. Такие факты только подливали масла в огонь. В Афганистан вторглась одна из лучших армий мира — более ста двадцати тысяч человек, а не «ограниченный контингент», как у нас любили повторять в официальных источниках. Принятый в Афганистане Закон о всеобщей воинской повинности увеличил поток молодых людей, пытавшихся скрыться от мобилизации в горах. Они невольно пополняли банды моджахедов, которые активизировали свои действия.

Через два года аппарат советников в афганской армии составлял 67 человек.

В мае 1981 года мне стал известен текст докладной записки группы военачальников, направленной на имя министра обороны СССР.

Приведу основной вывод руководителей Советской армии о присутствии воинского контингента в Афганистане: «Мы считаем, что в сложной военно-политической обстановке в Афганистане, в данное время и в будущем, решить задачу разгрома контрреволюции и установления народно-демократической власти во всей стране только военными усилиями 40-й армии, ВС ДРА крайне

затруднительно, более того — бесперспективно...» Записку подписали генерал армии М. Майоров, генерал-лейтенант В. Самойленко, генерал-лейтенант В. Черемных.

Сегодня, по прошествии почти тридцати лет, можно только склонить головы перед мужеством генералов, которые не побоялись высказать свое мнение по столь острому вопросу национальной безопасности.

К сожалению, голос опытных генералов не был услышан. Присутствие наших войск затянулось до декабря 1989 года. Советский народ потерял лучших сынов, в горниле бессмысленной войны мы подорвали экономику, нанесли невосполнимый урон политическому престижу СССР.

Относительно работы военных контрразведчиков хотел бы сказать, что в Афганистан отправляли лучших сотрудников 3-го главного управления КГБ СССР. Несмотря на суровые условия быта, опасности, которые подстерегали офицеров на каждом шагу, непредсказуемый характер гражданской войны, они делали свою работу на высоком профессиональном уровне, внешне скромно, добиваясь высоких результатов. К сожалению, среди них были боевые потери. Светлая память всем военным контрразведчикам, погибшим за десять с лишним лет необъявленной войны в Афганистане.

После возвращения в декабре 1981 года из Афганистана, где мое пребывание затянулось на три с половиной года, я был назначен начальником Особого отдела Северо-Кавказского военного округа.

Уволившись в запас, вернулся в Ленинград.

Продолжаю работать в ветеранской организации Управления ФСБ России по Ленинградскому военному округу, по мере сил передаю свои знания и опыт молодым сотрудникам.

Мой сын и внук пошли по моим стопам: сын стал военным контрразведчиком, закончил службу в звании капитана первого ранга, а внук — капитан, работает в Петроградском райотделе УФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Я имею сына и дочь, двух внучек и внука, трех правнучек и двух правнуков и считаю себя счастливым человеком.

Генерал-майор Александр Александрович Марейчев находился в Республике Афганистан в 1979–1982 гг. За проявленное мужество во время спецоперации награжден двумя орденами «Красное Знамя» правительства Афганистан, знаком «Почетный сотрудник госбезопасности», орденом Красной Звезды, знаком ЦК ВЛКСМ «За воинскую доблесть».

Ю. Д. Иванов

Воспоминания

Афганские события нашли отражение в материалах периодических изданий, во многих художественных произведениях и кинофильмах. Солдаты и офицеры, прошедшие испытание войной, навсегда сохранили в памяти те сложные и опасные дни. Они никогда не забудут своих товарищей, которые пали смертью героев, выполняя воинскую присягу. Мы были воспитаны на принципах патриотизма и любви к Родине и искренне верили в торжество идей социализма, поэтому ответственно исполняли свой интернациональный долг по оказанию помощи афганскому народу в строительстве нового общества.

Я впервые приземлился в Кабульском аэропорту 1 апреля 1979 года. Мне, как непосредственному свидетелю некоторых афганских событий, хотелось бы поделиться воспоминаниями тридцатилетней давности, которые не стали достоянием гласности, так как до определенного

времени были засекречены, и рассказать о своих первых впечатлениях и событиях, происходивших в Афганистане и предшествовавших вводу наших войск в эту страну. Побудили меня к этому встречи с боевыми друзьями 15 февраля 2009 года — в день 20-летней годовщины вывода советских войск из Афганистана, а точнее — окончания афганской войны.

До направления в Афганистан я работал в Особом отделе КГБ по Ленинградскому военному округу. От обучающихся в военных училищах и академиях афганских офицеров я знал некоторые детали переворота, произошедшего в Афганистане 27 апреля 1978 года. Мне было известно также, что к власти в стране пришла Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА).

НДПА была создана в 1965 году. Первым секретарем ЦК НДПА стал Нур Мухаммед Тараки, его заместителем — Бабрак Кармаль. Через год в партии начались серьезные разногласия, и в 1967 году произошел раскол на две группировки: «Хальк» («Народ») во главе с Тараки и «Парчам» («Знамя») во главе с Кармалем. В 1977 году обе группы вновь объединились. Переворот 27 апреля 1978 года был совершен в основном силами подпольной военизированной группы «Хальк». После этих событий борьба между лидерами двух группировок вновь обострилась и привела, в конечном счете, к гонениям, а затем и репрессиям в отношении парчамистов.

...30 марта 1979 года меня неожиданно вызвали в Москву. В телеграмме говорилось: «Срочно прибыть в Центр для следования в краткосрочную служебную заграникомандировку сроком до 2-х

месяцев. Иметь при себе темный костюм, пальто или плащ, шляпу или кепи, а также необходимые туалетные принадлежности». Попытки уточнить цель командировки и страну пребывания не увенчались успехом. Однако к вечеру того же дня через своего друга, работающего в аппарате КГБ, мне удалось выяснить, что климатические условия страны назначения больше всего напоминают климат среднеазиатских республик СССР. Мой друг ранее проходил службу в Ташкенте и поэтому с уверенностью профессионала посоветовал приобрести светлые костюмы, белые хлопчатобумажные рубашки с коротким рукавом и обязательно несколько пар легкой кожаной обуви. Он также дал некоторые практические советы о проживании и питании в условиях жаркого и сухого климата.

Утром 31 марта я прибыл на экспрессе «Красная стрела» в Москву. Согласно указанию, я поселился в гостинице «Пекин», где встретил пятерых своих однокашников по школе КГБ. Они прибыли из различных городов СССР. Всем нам было лет по сорок, и мы имели практический опыт руководящей работы в отделах военной контрразведки КГБ СССР. Мои коллеги были одеты в черные костюмы и экипированы по рекомендациям телеграммы из Центра, я же был одет по-летнему, в светлое. У каждого из нас была легенда о цели приезда в Москву, которая немедленно лопнула, когда в тот же день всех нас посадили в один автобус и повезли на собеседование в главное здание КГБ СССР, а затем в административный отдел ЦК КПСС. Нам сказали, что по поручению партии руководством КГБ СССР принято решение о направлении нашей группы в Демократическую Республику Афганистан для

оказания помощи в формировании органов военной контрразведки афганской армии. Такое решение принято в связи с тем, что руководитель Демократической Республики Афганистан Тараки обратился к правительству СССР с просьбой направить в его страну на работу советников по линии КГБ СССР для оказания помощи в создании органов госбезопасности страны. Это было неожиданное известие. Однако все восприняли его достойно и ответственно, как большое доверие. При этом нужно отметить, что никто из нашей группы перед направлением в загранкомандировку не проходил обязательного в таких случаях медицинского обследования, а наши семьи не знали, куда мы направляемся, на какой срок и с какой целью.

Поскольку я занимал более высокое должностное положение и к тому же служил в Ленинграде, меня назначили старшим группы.

Ранним утром 1 апреля 1979 года мы вылетели спецрейсом с аэродрома Внуково в Кабул. Для заправки самолет совершил посадку в Ташкенте, а затем взял курс на столицу Афганистана. Когда пилот объявил, что мы пролетаем через перевал Саланг, все прильнули к иллюминаторам и вскоре увидели окраины Кабула с глинобитными домиками, как будто прилипшими к горам, а затем, в центре, современные строения столицы.

В аэропорту нас встретили руководители Представительства КГБ СССР в Афганистане и разместили в гостинице «Кабул». На следующий день нас принял начальник управления военной контрразведки Афганских вооруженных сил подполковник Абдул Хак. Абдул Хак был членом НДПА. Он настороженно относился к курирующему служ-

бу безопасности члену Политбюро ЦК НДПА заместителю премьера и министру иностранных дел Хафизулле Амину и не одобрял политику массовых репрессий.

В это время обстановка в Афганистане менялась весьма динамично. Без какого-либо периода адаптации я сразу окунулся в гущу событий. Уже через несколько дней после прибытия в Кабул я был направлен в Джелалабад, где дислоцировалась афганская дивизия. В Джелалабаде меня встретили представители нашей опергруппы: советник по военной контрразведке полковник Аксенов, советник по пограничным вопросам подполковник Жук, а также советник по линии МВД.

Внутриполитическая обстановка в Афганистане продолжала ухудшаться. В провинциях появились так называемые моджахеды. Они проводили активную подстрекательскую работу в армейской среде. Произошли волнения в некоторых афганских воинских подразделениях, в том числе и мятеж в афганской дивизии, дислоцированной в Джелалабаде. Вечером, при выходе из здания, где находился штаб дивизии, мы обратили внимание на БТР, рядом с которым стоял человек в штатском, в чалме. Ствол БТР был направлен на здание штаба. Отъехав несколько метров, мы слышали стрельбу.

Как оказалось, когда командир дивизии выходил из штаба, по нему из БТР открыли огонь.

Командир дивизии был убит. Это послужило сигналом. По всему военному городку, располагавшемуся в крепости и окруженному высоким глинобитным забором, началась стрельба. Мятеж поддержала комендантская рота, в распоряже-

нии которой было несколько танков. Дом, в котором разместились наша оперативная группа, был заблокирован и обстреливался. Мы выпрыгнули со второго этажа здания, и по нам был открыт огонь из автоматов, однако темнота не позволила мятежникам вести прицельную стрельбу. В этот день я впервые имел огневой контакт с противником.

Под покровом темноты нам удалось подняться по лестнице на четырехметровую стену, спрыгнуть с нее и укрыться в небольшом помещении, примыкающем к забору. Аксенов серьезно повредил ногу.

Утром следующего дня сотрудник военной контрразведки афганской дивизии разыскал нас и сообщил о положении дел в гарнизоне. Чтобы не вызывать подозрения у афганцев, он рекомендовал нам переодеться в принесенные им национальные одежды с чалмой и обеспечил наш выезд в Кабул на автомашине.

По свидетельству очевидцев, прилетевший в Джелалабад начальник Генштаба афганской армии Якуб приказал командиру танкового батальона повернуть танки против дивизии, и вскоре мятеж был подавлен. Затем в помещении выстроили 120 человек из комендантской роты, и Якуб лично их расстрелял. Адъютант только подавал ему заряженные рожки к автомату Калашникова. Убитый командир дивизии был другом Якуба.

В связи с обострением обстановки в Афганских вооруженных силах было принято решение о создании в Представительстве КГБ СССР в Афганистане 3го отдела для оказания помощи в организации работы афганской военной контрраз-

ведки в Вооруженных силах ДРА. Я был назначен заместителем начальника 3-го отдела. В мои обязанности входило руководство нашими советниками, организация работы с руководителями управления афганской военной контрразведки, их обучение методам оперативной работы в воинских частях и подразделениях, добывание информации о подрывной деятельности исламистских группировок против Демократической Республики Афганистан и их связях с Ираном, Пакистаном и США, а также о положении в зоне пуштунских и белуджских племен.

Наши советники обучали афганцев методам получения информации, ее оценке и способам реализации. Благодаря этому от афганских военных контрразведчиков были получены оперативные материалы о том, что некоторые подразделения армии ДРА, участвовавшие в боевых столкновениях с бандами в приграничных территориях Афганистана, зачастую не были до конца преданы новому режиму. Было много случаев дезертирства, причем уходили не только единицы, но порой взводы, роты, даже батальоны. С таким положением дел нельзя было мириться, и наши советники более целенаправленно стали уделять внимание подготовке афганских коллег по организации агентурно-оперативной работы в войсках. В процессе подбора кандидатов на службу в военную контрразведку мы в первую очередь рассматривали кандидатуры тех прогрессивно настроенных офицеров, которые обучались в военных учебных заведениях в Советском Союзе, хорошо знали русский язык, и тех, кто попадал в поле зрения Особых отделов КГБ и мог находиться с ними в оперативном контакте.

Основное внимание уделялось обучению вновь подобранных и зачисленных для службы в афганской военной контрразведке сотрудников.

Результаты этой работы вскоре дали свои положительные результаты. Так, уже в мае 1979 года были получены оперативные данные об активной деятельности пакистанской разведки в Кабуле по вербовке афганских офицеров, которая действовала под дипломатическим прикрытием. Получив эту информацию, мы с моим коллегой полковником А. П. Масловым оказали практическую помощь афганским военным контрразведчикам Кабульского гарнизона в разработке оперативных мероприятий по подставе проверенного и патриотично настроенного офицера штата афганских ВВС одному из пакистанских разведчиков.

Афганским контрразведчикам удалось конспиративно арестовать этого сотрудника пакистанского посольства и перевербовать его. Они довольно успешно провели заключительный этап этой операции. Было выявлено девять агентов из числа афганцев, в том числе и из числа офицеров кабульского гарнизона. Одного агента не нашли, восемь были арестованы. Их деятельность была пресечена.

Это мероприятие нанесло ощутимый удар по резидентуре пакистанской разведки в Кабуле.

Необходимо отметить, что многие советники Представительства КГБ СССР находились в удаленных от советского посольства провинциях. Они жили среди афганцев, и обстановка там была очень опасной. По ночам многие территории контролировались душманами, и были опасения, что определенная часть афганских военнослужащих может перейти с оружием на сторону противника.

Угроза жизни была реальной, о чем свидетельствовали потери среди оперативного состава.

Самым неожиданным и тяжелым для меня было известие о гибели моего сослуживца, с которым мы прибыли в Кабул первым рейсом. Выяснилось, что во время проведения афганцами операции по уничтожению бандгруппировки привлекался вертолет, в котором находилась группа афганских офицеров и подполковник Виктор Жук. Когда вертолет оторвался от земли, с гор его обстреляли бандиты. Вертолет загорелся и разбился. Погибли все, в том числе и мой товарищ. У подполковника Жука в Минске остались жена и две дочери. Мне была поручена сложнейшая и тяжелая миссия посетить семью, передать личные вещи Виктора и выразить соболезнование. Горе и слезы жены и дочерей Виктора Жука остались в моей памяти навсегда.

По долгу работы мне приходилось многократно выезжать в города Кандагар, Хост, Герат, Газни и другие провинциальные центры, где дислоцировались афганские воинские гарнизоны, в которых находились наши советники.

В связи с обострением обстановки и мятежом, вспыхнувшим в афганской дивизии в октябре 1979 года, пришлось вылететь на вертолете в город Гардез. При заходе на посадку вертолет был обстрелян и получил повреждения, но пилоту удалось удачно приземлиться. В течение двух дней наша группа, в которую входили и военные советники, подвергалась постоянным обстрелам. Вместе с афганскими военными контрразведчиками удалось выявить зачинщиков мятежа, но многие из них, прихватив оружие и часть вооружения, покинули

свои подразделения и перешли на сторону антиправительственных сил.

В сентябре произошли события, которые резко обострили внутривнутриполитическую обстановку в Афганистане и в дальнейшем стали одной из основных причин ввода советских войск в эту страну.

В начале сентября Тараки во главе правительственной делегации ДРА посетил Кубу. По пути в Гавану и на обратном пути в Кабул Тараки останавливался в Москве, причем перед возвращением в Кабул с ним встретился Л. И. Брежнев.

Советское руководство, первым поддержавшее Апрельскую революцию и постоянно оказывавшее поддержку политике ДРА, проводимой ее новым руководством, болезненно воспринимало перегибы во внутренней политике Афганистана и особенно внутривнутрипартийную борьбу между «Хальк» и «Парчам». Одним из главных инициаторов внутривнутрипартийной борьбы и репрессий против парчамистов являлся Хафизулла Амин, бывший в то время вице-премьером и министром иностранных дел ДРА. Помимо преследования однопартийцев Амин жестоко расправлялся с религиозной оппозицией и этническими меньшинствами, что вызывало негативный международный резонанс и международную критику советской внешней политики.

Советское руководство не раз поднимало перед Тараки вопрос о смещении Амина с ответственных государственных постов, но всякий раз афганский лидер защищал своего выдвиженца.

После поездки в Гавану советскому руководству все же удалось склонить Тараки к более решительным действиям по кадровым перестановкам,

что стало известно находившимся в составе афганской делегации сторонникам Амина Таруну и Азизу Акбари. Амин решил нанести упреждающий удар и сразу после возвращения делегации в Кабул первым обвинил Тараки в «предательстве завоеваний Апрельской революции». Обладая большим влиянием в армейских кругах, он склонил на свою сторону начальника генерального штаба Якуба и взял под контроль армию. Решительные и энергичные действия Амина стали неожиданными не только для Тараки, но и для наших руководителей.

Чтобы выиграть время, наше руководство решило использовать все свое влияние, чтобы временно примирить Амина и Тараки, однако попытка советского посла Пузанова и сопровождавших его представителя КГБ СССР генерал-лейтенанта Иванова, а также военных советников генералов Павловского и Горелова выступить посредниками для разрешения конфликта не увенчалась успехом. Намерения советской стороны были очевидны для Амина, и, понимая, что перемирие работает против него, Амин с помощью своей охраны спровоцировал конфликт и перестрелку с охраной Дворца народов, где его ожидали Тараки и советские представители. В перестрелке был убит ближайший соратник Амина Тарун, и Амин под этим предлогом отказался от встречи, обвинив Тараки в попытке убить его самого. 16 сентября 1979 года он собрал пленум ЦК НДПА. Обрисовав сложность обстановки и «заговор» министров против него, Амин заявил, что, «если будет сообщено, что Тараки просит освободить его по состоянию здоровья, то советские товарищи возражать не будут». У некоторых членов ЦК партии сложилось

мнение, что этот вопрос согласован с советским правительством.

Амин заключил Тараки под домашний арест, и приблизительно через месяц после этого бывший лидер Афганистана был задушен в своей спальне. Придя к власти, Амин стал преследовать всех тех, кто был сподвижником Тараки и участвовал в Апрельской революции. Были получены достоверные оперативные данные о том, что Амин приказал арестовать и уничтожить влиятельных сторонников Тараки — героев Апрельской революции: министра управления национальной безопасности Сарвари, министра обороны Ватанджара и министра внутренних дел Гулябзоя, которые находились в оппозиции. Нашим советникам при спецслужбах ДРА удалось вовремя укрыть их в одной из конспиративных вилл представительства, а затем скрытно вывезти на грузовой автомашине ГАЗ-66 на военно-воздушную базу Баграм, где находилась группа советских войск. Там работал мой коллега советник при начальнике контрразведки базы полковник Дадыкин. Передо мной и Дадыкиным была поставлена задача обеспечить беспрепятственный въезд на аэродром указанной автомашины и безопасный проезд ее к самолету. 18 сентября 1979 года мы встретили на подъезде к аэродрому ГАЗ-66 и сопровождали его, следуя впереди на легковом автомобиле, до стоянки самолета, который уже был готов к вылету. Грузовик с тремя министрами с ходу въехал в фюзеляж самолета, который немедленно взлетел и взял курс на Ташкент. Вся операция прошла успешно. Но для Амина и других, знавших Сорвари, Ватаджара и Гулябзоя, остался вопрос: «Куда делись министры?» После

ликвидации Тараки и в армии, и в государственных учреждениях, несмотря на чистки, которые проводились Амином, оставалось много сторонников Тараки, не согласных с той линией, которую проводил Амин. В этом плане характерными были события, которые произошли в Кабуле в октябре 1979 года. Вечером от заместителя начальника афганского управления военной контрразведки я получил информацию, что в 7-й дивизии мятеж. В то время из-за осложнения обстановки в стране мне и моим коллегам советникам пришлось организовать круглосуточное дежурство в управлении для быстрого реагирования на складывающиеся в войсках ситуации и своевременного информирования руководства Представительства.

Стало известно, что из танков расстрелян узел связи и танковый батальон якобы двинулся на Кабул.

Были опасения, что если этот батальон подойдет к нашему посольству, то могут быть очень тяжелые последствия. В дивизии находились три военных советника и один советник по линии военной контрразведки, но связь с ним была потеряна. Военным советником генералом Гореловым была дана команда поднять полк коммандос, который дислоцировался в крепости Балахисар, чтобы окружить дивизию; кроме того, планировалось поднять вертолеты для нанесения удара. Через некоторое время в Представительство прибыл мой коллега, советник отдела военной контрразведки указанной дивизии полковник Ю. Поликашин, и доложил, что мятежники выступают под лозунгами: «Да здравствует товарищ Тараки!», «Да здравствует дружба между Советским Союзом и Афганистаном». Стало ясно,

что это сторонники Тараки, а не какие-то моджахеды. Как выяснилось, танковый батальон не поднимал восстания, а из гарнизона утром следующего дня вышла только комендантская рота с тремя танками для участия в учениях артиллерийского и пехотного полков дивизии, спланированных нашими военными советниками.

Для того чтобы оправдать себя, некоторые военные советники, в том числе и высокого ранга, пытались представить дело так, что якобы восстание в дивизии организовали парчамисты, и чуть ли не при содействии советников из числа сотрудников КГБ СССР. Однако такие заявления были абсолютно несостоятельны, поскольку мы не имели сведений о далеко идущих планах руководства страны о замене Амина на посту руководителя НДПА и возможном приходе на руководящий пост Бабрака Кармаля, так как эта информация была засекречена и об этих планах знало ограниченное количество руководителей страны, разведки КГБ, а также Министерства обороны СССР. Мы не собирали информации о парчамистах, не вели по ним агентурной работы. Парчамистов я увидел впервые только в январе 1980 года, когда к власти в стране пришло новое руководство.

Захватив власть, Амин усилил репрессии не только против парчамистов, но и против сторонников Тараки внутри крыла «Хальк». Чистки в партии сопровождались пытками и расстрелами.

Продолжалось физическое уничтожение религиозных деятелей. Амин также активизировал бомбардировки центральных районов Афганистана, где проживало около миллиона хазарейцев — потомков монголов, которые, в отличие от суннит-

ского большинства в Афганистане, исповедуют шиизм и больше тяготеют к Ирану. Хазарейцы с первых дней не приняли Апрельскую революцию, однако каких-либо активных действий против правительства ДРА не вели, сохраняя контроль над труднодоступными провинциями Гор и Бамиан.

Кроме этого, карательные операции проводились в зоне проживания пуштунских племен на границе с Пакистаном.

С первых дней пребывания в воинских гарнизонах наши советники обратили внимание на то, что некоторые руководители из афганской контрразведки появляются на работе уставшими, взъерошенными, со следами грязи на ногах. Через некоторое время выяснилось, что это было связано с ночными расстрелами, которые проводились по личному указанию Амина. Некоторые афганские офицеры рассказывали, как проводятся пытки людей и каким образом из них выбиваются «чисто-сердечные» признания. Было установлено, что для этого использовались полевые телефонные аппараты с токами низкой частоты.

Ликвидация людей условно называлась «отправить в Пакистан». Стало ясно, что террор в стране приобретает все более широкие масштабы. Это привело к антиправительственным выступлениям.

Разъясняя афганским военным контрразведчикам основы оперативной работы, мы постоянно проводили мысль о том, что органам безопасности нельзя решать задачи путем массовых арестов, пыток и расстрелов без суда и следствия. Они соглашались с этим, но мы через агентуру знали, что аресты практически захлестывают представителей всех слоев общества:

торговцев, феодалов, интеллигенцию, армию и духовенство.

Такая ситуация беспокоила руководство КГБ СССР, поэтому оперативным работникам были даны строгие указания не принимать участие и не присутствовать при арестах, допросах и других проводимых афганцами мероприятиях, которые могли бы скомпрометировать наших советников. Рекомендовалось заниматься с афганскими военными контрразведчиками оперативной подготовкой, обучением их методам вербовки агентуры, использованием других сил и средств по выявлению враждебных или преступных замыслов со стороны противника, анализу информации и разработке мер противодействия.

Политика Амина не только подрывала международный авторитет Советского Союза, но и компрометировала советскую политику в глазах афганского населения, которое связывало репрессии властей с политикой СССР.

Такое положение не могло устраивать руководство нашей страны, и поэтому с конца октября 1979 года в Центре стали прорабатываться планы устранения Амина. Главная ставка для смещения Амина делалась на руководство «Парчам» во главе с Кармалем Бабраком. По замыслу Центра, парчамисты при поддержке халькистов — сторонников Тараки, выражавших перед лицом общей угрозы готовность вновь объединиться с парчамистами, должны были совершить вооруженный переворот в Кабуле и захватить власть. Для этого у них якобы имелась своя агентура в гвардии, охранявшей Дворец народов, которую должны были поддержать оппозиционеры в армии. Сигналом к

перевороту должен был стать подрыв «колодца», в котором стыковались основные линии связи и силовые кабели, питавшие центр Кабула, в том числе Дворец народов. Взрыв должен обесточить центральную часть города и лишить Амина связи. Действия афганцев должна была поддержать рота пограничников на БРДМ, которая находилась в Кабуле для охраны посольства.

Операция была назначена на 13 декабря 1979 года. Около 9 часов вечера прозвучал взрыв. Свет в городе погас. Однако ожидаемого активного выступления сторонников Кармая не произошло, и операция была отменена. Как выяснилось, сведения парчамистов об их позициях в гвардии, а также в воинских частях кабульского гарнизона и возможностях по захвату власти своими силами и устранению Амина были сильно преувеличены.

Стало ясно, что боеспособной оппозиции Амину в НДПА нет.

Сотрудники, имевшие опыт работы с агентурой из числа афганцев, хорошо знали особенности их характера, традиций и учитывали это в своей оперативной деятельности. Афганцы, как правило, охотно шли на сотрудничество с нами, но лишь единицы из них обладали реальными оперативными возможностями для получения интересующей нас информации. Встречи с источниками из числа афганцев часто походили на психологическую игру, когда одна сторона пыталась догадаться, какую информацию от нее ожидают, пытаясь импровизировать на ходу и подчеркивать важность и достоверность передаваемых сведений, а другая стремилась определить, являются ли переданные сведения истинными или они всего лишь резуль-

тат желания источника угодить оперработнику, чтобы тот не потерял к нему интерес.

После провала операции руководством Представительства КГБ СССР перед нами была поставлена задача постоянно отслеживать изменения в оперативной обстановке в афганских воинских гарнизонах, знать настроение командования афганских частей и подразделений и в случае получения сигналов о возможной подготовке войск к передвижению для решения боевых задач в тесном взаимодействии с нашими военными советниками пытаться не допустить выхода афганских гарнизонов за их пределы.

Для выполнения указанных задач 14 сентября 1979 года я вместе с переводчиком лейтенантом В. Ахмеджановым, прибывшим после окончания Высшей школы КГБ, выехал на автомашине ВАЗ-2103 в расположение 4-й танковой афганской бригады, дислоцированной примерно в двадцати километрах от Кабула, недалеко от тюрьмы «Поличархи». На КПП к нам подошел афганский офицер. Он придирчиво осмотрел наш автомобиль, спросил, кто мы, поинтересовался целью приезда и, несмотря на предъявленный специальный пропуск, выданный в генштабе ДРА, разрешил нам въезд на территорию гарнизона только после длительных согласований с кем-то по телефону. Это насторожило нас, так как раньше наших советников всегда пропускали в афганские воинские части фактически без проверки. Мы подъехали к зданию, где размещался отдел военной контрразведки. Я дал указание В. Ахмеджанову остаться в автомашине, предупредив его, что, если я не появлюсь через десять-пятнадцать минут, он дол-

жен зайти в отдел для уточнения причины моей задержки.

Зайдя в здание, я увидел, что перед дверью помещения, в котором размещался отдел военной контрразведки бригады, стоит вооруженный солдат. При моем приближении он вскинул автомат и, держа палец на спусковом крючке, крикнул: «Дриш!» («Стой!»). Я был в песочного цвета форме советника, без оружия. Афганские военнослужащие узнавали нас по этой форме и всегда относились с почтением, были предупредительны и вежливы. Зная психологию рядовых афганцев, которые называли нас «мушавер саиб» («господин советник»), я решил действовать молниеносно и нагло: отвел в сторону ствол его автомата и зашел в помещение отдела. Здесь я увидел майора Юсуфа и подчиненного ему оперработника, которые сидели на скамье начальника со связанными колючей проволокой руками. Тут же находился старший лейтенант — афганский политработник одного из танковых батальонов, который был вооружен и при моей попытке выйти из помещения отдела перегородил дверь. Объяснений с ним не могло быть, так как он не владел русским языком, а я не говорил на фарси.

Как и было условлено, в назначенное время в отдел зашел переводчик и по моей просьбе спросил у афганского политработника: «Почему задержаны офицеры?» Тот ответил, что получил приказ из штаба. Обстановка была непростой, и решение нужно было принять очень быстро. Я потребовал, чтобы политработник сходил в штаб дивизии, который находился метрах в четырехстах от здания афганской военной контрразведки, и доложил, что в отдел прибыл советник, который требует разъяснений, на

каком основании задержаны сотрудники военной контрразведки. Офицер согласился, вышел и дал указание вооруженному солдату никого не выпускать из помещения. Мы освободили руки задержанным, спросили, есть ли в отделе оружие. Начальник отдела сказал, что пистолеты у них изъяли, но под столом он сделал схрон, из которого были извлечены три автомата и боеприпасы к ним. Ахмеджанов попросил солдата зайти в помещение отдела, тот подчинился — и тут же был обезоружен. Мы вышли из здания, предварительно закрыв на ключ дверь помещения, в котором остался афганский солдат, быстро сели в нашу автомашину и выехали с территории дивизии, минуя КПП, по вспомогательной дороге, которую нам показал Юсуф. Выскочив на автотрассу, я до отказа выжал педаль акселератора и на предельной для ВАЗ-2103 скорости домчался до Кабула и въехал в ворота посольства.

По словам Юсуфа, его арестовали из-за того, что он является дальним родственником Гулябзоя. Он благодарил за спасение, называл меня старшим братом. Прощаясь, Юсуф сказал, что вынужден будет скрываться. Позже, после прихода к власти Кармаля, он продолжил службу в военной контрразведке.

Срыв операции 13 декабря побудил руководство к поиску новых альтернативных решений.

20 декабря 1979 года обстановка в Кабуле серьезно изменилась. В этот день Амин переехал из дворца Арк, который располагался в центре столицы, в новую резиденцию — дворец Тадж-Бек, находившийся на окраине города. Кроме того, в тот же район переехало министерство обороны и Генеральный штаб афганской армии.

Необходимо отметить, что и Тараки, и Амин начиная с марта 1979 года постоянно ставили вопрос о вводе наших войск. На этом настаивал Амин и после того, как убрал Тараки.

25 декабря в 15.30 по московскому времени наши войска начали пересекать границу Советского Союза с Афганистаном. Ввод войск проходил по нескольким направлениям.

В Кабул прибыла группа из Главного оперативного управления Генерального штаба Советской армии для проведения рекогносцировки. Они разрабатывали различные варианты развития событий. В ночь с 25 на 26 декабря в Кабуле десантировалась 103-я воздушно-десантная дивизия, и с ее приходом закончилось сосредоточение в Кабуле основных сил для проведения операции «Байкал-79».

Одновременно с десантниками в Баграм был доставлен так называемый «мусульманский» батальон Главного разведывательного управления СА, сформированный из военнослужащих с восточной внешностью, одетых в афганскую военную амуницию. Операция была назначена на 27 декабря. Она была разделена на два этапа.

Первый этап — это нейтрализация руководителей и захват основных объектов силами спецподразделений КГБ СССР с приданными силами воздушно-десантных войск и подразделений ГРУ. На втором этапе задача по поддержанию порядка и стабильности в стране возлагалась на части и подразделения Советской армии.

По линии Представительства КГБ СССР в мероприятиях по нейтрализации афганских войск были задействованы все советники военной кон-

трразведки, перед которыми стояла задача не допустить выхода афганских гарнизонов за пределы их дислокации, и они с ней успешно справились.

Штурм дворца Тадж-Бек начался 27 декабря.

В 19.15 прогремел взрыв, затем началась постоянная стрельба. Основная часть операции заняла 40–45 минут. Единственным объектом, где столкновения продолжались сверх этого срока, оказался дворец Тадж-Бек. Хафизулла Амин был убит во дворце в ходе боевых действий. К сожалению, при штурме дворца из числа сотрудников КГБ было ранено семнадцать человек, четверо убиты.

Одновременно со штурмом дворца Тадж-Бек начался штурм Дворца народов — Ханэйе Хальк, который охранялся афганской гвардией. Мне была поставлена задача во взаимодействии со штурмовой группой, в которую входили военный советник полковник В. Никифоров, офицеры и военнослужащие воздушно-десантных войск, внезапно ворваться на четырех боевых машинах десанта (БРДМ) на территорию дворца и не допустить выступления афганских гвардейцев. С привлечением двух находящихся на оперативном контакте афганских офицеров нашей группе удалось внезапно проникнуть в здание, блокировать комнаты с оружием и фактически обезоружить более 600 афганских военнослужащих. Благодаря неожиданным и решительным действиям нашей оперативной группы и десантников удалось не допустить перестрелки и бесконтрольного перемещения по территории гарнизона афганцев, избежать кровопролития. После штурма в Представительство КГБ стали приезжать с места событий мои коллеги-чекисты, которые участво-

вали в описанных выше операциях. Многие из них находились в состоянии психологического шока и тем не менее находили в себе силы докладывать, как все происходило и что они предпринимали и видели. Всем участникам этих событий были вручены государственные награды.

1979 год закончился, операция была проведена успешно, в тесном взаимодействии подразделений КГБ со спецназом ГРУ, удалось не допустить утечки информации, сохранить тайну и обеспечить внезапность. Непосредственные участники штурма проявили высокий профессионализм и самый настоящий героизм.

Напряженные моменты случались у каждого из нас. С точки зрения личной безопасности, самыми сложными для военных контрразведчиков-советников стали первые месяцы после ввода советских войск в Афганистан, когда в Кабуле и ряде провинций начались массовые антисоветские выступления. Используемая противником тактика организации засад вооруженными бандгруппами оказалась неожиданной как для нас, так и для наших военных, привыкших к безопасной жизни в Советском Союзе. Массовые волнения, выступления бандформирований, переход на их сторону афганских военнослужащих стали непосредственно угрожающим фактором для жизни оперативных сотрудников Представительства КГБ, работавших в афганских воинских гарнизонах.

Первое значительное организованное выступление антиправительственных сил в Кабуле произошло 23 февраля 1980 года. Афганские спецслужбы явно «проспали» эти волнения, которые, как выяснилось в дальнейшем, были хорошо спланирова-

ны противником. В тот день в нашем посольстве, как обычно, был дипломатический прием по поводу очередной годовщины Советской армии, на котором присутствовало все афганское руководство во главе с Кармалем. Получив все же, хоть и с опозданием информацию о начавшихся в городе беспорядках, афганцы как-то быстро покинули советское посольство.

До этого момента я знал о массовых беспорядках только из учебников и средств массовой информации, поэтому, как и другие мои коллеги, недооценил опасность происходящих в городе событий. Возвращаясь поздним вечером того же дня вместе с коллегами из управления военной контрразведки ДРА наш автомобиль «Жигули» в районе мечети неожиданно оказался в окружении разгневанной толпы. Афганцы стали плевать на лобовое стекло, бить кулаками по автомашине и бросать камни, в результате чего заднее стекло разбилось. Находящийся за рулем наш сотрудник Л. М. Луценко не растерялся: включив звуковой сигнал и резко прибавив скорость, он прорвался сквозь толпу. Афганцы не ожидали такой наглости, но ловко отскакивали от автомашины. По прибытию в Представительство мы при осмотре автомашины кроме камня обнаружили пробойну на багажнике, которая была сделана металлическим предметом типа секиры. Волнения в Кабуле продолжались почти трое суток, в основном в вечернее и ночное время, однако затем властям удалось взять обстановку под контроль.

Ввод советских войск в Афганистан не предполагал участия наших военнослужащих в боевых действиях с антиправительственными силами.

Однако обстановка в Афганистане продолжала ухудшаться. Гражданская война расплзлась по провинциям. На территории Пакистана обосновались наиболее радикальные мусульманские организации с такими лидерами, как Хекматияр, Раббани и др., которые выступали противниками нового режима. Спецслужбы Пакистана начали активно сотрудничать с этими организациями, готовить на своей территории боевые группы и забрасывать их на территорию Афганистана.

Зачастую выступления этих группировок в Афганистане носили организованный характер.

Чувствовалось, что существует нелегальная связь между целым рядом отрядов мятежников, которые уже обладали техническими средствами и современным вооружением. В этих условиях афганские войска не могли противодействовать таким акциям, их попытки были неэффективными, носили эпизодический характер. Планируемые в афганских штабах боевые операции против моджахедов становились достоянием противника по причине предательства.

Некоторые политологи говорили, что наши войска были введены чуть ли не с миротворческими целями, то есть как миротворческие силы. Но это было заблуждением, так как гражданская война уже не только шла, ею была охвачена вся страна. Наши войска вошли в Афганистан в самый острый период, они не могли занимать нейтральную позицию и вынуждены были участвовать в боевых действиях на стороне того режима, который поддерживался Советским Союзом.

Оценивая обстановку в Афганистане, первый заместитель министра обороны СССР маршал Соколов в январе 1980 года на встрече с руково-

дящим составом сказал: «Знаете, чего я больше всего боюсь? Самое страшное, что эта афганская армия вся разбежится, и мы останемся один на один с массой мятежников на всей территории страны».

27–29 января 1980 года состоялся частный, закрытый визит председателя КГБ СССР Ю. В. Андропова в Афганистан. Естественно, что некоторые руководители ждали встречи с ним.

Со слов заместителя руководителя Представительства КГБ СССР генерал-майора В. Б. Багнюка, моего непосредственного начальника, 28 января его заслушал Ю. В. Андропов. Багнюк дал оценку работы афганской военной контрразведки и с этой позиции сообщил о состоянии дел в армии. Он также затронул вопросы борьбы с бандформированиями и высказал рекомендации об оказании помощи афганским контрразведчикам по добыванию информации о противнике и более активном участии наших советников в работе по обучению афганцев методам внедрения во враждебные и бандитские группировки с целью их разложения и компрометации. Ю. В. Андропов положительно оценил деятельность наших военных контрразведчиков.

После отъезда из Кабула Ю. В. Андропова обстановка в стране и ее вооруженных силах, к сожалению, не улучшилась, были тенденции негативного плана.

Драматично развивались и события в провинции Газни, куда я был назначен руководителем оперативной зоны. В состав оперативной группы кроме меня входили десять человек оперативного состава спецназа «Альфа». Мы прибыли на двух вертолетах

и разместились в брошенной афганцами казарме при небольшом аэродроме.

Условия были спартанскими, так как отсутствовали элементарные условия для жизни. Нам достались солдатские железные кровати, туалетов не было, воды для умывания не хватало. Лишь через несколько дней нам доставили матрасы и постельные принадлежности.

Мы тесно контактировали с командованием советского мотострелкового полка, разместившегося примерно в пятнадцати километрах от Газни, а также военными контрразведчиками Особого отдела КГБ, обслуживающими полк. Для нас было большим счастьем еженедельно выезжать в полк в установленный для нас банный день, где нас угощали вкусной едой: борщом, селедкой, картошкой.

Поездки в полк проводилась тайно от афганской стороны, как по времени, так и по дням недели. Но никакие предосторожности не спасали нас от обстрелов. Причина была в том, что из Центра для оперативного состава Представительства КГБ СССР были доставлены автомашины «Нива» белого цвета; три из них достались нашей группе. Такие автомашины в Афганистане появились впервые, и мои коллеги стали в шутку называть их «чековозки» (возили чекистов), по аналогии с автомашинами, которыми пользовались члены политбюро ЦК КПСС, — их называли «членовозки». Автомашин «Нива» на афганских дорогах было немного, они выделялись как цветом, так и формой, и, как нам стало известно, к противнику просочилась информация, кто на них перемещается. Мы, а также мои коллеги в других провинциях и в Кабуле через некоторое время стали понимать, что огонь из стрел-

кового оружия открывается именно по автомашинам «Нива».

Пришлось через афганскую службу безопасности сменить эти автомобили на менее приметные автомашины.

В контакте с военными советниками при афганской дивизии в сентябре 1980 года нами был разработан план уничтожения бандгруппировки, которая укрывалась в горах недалеко от города и постоянно, особенно в ночное время, обстреливала Газни из тяжелых видов вооружения. При совершении марша афганской военной колонны бронетранспортеров и другой техники, следовавшей к месту предстоящего боя, она была обстреляна из орудий. В результате часть техники была уничтожена, погибли несколько афганских военнослужащих. Один из снарядов попал в правое переднее колесо БТР, где кроме афганцев находились я и военный советник полковник Н. Князев.

Мы были контужены и через нескольких дней госпитализированы. В процессе расследования было установлено, что планы командования стали известны противнику из-за предательства одного из афганских офицеров штаба дивизии.

В Кабуле я познакомился с коллегами из Ленинградского управления КГБ СССР — моими боевыми товарищами Ф. А. Мясниковым и А. Т. Ибрагимовым. В сложнейших условиях афганской войны мы проверили себя и свои характеры и, несмотря на небольшой период времени пребывания в этой стране, постоянно поддерживали друг друга, прошли большую жизненную школу и сегодня остаемся самыми верными и надежными друзьями.

Я искренне благодарен всем боевым товарищам, с которыми пришлось пройти через калейдоскоп афганских событий.

Полковник Юрий Дмитриевич Иванов находился в Афганистане с апреля 1979 г. по ноябрь 1980 г. За проявленную храбрость при выполнении интернационального долга награжден знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть».

А. С. Новиков

Моя война в Афганистане

Я родился в 1954 году в городе Моршанске Тамбовской области. В 1971 году получил аттестат об окончании средней школы. Будучи школьником, занимался легкой атлетикой, шахматами, принимал участие в соревнованиях, абсолютно сознательно готовя себя к службе в Советской армии. Набрав нужное количество баллов на вступительных экзаменах, я поступил в Ярославское высшее зенитно-ракетное командное училище и через четыре года блестяще его закончил. На последнем курсе был принят в ряды коммунистической партии. Весь период обучения принимал активное участие в общественной жизни училища. Прибыв к месту распределения, я невольно обратил на себя внимание офицеров военной контрразведки и через какое-то время принял их предложение работать в системе государственной безопасности.

В 1978 году я закончил Высшие курсы военной контрразведки в городе Новосибирске. После их окончания меня направили в структуру Особых отделов Ленинградского военного округа. 1 марта 1980 года, как и десятки других сотрудников госбезопасности, я прибыл без паспорта в Кабул на самолете. Это были первые месяцы присутствия 40-й армии на территории Афганистана. Шел активный процесс создания системы государственной безопасности молодой республики. Наши чекисты-профессионалы принимали самое живое и непосредственное участие в этой работе. Я попал в Особый отдел в период развертывания полка в бригаду.

Все приходилось начинать с нуля. Например, не было нормального жилья. В палатке жили три человека: начальник Особого отдела, я и секретарь отдела. В течение месяца, благодаря настойчивости и активности оперативных работников, у нас в отделе появился легковой автомобиль, отделение охраны, пишущая машинка.

Организационные вопросы явно хромали. Так, до июня 1980 года у офицеров Особых отделов не было денежного довольствия, газеты не доставляли, и мы жили в информационном вакууме. В военторгах покупали всякую мелочь в долг, в счет будущей зарплаты. Значительно позже было принято решение ввести оплату в виде чеков. Правовой статус офицера не был определен, и совершенно было непонятно, что мы могли и не могли делать с пленными афганцами, дипломатами, иностранными журналистами.

В конечном счете, вся эта неразбериха вытекала из понятия «необъявленная война» и приня-

тия, как всегда, решения, которое выполнялось в спешке.

В апреле сотрудники Особого отдела в составе бригады участвовали в операции. Шли маршем. Бригада побывала в провинциях Лагман, Наргархан, Кунар. Каждый оперработник выходил со своим батальоном. Входя в населенные пункты, занимались «зачисткой». Переводчиков со знанием местных языков не было. Местное население явного противодействия не оказывало. Душманы стреляли из-за угла, да и то редко. Перед руководством бригады задачи вступать в бой тогда не ставились. Это был относительно мирный период сосуществования армии и афганского народа.

В те весенние месяцы офицеры 40-й армии были абсолютно уверены, что присутствие армии в Афганистане продлится три-четыре месяца. Но время шло. Армия увязала все глубже и глубже, беря на себя функции защитников революции и НДПА. В то же время среди офицеров бытовало мнение, что если бы Советская армия не вошла в Афганистан, то обязательно вошли бы американцы.

С апреля 1980 года началось искусственное втягивание советских войск в борьбу с душманами.

В конце апреля бригада закрепилась в каменной пустыне в районе Джелалабада, а 11–12 мая два батальона бригады десантировались с вертолетов в провинции Кунар.

Были случаи, когда солдаты натыкались на захоронения жертв массовых репрессий диктатора Амина.

При проведении боевых операций приходилось проверять подозрительных афганцев. Во вре-

мя одной из «зачисток» был задержан член банды душманов. О его принадлежности к бандитам сообщили местные жители. В процессе допроса выяснилось, что задержанный занимался сбором дани с местных крестьян.

Руководство бригады делало многое для того, чтобы наладить контакт с местным населением. Например, в качестве жеста доброй воли отремонтировали участок дороги, проходящий в районе мечети. Во время строительных работ использовали советских солдат-мусульман. Водителям было дано распоряжение снижать скорость, проезжая мимо мечети. Такие тактические приемы укрепляли доверие местного населения к нашему присутствию и имели для нас практический положительный результат. Во время одного из собраний жителей населенного пункта в провинции Лагман мулла в своей речи заявил: «Шурави — гость. Кто их будет убивать, тот будет проклят». После такой убедительной речи обстрелы прекратились.

Какие же задачи решали военные контрразведчики, находясь в составе воинского контингента в Афганистане?

Перед сотрудниками Особых отделов была поставлена задача выявлять лиц с низкими морально-политическими качествами, вынашивающих намерения дезертирства, продажи оружия, военного имущества, предотвращать вербовку со стороны противника, утечку секретной информации, информировать руководство о степени боевой готовности, укреплять оперативные позиции за счет новых источников информации, выявлять лиц из окружения воинской части, имеющих контакты с душманами.

Выявленных лиц брали в активную проверку и разработку. В случае подтверждения первичной информации проверяемого в короткие сроки откомандировывали в СССР. Взятых в плен во время «зачисток» душманов передавали в управление ХАД (Управление государственной безопасности Афганистана).

Офицеры практически разделяли условия быта с солдатами, несли все тяготы службы в условиях горной и пустынной местности. Были случаи, когда после двадцатидневного пребывания в горах приходилось сразу приступать к выполнению очередного задания: идти маршем на многие десятки километров. Психологически не все военнослужащие одинаково воспринимали такие нагрузки. В таких случаях выручал солдатский юмор и фольклор. Вспоминаю первые строки забористого куплета: «Эх, ёшь твою мать, плыли три дощечки... Папаша их Бжезинский и дядя Сайрус Венс...»

Питание было скудное. Весной солдаты собирали дикий чеснок, лук, грецкие орехи. Мой коллега лейтенант Василий Иванович Стельмах заболел тифом. Медицинское обеспечение практически отсутствовало. Например, не было даже болеутоляющих средств.

Говоря об оперативной работе в боевых условиях и ее особенностях, хотел бы подчеркнуть необходимость постоянного развития инициативы тех, кто добровольно оказывал помощь сотрудникам военной контрразведки. Это было крайне важно в изменяющихся условиях боя. Могу сказать о многочисленных фактах, когда на меня инициативно выходили оперативные источники по способу срочной связи и сразу предоставляли значимую

информацию. Отношения с такими источниками, как правило, строились на полном доверии, без соответствующего подтверждения их полномочий. Главным критерием было одно: как вновь прибывший помощник проявил себя в бою.

Говоря о нравственном облике советских солдат и офицеров, хотел бы заметить, что фактов измены, малодушия, паникерства, изъятия трофеев и ценностей зафиксировано не было.

Вот такие короткие зарисовки сохранились в моей памяти о войне в Афганистане.

Подполковник Алексей Сергеевич Новиков находился в Афганистане в 1980–1981 гг. За проявленное мужество награжден орденом Красной Звезды.

В. И. Семеняко

Интернациональная помощь, как она есть...

В Афганистане я находился с декабря 1979 по октябрь 1981 года. Службу проходил в городах Кабул, Баграм, Соруби, Джелалабад. Участие в интернациональной помощи (реальной боевой военной помощи) наложило огромный отпечаток на мою жизнь и открыло глаза на предназначение армии в государстве вообще и в СССР в частности. Не собираюсь подводить итоги так называемой интернациональной помощи, поскольку не располагаю достоверными данными и нормативными актами этой помощи.

По просьбе Совета ветеранов воинов-интернационалистов я изложил отдельные моменты из службы тех времен, когда вначале приходилось действовать втемную, не зная конкретной боевой задачи, и самостоятельно принимать решения по выполнению служебных обязанностей. Не указываю фами-

лий своих сослуживцев — участников тех далеких событий, поскольку не имею морального права это делать без их согласия. Не претендую на литературный стиль изложения, однако это реальные события и факты, и они останутся в моей памяти навсегда.

Не буду касаться подробностей оперативной работы, поскольку она порой проводилась не по тем правилам, которые предписывались нормативными документами Комитета госбезопасности. Эти правила забирали большую часть времени опера, которую нужно было бы использовать для общения с личным составом. Возмущало то, что руководители видели ненужность бумаготворчества, но не могли принять другого решения, поскольку были такими же исполнителями, как и опера.

Нормативные акты Комитета не учитывали реальные боевые действия, поскольку мы пришли оказывать помощь, а не воевать. Опыт оперативной работы в условиях мирной помощи уже был (пример: Центральная группа войск, Западная группа войск, Монголия и т. п.). Надо сказать, что приходилось передвигаться со служебными документами по территории Афганистана на большие расстояния, где вероятность захвата «духами» была высока, и его можно было ожидать отовсюду. Считалось, что мы пришли с «голубем мира», а значит, местные жители будут принимать «шурави» как своего брата.

Потом, когда я работал в Западной группе войск, повторялась та же картина: с чемоданами со служебной документацией и пистолетом за поясом регулярно ездили на совещания и сборы на ГАЗ-69, а иногда даже на общественном транспорте.

Это уже потом, спустя годы, когда в Афганистан пришли американские военные, местные жители стали вспоминать русских как освободителей. Подтверждение этому — пример из работы по обслуживанию воинских частей в Санкт-Петербурге в 2006 году. При проверке информации о неизвестном иностранце, посещавшем в вечернее время воинскую часть, было установлено, что это гражданин Афганистана, бывший студент, который женился на русской девушке и остался на ПМЖ в России. Во время беседы он рассказал, как действуют «демократичные американские военные» на его родине. По приезду в отпуск в тот же день он был вызван в американскую военную комендатуру, где его длительное время выпрашивали о местах учебы и жительства в России. Боясь за свое здоровье, на следующий день он уехал в Россию. Ныне афганцы, по словам собеседника, с благодарностью вспоминают о пребывании Советской армии в ДРА.

Афганская война показала истинное отношение СССР, ныне России, к этой проблеме, отношение органов власти и военного управления к данной кампании. Много было обещано участникам войны и членам их семей но, как правило, эти льготы надо было отстаивать. Были случаи, когда «афганцу» представитель органов власти говорил: «Кто вас посылал в Афганистан, тот пусть и обеспечивает вас всеми льготами». В сегодняшней России государство стремится выполнять свои задачи с помощью армии, а на ее достойное содержание денег не хватает. Невольно вспоминается анекдот, как у кулака просят денег на строительство ком-

мунизма, а он отвечает просителям, что, если нет денег, зачем его строить.

После окончания в декабре 1978 года учебного подразделения в Новосибирске я был назначен в ОО КГБ СССР по САВО, где проходил службу в одном из его отделов (Караганда). Непосредственно работал в гарнизоне под Целиноградом, вдали от руководства отдела. Здесь проходило самосовершенствование оперативного мастерства. Объекты находились на расстоянии 60–150 километров от базы (постоянного места нахождения и проживания). Гарнизон располагался на окраине поселка Вячеславка, на берегу реки Иштым, где проживали в основном казахи, а также немцы, русские. Вверх по течению было водохранилище. Это основные достопримечательности этого края. Климат здесь суровый. Как говорили в части, «одиннадцать месяцев зима, а остальное лето, лето...» Поскольку я был без семьи, то все время проводил на службе. Основное общение с внешним миром было через радио и телевизор в общежитии. С руководством отдела связь осуществлялась по армейским каналам связи. В служебном пользовании у меня был мотоцикл марки «Днепр», хотя до капитального ремонта назывался «Уралом».

В один из декабрьских вечеров 1979 года в моем кабинете раздался телефонный звонок, и я услышал в трубке голос секретаря отдела, которая передала приказ начальника в течение двух дней убыть в Алма-Ату в отдел кадров. Из ее слов я понял, что проводятся серьезные учения, и я убываю на усиление на срок более месяца. Было приказано документы передать коллеге, находящемуся в Целинограде, а транспорт оставить на хранение в

части. Через три дня я прибыл в кадры, где получил приказ убыть в поселок Сары-Озек Талды-Курганской области в распоряжение начальника Особого отдела по мотострелковой дивизии.

Начальник отдела ввел меня в курс дела. Я понял, что дивизия готовится к большим учениям и в ней проведены мероприятия по приведению соединения до штатов военного времени. Мне это было понятно и ничуть не удивило, поскольку я ранее проходил службу в подразделениях радиотехнической разведки и участвовал в аналогичных мероприятиях, только в малых масштабах. Для оказания помощи и координации работы Особого отдела по МСД (мотострелковая дивизия) прибыли представители из особого округа и корпусного отдела.

В оперативное обслуживание я получил ремонтно-восстановительный батальон, который уже был приведен до штатов военного времени. В течение нескольких дней я смог познакомиться с командованием батальона и личным составом из числа приписного состава. Удивляло то, что никто не знал истинных целей проводимых мероприятий. Личный состав батальона интересовался у меня, куда поедет на учения, будем ли пересекать госграницу. Поскольку я сам не знал истинных районов предстоящих учений, отвечал неопределенно — в пределах госграницы. О сложившейся ситуации я докладывал руководству и спрашивал, как отвечать на подобные вопросы. Однако определенного ответа не получил. Не получил я его и через три дня, когда уже стоял в кабинете начальника отдела с «вещами» для срочного убытия в район учений. Только я попытался уточнить причины срочности,

как разговор прервал находящийся в кабинете заместитель начальник отдела по САВО и серьезным тоном отдал мне приказ: «Старший лейтенант! Вы принимаете в оперативное обслуживание группу связистов и вместе с ними совершаете марш в город Талды-Курган, где вас ждет самолет на военном аэродроме. Действуйте, и где бы вы ни находились, свяжитесь со мной по любому виду связи и доложите о своем местонахождении. Нигде не забывайте, что вы советский офицер, военный контрразведчик». Эти слова меня в буквальном смысле слова ошарашили, и я понял, что дело очень серьезное и «пахнет жареным». По выражению лица полковника я понял, что он меня провожал, как своего сына в бой. В конце он добавил, что группа летит в район госграницы, но какой конкретно — не уточнил, видимо, так было нужно.

Через четверть часа я был у связистов, где штатный опер представил меня им и познакомил с должностными лицами группы. Оказалось, что в состав группы входят 33 человека, около 6 единиц техники РЭБ на базе ЗиЛ-157 и две КШМ (командно-штабная машина) на базе ГАЗ-66. Личный состав укомплектован штатным оружием и боеприпасами, в повседневной форме для строя, полевая в вещмешках, техника заправлена полностью. Понимая серьезность учений и низкую свою вооруженность — полевая сумка и пустая кобура, я обратился к сопровождающим нас непосредственным начальникам: «Где можно получить пистолет и боеприпасы?» И услышал предельно ясный и четкий ответ: «Достанешь в бою». Вот тут-то я понял, что учения — это маскировка, и дорога наша лежит ближе к границе с Китаем (поскольку по всем

военным документам Китай считался вероятным противником на направлении САВО). Командиром группы был штатный зампотех батальона, а офицеры, прапорщики и личный состав были собраны из подразделений батальона РЭБ под контролем штатного оперработника. Оперативное обеспечение оказалось «голым», поскольку на формирование группы было выделено времени не более суток.

На аэродроме нас встретили сотрудники отдела, обслуживающие военную авиацию, и я попросил их уточнить маршрут полета самолетов, которыми мы будем доставлены в район госграницы. Спасибо коллегам, которые привели нас в штурманскую комнату, где в разговоре с главным штурманом мы уяснили, что через несколько минут приземлится пара транспортных самолетов Ан-22 и они увезут нас в «тундру» — славный город Ташкент, а при необходимости и далее. Развернув полетную карту, он показал нам маршрут до Кабула... Здесь же штурман, увидев меня в форме старшего лейтенанта со всеми атрибутами, сказал, что в Кабул в такой форме они не возят. Я ответил, что нам приказано всем быть в такой форме. Летчик улыбнулся и ответил, что им, в общем-то, не важно, кого везти и в чем. На этом мы расстались с советскими воздушными асами. Выйдя на аэродром, коллеги пожелали мне всего хорошего и показали, как найти их отдел при необходимости.

Придя в группу, я встретился с командиром и проинформировал его о том, что летим в Ташкент. Он ответил, что на земле его должны встретить военные или представители советского посольства (в зависимости от аэродрома) и довести до него задачу, которая перед нами ставится. Мы оба поня-

ли, что обратной дороги в ближайшие месяцы нам не видать. Из общения по вопросу конечной точки приземления поняли, что Афганистан для нас — новый термин в военном деле и непонятно, что там за обстановка. Все-таки мы надеялись, что приземлимся в Ташкенте и будем там участвовать в каких-то учениях. Однако через час мы погрузились в самые большие турбовинтовые самолеты того времени Ан-22 и куда-то улетели. Личный состав разместили в нижней части, а офицеров и прапорщиков — в верхней части служебного отапливаемого отсека самолета. Летели ночью и, естественно, спали, устроившись кто как мог.

Через четыре часа лету мы приземлились в Ташкенте и через двадцать минут стали готовиться к взлету. По разговорам экипажа самолета поняли, что им необходимо взлететь, догнать в воздухе эшелон самолетов, приземлиться в Кабуле, высадить десант и вернуться обратно. Бортмеханик объявил, что на разгрузку будет не более тридцати минут, а техника-то без воды. Ее слили полностью, чтобы вода не замерзла в воздухе, еще при погрузке, а бензин — на половину заправочных емкостей, при этом бензин не выливался через заливные горловины. Все выливали на землю...

В полете я размышлял о том, что говорить солдатам и офицерам о нашей миссии, если мне ничего не сообщили об оперативной обстановке в данном регионе. Стал вспоминать все, чему учили в Новосибирске, и прикидывать, как в этих условиях решать задачи по обеспечению государственной безопасности подразделения и выполнению им боевой задачи, которую не знал ни командир группы, ни я. Вспомнил также учебу в

Череповецком ВВКУ связи и занятия по действиям подразделений РЭБ нашей армии, которые проходили поверхностно. Пришел к выводу, что мы летим в Афганистан оказывать военную помощь, а группа РЭБ будет подавлять работу каких-то антиправительственных радиостанций.

При заходе на посадку в иллюминатор увидел аэродром иностранного государства и людей в незнакомой военной форме. После приземления штурман открыл люки, и мы разгрузились на «зеленку», поскольку самолеты стояли с работающими двигателями под углом к рулежной полосе. Когда выгрузились и осмотрелись, увидели около десятка самолетов типа Ан-12, Ан-26, из которых выгружалась десантная техника и люди, видимо, русские (доносилась русская речь, в том числе и матерная). Они были в теплой серой одежде, без знаков различия. Я подумал, что это «партизаны» времен Великой Отечественной только на современной технике, ведь десантную технику мне не приходилось видеть так близко. По сравнению с ними наше подразделение прибыло как на парад. Подойдя к ним, я поинтересовался, откуда они и где найти Особый отдел. Выяснилось, что они из Витебской десантно-штурмовой дивизии, а Особый отдел находится в составе переднего авангарда, прибывшего раньше и расположенного в конце аэродрома. Мне показали район их сосредоточения, до которого было километра три. Я предупредил командира своей группы, что ушел на поиски отдела. Они продолжали выгрузку и ожидали вторую часть группы, которая должна была прибыть вторым рейсом. Пройдя немного по бетонке, я увидел движущийся советский ЗиЛ-130

(поливочная машина) и попытался остановить его, чтобы доехать до конца аэродрома. Машина остановилась, и я сел в нее. Смотрю, а в ней не «шурави», а местные граждане. Да, думаю, попал я в не свои «сани». Однако они поняли мои жесты, и я доехал до места. Добежав до первой группы военнослужащих, увидел среди них знакомое лицо. Оказалось, что это коллега, с которым мы учились в Новосибирске. Мне очень повезло. Он рассказал об обстановке в данном регионе «учений», очень удивившись при этом моей форме одежды и тому, что меня забросили как «кота в мешке». Он же мне сказал, что начальник должен прибыть тем же эшелоном, что и наша группа. Обратного я бежал, не останавливая аэродромный транспорт. К моему приходу уже прилетела вторая часть группы, и наш отряд был в сборе. Однако дальнейшую задачу командир не знал. Пришлось мне идти к соседям по приземлению и искать отдел. Благо, что первая группа десантников показала место нахождения руководства отдела. Подойдя к указанной группе военных (знаков различия у них не было), спросил, есть ли среди них представитель нашей структуры. Один из них представился начальником отдела, и я попросил переговорить наедине. По удостоверениям личности убедился в своих полномочиях, и я ему доложил о себе и своем подразделении. В заключение я попросил его доложить о моем прибытии в район учений в Особый отдел КГБ СССР по САВО. Начальник посмотрел на меня и сказал, что уже несколько дней не имеет связи со своим руководством, но как только связь будет восстановлена, он доложит о моем месте нахождения своему руководству. Он сообщил, где его найти, и

приказал временно замыкаться на него, если наше подразделение будет располагаться рядом с их соединением. Вкратце обрисовав сложившуюся ситуацию, он рекомендовал действовать, как учили. В завершение беседы приказал сменить форму одежды мне и всей нашей группе, чтобы не было видно явной принадлежности к ВС СССР.

Вернувшись в подразделение, я поговорил с командиром, мы обсудили первые мероприятия по приведению нашей группы к миротворческой деятельности. Командир группы попросил меня провести беседу с личным составом по обстановке в стране пребывания и вопросам политической бдительности в этих условиях. Свое выступление я начал с того, что рекомендовал всему личному составу сменить форму одежды, чтобы не выделяться среди остальных. Объясняя оперативную обстановку (которая стала мне известна после общения с коллегами) и разъясняя вопросы политической бдительности, я заметил, как начали меняться лица личного состава, увидел их тревогу. Командир, со своей стороны, приказал организовать охрану и оборону места расположения и выдать боеприпасы дежурной смене. С этого момента все поняли, что учения, видимо, будут с боевой стрельбой и по реальным целям. Сразу же нашлись смельчаки, которые спрашивали, как действовать при возможных попытках местного населения проникнуть в группу и т. п. Пришлось объяснять, что мы не одни и будем действовать в составе какого-то соединения. Было приказано держаться группами и не покидать расположение группы без разрешения командира, тем более в одиночку. По приказу командира была введена боевая готовность.

Через некоторое время к нашей группе подъехала черная «Волга» с местными номерами. Из нее вышел молодой мужчина, явно европеец, и на русском языке спросил командира нашей группы, назвав его по фамилии. Мы удивились и в ответ поинтересовались, кто он такой. Незнакомец ответил, что они из советского посольства и должны переговорить с командиром. Он подошел к машине, открылась задняя дверь. Там сидел немолодой мужчина, с которым наш командир говорил несколько минут. Затем командир подошел к нам и сказал, что это те люди, которые должны были нас встречать. Он приказал своему заместителю взять руководство группой на себя до его приезда, а сам уехал с представителями посольства. Он отсутствовал около часа. За это время десантники с поля убыли в пункт сосредоточения, а мы остались одни, как сироты.

Наконец подъехала та же «Волга», из нее вышел командир и отдал приказ переместиться в район дислокации десантной дивизии, расположиться в непосредственной близости от нее и развернуть радиостанции.

Заняв место, группа развернулась по боевому предназначению, была организована охрана и оборона позиций. К исходу дня я прибыл в отдел и доложил начальнику о приведении группы в боевое предназначение. Выслушав меня, он определил мою основную задачу: предупреждение измены Родине в форме бегства или перехода на сторону врага (хотя конкретный враг не был назван и не была определена конкретная задача нахождения советских войск в Афганистане). Было приказано задействовать все имеющиеся

средства. А что за средства и где их взять? Но что делать? Надо выполнять задачу. Это было 26 или 27 декабря 1979 года. Началась моя оперативная работа.

Работать приходилось в непредсказуемых условиях. Спасало то, что я был в армии связистом и мог со всеми найти тему для разговора. Это давало возможность общаться с личным составом по вопросам службы и решать поставленные задачи. Мне стало ясно, что личный состав не дрогнул, сплотился и готов выполнять не известную ему задачу. Всех волновало, как долго мы будем находиться на этих «мучениях», но ответа не знали ни я, ни командир группы. Мое руководство тоже молчало.

Через день начальник отдела на утреннем совещании объявил, что сегодня будут передвижения подразделений ДШД и необходимо готовить личный состав к самостоятельным действиям в отсутствии связи с опером. На вечернем совещании сообщили, что вечером командованию соединения будет объявлено время «Ч» и поставлена боевая задача. Личному составу группы боевая задача будет сообщена за 30 минут до начала ее выполнения. Стало горячее, теперь было понятно, что учения приобретают характер реальных боевых действий. Нам было приказано находиться в частях, уточнить боевую задачу подразделения и сроки ее выполнения.

Командир группы организовал боевое дежурство на радиопостах, свободная смена отдыхала в палатках. Смеркалось. Стало слышно, как загудела десантная техника и стала уходить куда-то в темноту. Освещение аэродрома и города Кабула

начало постепенно меркнуть, и через несколько часов стало совсем темно. Аэродром перестал принимать и отправлять самолеты. Примерно в это же время слышались орудийные и оружейные выстрелы в городе. Видны были следы трассирующих пуль и вспышки от взрывов в центре города. Было ясно, что учения пошли с боевой стрельбой и по реальным целям. Командир поднял отдыхающий личный состав в ружье. Все получили полный боекомплект и заняли круговую оборону, поскольку не знали, откуда ожидать нападения. Опер пошел по-пластунски «в народ» и в полной тьме путем выяснения готовности к бою решал задачи. Должен отметить, что личный состав от незнания ситуации был готов умереть в отрытых окопах, поскольку обратная дорога неизвестна, а за нами горы, которых никто, может быть, никогда и не видал (как у В. Высоцкого). Впереди я увидел десантников на «ползучем» БМД, остановившихся впереди нашей обороны метрах в двадцати-тридцати. На фоне вспышек и взрывов в городе видно было их перемещение, а также слышны разговоры. Я подошел к ним и выяснил, что это представители разведывательного подразделения десантников и, одновременно, ответственные за охрану и оборону полевого лагеря. Пришлось им сказать, что связисты заняли круговую оборону и могут принять их за противника. Старший десантников ответил русским «словом» и сказал, что связистам надо сидеть в палатках и заниматься своим делом, а вступать в бой только после того, как разобьют десантников. В подтверждение он показал, где в засаде сидят десантники. Я понял что, секретность учений и нестыковка взаимодействующих

частей могли привести к неоправданным жертвам. Впереди, в ста метрах, лежали десантники, и если бы кто-то из них открыл огонь на отражение противника, связисты бы открыли огонь по своим. Я срочно передал эту информацию командиру группы, и вместе с ним мы в потемках организовали взаимодействие с соседями. Связистов сняли с охранения, перед ними была поставлена новая боевая задача и организовано боевое дежурство.

От десантников стало известно, что в городе ведут бой их подразделения и что уже есть жертвы. Об этом им по рации докладывала разведка, работающая впереди боевого охранения. В районе аэродрома были слышны и видны стрелковые выстрелы. По словам десантников можно было понять, что там тоже работает их разведка. Они же комментировали все происходящее в городе. Для человека, прибывшего, в общем-то, на учения, это было шоком. После полуночи сражение в городе стало стихать.

Утром над городом и аэродромом стали летать наши истребители. Возможно, они прилетали из Союза, поскольку с аэродрома они не взлетали и на нем не базировались. На утреннем совещании начальник отдела сообщил, что в Афганистане произошел второй этап Апрельской революции, в ходе которой смещено правительство Амина и к власти пришло правительство во главе с К. Бабраком. Советские войска будут оказывать военную помощь братскому народу. Потом из разговоров с операми-десантниками стали известны подробности об этой «революции» и участии в ней советских подразделений разного уровня и ведомственной принадлежности.

В конце января 1980 года наша группа переместилась в район дворца Тадж-Бек, где размещался штаб 40-й армии, и я стал замыкаться на 1-е отделение Особого отдела КГБ СССР по 40-й армии. Здесь я познакомился со многими сотрудниками, прибывшими из Ленинградского военного округа.

В это время мне были переданы дополнительно в оперативное обслуживание тыловые подразделения, прибывшие из Термеза и сформированные из запасников, в том числе и женщин. Всех волновал вопрос, сколько мы будем находиться в Афганистане. Всем говорили, что их заменят кадровым составом в течение ближайших месяцев.

Оперативная работа уже проводилась предметно и целенаправленно. Поскольку объекты находились в районе дворца Тадж-Бек, местных жителей в окружении практически не было, и группировка советских войск находилась как на учениях. Только по ночам светились горы и оттуда нас обстреливали «духи». В ответ наши притащили «Шилки» (ЗСУ-23-4) и отвечали по-русски и громко.

Надо сказать, что все были вооружены, один я ходил с чужим автоматом (брал у солдат). Когда об этом узнали мои коллеги, они принесли мне трофейный ТТ и патроны к нему. Я его зарегистрировал в 1-м отделении и ходил с ним до мая месяца, пока мне не передали в обслуживание штатный батальон РЭБ, прибывший из Союза и укомплектованный в полном объеме. С трофейным ТТ я даже летал в краткосрочный отпуск в Союз.

В середине февраля 1980 года начальник решил мне слетать в Союз на неделю для сдачи должности: ведь я уехал на учения с соответству-

ющими документами. Я приехал в часть в канун Дня Советской армии и Военно-Морского флота. Позвонил начальнику отдела в Караганду и доложил о своем прибытии для сдачи должности. Тут он мне и сказал, что меня считали без вести пропавшим. Отдел интересовался в округе, где их опер. Запрашивали Москву, те звонили в округ и так далее. Поиски продолжалось бы и дальше, если бы в отделе не получили от меня из района «учений» письмо по полевой почте, где я сообщил, что оказываю интернациональную помощь братскому афганскому народу. Оказывается, мой первый начальник в ДРА не доложил обо мне или отдел ТуркВО не счел нужным оповестить о моем местонахождении. А все удивляются, как это люди становятся без вести пропавшими?

С июля этого же года меня перевели в боевой отдел (по 108-й МСД) вторым опером в мотострелковом полку, который сначала дислоцировался на юге Кабула. Потом, в конце 1980 года, этот мотострелковый полк разделился: половина дислоцировалась на севере Кабула, остальные в Баграме, где располагался и наш отдел. В этом отделе закончились «учения» и начались боевые будни, которые в моей памяти останутся как настоящая война, во время которой люди выполняют боевые задачи и при их выполнении гибнут и когда человек испытывает страх (не верьте, что его нет) за свою жизнь. Первую ночь перед боем я не спал и размышлял, как завтра будем действовать: будем ли применять оружие и против кого оно будет направлено; как работать с людьми в этих условиях; что будет, если не вернешься из боя; что делать, если окажешься в окружении (в плену). Этому ни-

кто не учил, и психологи работу в этом направлении не проводили (да их тогда и не было). Все как в фильмах о Великой Отечественной войне. Нюхавшие порох сослуживцы говорили (шутили): не бойся, не ты первый, ко всему привыкнешь. На первую операцию выехали рано, пришлось ехать в БТР, где все места были заняты пехотой по расчету. Мне пришлось занять место пулеметчика ПКТ. Пока ехали, солдаты научили им пользоваться — ведь я его нигде не изучал. Так, в процессе общения пришлось изучить всю технику и вооружение советской пехоты.

До конца октября 1981 года я работал в мотострелковом полку, с которым участвовал в прочесывании местности и гор разной высоты, контролируемых «духами». Я организовывал оперативную работу на блокпостах полка, расположенных на дороге Кабул — Джелалабад. Когда я приехал на один из них, командир поста рассказал, что всю ночь «духи» обстреливали их позицию с гор из минометов, и показал гору разорвавшихся мин. Благодаря БТР все остались живы, однако колеса были наполовину пробиты. В процессе общения с личным составом я выяснил, что солдаты мужественно и грамотно организовали оборону, что и спасло их от гибели.

Говоря о моральном состоянии советского солдата, хотел бы сказать следующее.

В мотострелковом полку, где я работал в последний год пребывания в Афганистане, военнослужащие гибли в боях (официально в СМИ писалось, что на учебно-боевых занятиях) при зачистке местности, хотя все это должны были делать афганские части, а мы — лишь прикрывать их. Наши под-

рывались на минах, погибали от рук снайперов, от небрежного обращения с оружием, но оставались всегда на высоте. Массового бегства и перехода солдат на сторону врага, как вещал тогда Запад, не было.

Был случай, когда своя же артиллерия чуть не накрыла нас в горах, где мы остановились на ночлег, поскольку спуск был труден и мы не смогли засветло вернуться к дислокации штаба. Мы заняли на вершине горы круговую оборону, и по нам стали стрелять с соседней сопки. Пришлось попросить артиллерию отработать по этому месту. Артиллерия сделала свое дело, и обстрел прекратился. Командир батальона через наводчика передал распоряжение повторить данную процедуру утром. Каково же было наше удивление, когда утром, при постановке задачи личному составу на спуск, мы услышали разрывы рядом с нами, только они грохнули сзади нас, на склоне нашей же горы. Это был шок. Благодаря быстрым действиям наводчика была дана команда «отбой», иначе некому было бы спускаться. Спустившись с гор, я информировал об этом факте командира части. Он сообщил, что во всем разобрался и выяснил, что артиллеристы ошибочно зарядили пушку малым зарядом и снаряд улетел на меньшее расстояние, а обрабатываемая точка была в створе с нашей высотой. По словам командира, начальник артиллерии получил соответствующее взыскание.

Поскольку я ходил вместе с пехотой по всем горам и местностям, солдаты доверяли мне и были ко мне расположены. Их помощь помогала выполнять основные задачи, а также предотвращать факты мародерства со стороны личного состава, необо-

снованного применения оружия в ходе операций, попыток продать боеприпасы местному населению. Поскольку информация поступала своевременно, мы совместно с командованием и политорганами полка пресекали такие действия на корню. Нужно отметить, что представители политаппарата всегда работали с нами в тесном контакте.

Хочу выразить благодарность всем коллегам и сослуживцам по местам службы в ДРА за совместную службу и понимание задач, которые приходилось решать по обеспечению государственной безопасности обслуживаемых советских частей и подразделений.

Майор Василий Иванович Семеняко находился в Афганистане с декабря 1979 по октябрь 1981 г. За проявленное мужество награжден орденом Красной Звезды.

И. Ф. Артемьев

Бесценный опыт

Я выполнял интернациональный долг в Демократической Республике Афганистан (ДРА) с января 1980 года по март 1982 года в должности старшего оперуполномоченного 101-го мотострелкового полка (МСП), дислоцированного в районе города Герат. Забегая вперед, скажу, что этот период моей работы в органах военной контрразведки считаю самым ярким и запоминающимся. Опыт, приобретенный в боевых условиях и экстремальных ситуациях, оказал мне в дальнейшем неоценимую помощь по контрразведывательному обеспечению вверенных объектов.

А начиналось все так. В феврале 1978 года я окончил Высшие курсы военной контрразведки в городе Новосибирске и был направлен для дальнейшего прохождения службы в Особый отдел КГБ СССР по 131-й мотострелковой дивизии. Обслуживал батальон связи и другие подразделения обеспечения дивизии. В декабре 1979

года начальник отдела подполковник Виктор Васильевич Иванов поставил меня в известность о моем переводе в Особый отдел 40-й армии, которая в то время начала ввод своих войск на территорию ДРА. Я воспринял это сообщение с чувством гордости: именно меня, причем одного из отдела, командируют в эту неизвестную горячую точку. Дома оставались жена и трехлетний сын.

В поселке Каменка Ленинградской области на Бабочинском полигоне Ленинградский военный округ формировал воинские подразделения из солдат срочной службы, которые затем тремя воинскими эшелонами были отправлены в Кушку. Контрразведывательное обеспечение личного состава эшелонов было возложено на меня и других откомандированных оперработников. Что удивительно, никаких эксцессов на всем пути следования не произошло. Ехали суток шесть. На станции Ташкент нас потрясло сообщение коменданта железнодорожного вокзала о том, что из Термеза проследовал эшелон с трупами наших военнослужащих. Вот тогда я осознал, куда нас везут. Правда, потом, через другие источники, выяснилось, что никакого эшелона не было.

В Кушке оперработников встретил представитель 3-го главного управления КГБ СССР. Пообщавшись со мной, он был удивлен, что вместо старшего оперуполномоченного прислали оперуполномоченного. На что я ему ответил, что в любом случае обратно не поеду. В это же время старший опер, прибывший из Особого отдела Одесского военного округа, категорически отказался ехать в ДРА. В результате меня за один день

приказом начальника 3-го ГУ КГБ СССР назначили на должность старшего опера, а сотрудника из Одессы уволили.

В Кушке всех прибывших военнослужащих посадили на бронетехнику и отправили в воинские части, уже вошедшие на территорию Афганистана.

В январе 1980 года осуществлялась замена «партизан», вошедших в ДРА в декабре 1979 года, на солдат срочной службы и действующих офицеров и прапорщиков. По рассказам очевидцев, когда «партизаны» входили в ДРА (в основном, на открытых грузовых машинах), местное население встречало их с цветами. И это неудивительно: наши азиаты и афганцы одной веры, они никогда ранее не враждовали, многих связывали родственные отношения.

По рассказам пограничников, «партизаны», пользуясь тем, что граница была открыта (ее закрыли только в марте 1980 года), ввезли на территорию Туркмении большое количество наркотиков, одежды (в основном, дубленок) и другого имущества.

В Особом отделе по 5-й мотострелковой дивизии меня назначили на должность старшего оперуполномоченного 101-го мотострелкового полка. Должность я принимал у особиста-«партизана», туркмена по национальности, который запомнился мне как добросовестный, грамотный и порядочный человек. Он рассказал много интересного не только про обстановку в полку, но и про особенности работы с военнослужащими-мусульманами, на что обращать внимание при контактах с афганцами и многое другое.

Поселили меня в химпалатке. Закрепили за мной, как положено по штату военного времени, мотоцикл КА-750 (рабочий, с задней передачей) и мотоциклиста — солдата срочной службы. На мотоцикле я пару раз проехал по территории полка и в дальнейшем этим больше не увлекался. Быт, в основном, был налажен, надо было вплотную заниматься организацией работы по своему служебному соответствию. Главное в нашей работе — надежная конспирация, но как ее обеспечить в чистом поле на виду у полутора тысяч человек? И тут мне пришла в голову гениальная идея: рядом со своей палаткой поставить еще одну, под каждой из них оборудовать подвалы и соединить их проходом. Мой солдатик-мотоциклист воплотил эту идею в жизнь. Получилось оригинальное сооружение. Подвалы и переход, сделанные в рост человека, были обшиты досками, температура воздуха при жаре на улице в 50 градусов в подвале составляла не более 20-ти. Все стремились попасть ко мне, как на релаксацию. Заходили в одну палатку — выходили из другой.

Когда человеку хорошо, он готов поделиться любой информацией, в том числе и представляющей оперативный интерес. Процесс был налажен. За короткое время я определил круг помощников на всех ключевых объектах и направлениях деятельности полка. Помимо тех, с кем я лично установил и закрепил отношения, из Особого отдела дивизии регулярно приходили списки лиц, с которыми на территории СССР перед отправкой их в ДРА особистами в авральном порядке были установлены отношения. При общении с прибывшими выяснялось, что примерно процентов семьдесят из них так и не поняли, о чем шла речь.

В своей работе основной упор я делал на изучение обстановки в солдатской среде, так как главными задачами сотрудников Особого отдела являлись сохранение жизни военнослужащих (особенно при проведении боевых операций), своевременная профилактика изменнических и дезертирских намерений (что было очень актуально, так как в полку проходило службу много военнослужащих-мусульман), а также недопущение хищений боевой техники, оружия, боеприпасов, горюче-смазочных материалов (ГСМ) как на месте постоянной дислокации, так и на боевых позициях.

Особую ценность представляли помощники со знанием таджикского и туркменского языков, фарси и пушту, пользующиеся при этом авторитетом у сослуживцев и доверием командования. Про одного из них я хочу рассказать. По понятным причинам я не могу раскрывать его данные. Назовем его Джамал.

Изучая учетно-послужные карточки одного из подразделений полка, я обратил внимание на Джамала, таджика по национальности, имеющего высшее образование, из города Душанбе. Под предлогом поиска переводчика я пригласил его на беседу, во время которой выяснил, что он закончил филологический факультет Таджикского государственного университета, свободно владеет английским языком и фарси, чисто говорит по-русски. Грамотный молодой человек, он адекватно воспринимал события, происходившие в Афганистане, свободно излагал свои мысли, обладал широким кругом связей среди военнослужащих-таджиков и пользовался у них авторитетом. В дальнейшем эти качества Джамала способствовали удачному проведению

острых чекистских мероприятий по конкретным лицам как из числа военнослужащих полка, так и военнослужащих афганской армии. Джамал принимал участие и в разработке так называемых душманов. Приведу два примера.

Летом 1980 года для координации действий 101-го мотострелкового полка с 17-й пехотной дивизией Вооруженных сил ДРА, дислоцированной в городе Герат, на территории 101-го полка был расположен передающий центр 17-й пехотной дивизии на базе ГАЗ-66. Штат центра состоял из двух военнослужащих. По инструкции им категорически запрещалось контактировать с нашими военными. Месяца два это положение соблюдалось строго. Затем у меня появились данные о том, что афганцы стали проявлять активность, начали искать контакты с нашими солдатами. С целью получения информации об истинных намерениях афганских связистов и перехвата возможных враждебных намерений на себя я направил к афганцам Джамала, с которым была отработана соответствующая линия поведения. Джамал, используя знание фарси, быстро нашел со связистами общий язык. Через некоторое время я получил от него информацию о том, что афганцы проявляют неоправданный интерес к жизнедеятельности полка. Особенно их интересовали отношения между православными военнослужащими и военнослужащими-мусульманами. В дальнейшем, оказывая давление на религиозные убеждения Джамала, афганцы стали открыто предлагать ему вести тайную борьбу с «кяфирами» (неверными). Борьба эта заключалась в сборе и передаче им сведений о количестве и техническом состоянии

боевой техники и вооружения, о районах и времени проведения боевых операций и о том, какие силы для их проведения будут задействованы. Благодаря правильной линии поведения Джамала нам удалось собрать достаточно данных, свидетельствующих о враждебной деятельности военнослужащих передающего центра. Одновременно была исключена возможность контактов других военнослужащих полка с афганскими связистами. После передачи имеющихся легализованных материалов военной контрразведке 17-й пехотной дивизии связисты под благовидным предлогом были заменены. Позже от начальника военной контрразведки 17-й пехотной дивизии подполковника Хашима поступила информация о том, что указанные военнослужащие выполняли задание руководителя одного из бандформирований, курирующего провинцию Герат. По данным Хашима, связисты были осуждены на длительные сроки лишения свободы. Однако по данным командования 17-й пехотной дивизии связистов несколько дней держали под арестом на территории дивизии, а потом офицеры контрразведки увезли их в неизвестном направлении.

С начала 1981 года заметно активизировалась разведывательно-подрывная деятельность мятежников в отношении подразделений полка, которая осуществлялась как на месте постоянной дислокации, так и при проведении боевых операций. Правда, в то время боевыми их можно было назвать с натяжкой, скорее, это были рейды мотострелковых батальонов, усиленных танками и артиллерией, по населенным пунктам с целью произвести психологический эффект военной мощи на

вражескую сторону. В одну из летних ночей меня разбудил начальник штаба полка майор Борис Сопин и сообщил, что боевое охранение обнаружило и задержало вблизи расположения боевой техники полка неизвестного. Для допроса задержанного были приглашены начальник разведки, начальник штаба, начмед полка, спецпропагандист политотдела, свободно владеющий фарси, и я. На наши вопросы задержанный не отвечал и вообще не проронил ни слова. Сидя на корточках, он все время шептал молитву, и так продолжалось целый день. При осмотре начмед обнаружил у него на правом плече характерные синяки, свидетельствующие о том, что задержанный получил их при стрельбе из огнестрельного оружия от отдачи. Неизвестный до принятия по нему решения был помещен в полковую яму. Яма глубиной около трех метров и диаметром метра два представляла собой нечто вроде гауптвахты. Когда в ней находился провинившийся, рядом выставался часовой. Такие сооружения были почти во всех частях и в штабе дивизии. Вечером я встретился с Джамалом и рассказал ему о неразговорчивом неизвестном. Джамал сразу же предложил вариант решения вопроса: посадить его на ночь в яму с задержанным. Были взвешены все «за» и «против», а также учтены благие намерения Джамала. И вот его как «злостного нарушителя воинской дисциплины» по приказу начальника штаба полка, с которым у меня сложились прекрасные взаимоотношения, посадили в яму. В итоге мероприятие получилось очень результативным. Задержанный оказался выходцем из Пакистана. Он прибыл в Герат с заданием визуальным путем собрать сведения о местах на-

хождения складов с оружием, боеприпасов, ГСМ полка, а также о режиме охраны этих объектов. Полученные данные душманы собирались использовать для нападения на полк в то время, когда его основные силы будут задействованы в боевых операциях. И на самом деле были такие моменты, когда при проведении боевых операций на месте постоянной дислокации полка оставались только подразделения обеспечения. Джамал также рассказал о том, что пакистанец предлагал ему убить часового и совершить побег, обещая безбедную жизнь в Пакистане. На следующий день после получения информации пакистанец был передан представителям ХАД (госбезопасность ДРА) в провинции Герат. Вот таким был Джамал. Кстати, не без моей помощи, Джамал был награжден медалью «За боевые заслуги». В настоящее время он работает одним из руководителей госбезопасности Таджикистана.

С первых дней оперативной деятельности в 101-м мотострелковом полку я поддерживал тесные отношения с представителями и советническим аппаратом службы государственной безопасности ДРА (ХАД), Царандоя (милиция), агентурно-оперативной группой разведки 797-го разведцентра ГРУ Генерального штаба, оперативно-боевыми группами КГБ «Каскад», военной контрразведкой и командованием 17-й пехотной дивизии, администрацией губернатора Герата. Для этих целей командование выделило мне бронированную разведывательно-дозорную машину (БРДМ) с наводчиком и полным комплектом боеприпасов, чтобы я уверенно себя чувствовал при работе в городе.

Постоянное общение давало мне возможность своевременно реагировать на изменения в оперативной обстановке и информировать об этом командование полка и Особый отдел дивизии. Так, на одной из таких встреч (примерно осенью 1981 года) со старшим агентурно-оперативной группы разведки подполковником Николаем Горбачевым я получил информацию о том, что, по сведениям их источника, в Герат прибыла подготовленная группа боевиков из Пакистана для совершения диверсионных актов в городе. Имелись также данные о том, что на ночлег они остановились в одном из домов на окраине Герата. Эту информацию я по закрытым каналам связи (ЗАС) передал начальнику Особого отдела дивизии. Через некоторое время в расположение полка на вертолете прибыла группа офицеров оперативного отдела во главе с заместителем командира дивизии. Были подняты по тревоге разведывательная рота и 7-я мотострелковая рота 3-го мотострелкового батальона, которая состояла из наиболее подготовленных для ведения боевых действий военнослужащих, и танковая рота. Получив конкретные задачи, эти подразделения рано утром окружили дом, в котором, по данным источника, находились диверсанты. Чтобы избежать утечки информации, мы не поставили в известность о проведении этой боевой операции афганские силовые структуры, расположенные в Герате.

Во время операции я находился рядом с командиром 3-го мотострелкового батальона капитаном Владимиром Егоровичем Кравченко, на которого было возложено командование усиленной ротой. Мы вместе с ним в 1974 году за-

кончили Ленинградское ВОКУ им. С. М. Кирова. О Кравченко и его подвигах можно рассказывать долго, я скажу только одно: такие офицеры, как он, — это гордость наших Вооруженных сил.

На рассвете, после совершения утреннего намаза душманы обнаружили, что они в ловушке. На наше предложение сдаться был открыт шквальный огонь. Ответный огонь из стрелкового оружия не давал практически никакого результата, так как пули и кумулятивные снаряды гранатометов просто вязли в стенах домов, построенных из соломы, глины и экскрементов домашнего скота. После нескольких выстрелов прямой наводкой из танков стрельба прекратилась. В проломленную танком стену мы с Кравченко и еще несколько военнослужащих вошли внутрь дома, где обнаружили четыре трупа душманов, четыре американских винтовки G-3, большое количество листовок и пропагандистской литературы. Я изъял спрятанные в одежде погибших душманов миниатюрные, так называемые «дамские», пистолеты и закатанные в пластик удостоверения, которые свидетельствовали о принадлежности убитых к одному из формирований душманов. Два таких удостоверения сохранились у меня до сих пор. Другие военнослужащие к осмотру вещей трупов не допускались. Около одного из душманов я обнаружил тряпичную торбу, в которой (на ощупь) находились две банки, похожие на консервные. Вынув их, я не мог поверить своим глазам. Это были химические гранаты нервно-паралитического действия американского производства, до этого времени не встречавшиеся на территории ДРА. Собрав все трофеи, кроме винтовок G-3 и боеприпасов, ко-

торые Кравченко забрал для передачи командованию полка, я срочно на выделенном мне БРДМ выехал в город Шинданд в Особый отдел дивизии. Там быстро написал отчет о проделанной во время боевой операции работе и обстоятельствах обнаружения химических гранат. Все это было передано в Особый отдел 40-й армии со старшим оперуполномоченным Юрием Борисовичем Гарбушиным, который обслуживал спецподразделения штаба армии. Кстати, Гарбушин — тоже мой однокашник по Ленинградскому ВОКУ. Мы и по сей день поддерживаем с ним дружеские отношения. Через некоторое время в советской прессе появилась обличающая статья о поставках мятежникам американского химического оружия и попытках его применения против населения Афганистана и ограниченного контингента советских войск в ДРА.

Хочу рассказать еще об одной успешно проведенной боевой операции. В ноябре 1981 года полк проводил боевую операцию по блокированию и уничтожению каравана с оружием в районе Зульфогарского прохода, вблизи границы с Ираном. Информация о том, что в направлении Герата движется караван, состоящий из 14 вооруженных душманов и семи ишаков, на которых закреплены тюки с оружием, в штаб дивизии поступила от руководства ХАД в провинции Герат. Предполагаемый район боевых действий находился примерно в 150 километрах от места постоянной дислокации полка. Оценив обстановку, руководство операцией приняло решение: 3-й мотострелковый батальон, разведрота 101-го мотострелкового полка с приданным батальоном 17-й

пехотной дивизии на боевой технике выдвигаются в район Зульфогарского прохода. Передовой отряд, состоящий из 20 наиболее подготовленных солдат, офицеров и прапорщиков, куда входили я и начальник военной контрразведки 17-й пехотной дивизии Хашим, на трех вертолетах Ми-8 должен десантироваться на высотах, расположенных по пути следования каравана, вступить в бой с душманами и удерживать их до подхода основных сил. Откровенно скажу, перед вылетом меня почему-то охватил страх за свою жизнь. Наверное, потому, что командировка подходила к концу и со дня на день должен был приехать мой сменщик. Но как только сели в вертолет, это чувство моментально исчезло.

Около часа мы летели до заданного района. При посадке на одну из высот командир экипажа объявил, что вертолет обстреливается с земли из стрелкового оружия, и попросил быстро произвести высадку. При высадке один из солдат сразу же был ранен в правое плечо. Ему сделали обезболивающий укол и перевязали рану. Этот солдатик, несмотря на сильную боль, до конца боя вел себя мужественно, активно участвовал в обороне высоты и уничтожении душманов. В этом бою мне особенно запомнился заместитель начальника штаба полка капитан Валерий Комаров, который с расчетом ротного пулемета, используя складки местности, вышел в тыл одной из групп, состоящей из трех душманов, и прицельным огнем уничтожил ее. Одновременно две другие группы передового отряда вели бой с разбежавшимися душманами. Часа через три, когда душманы уже практически прекратили сопротивление, подошла разведрота

полка, а за нею и батальоны пехоты. Однако наша радость по поводу их прибытия была преждевременной. Не разобравшись, кто удерживает высоты, они стали палить по нам из всех видов оружия. И только когда слышали наши крики: «Лабутин (фамилия командира разедроты), свои!» — прекратили огонь и дали нам возможность спуститься. Во время прочесывания местности мы с Хашимом наткнулись на раненого душмана. Я забрал у него оружие, а Хашим стал его допрашивать, с силой давя своим ботинком на лицо, прижатое к камню. Хашим был в ярости, мои уговоры оставить раненого на него не действовали. В конце концов он достал пистолет и пристрелил его, назвав «собакой». В этой операции были уничтожены все 14 душманов, захвачено большое количество оружия, в основном американского производства. Наши потери — один раненый солдат.

На моем счету более 60 боевых операций. Конечно, повторюсь еще раз, не все их можно назвать «боевыми», но около десятка из них на всю жизнь останутся в моей памяти. Неоднократно командование полка представляло меня к боевым наградам, но награжден я был только один раз — в феврале 1981 года орденом Красной Звезды. В остальных случаях Особый отдел армии заворачивал мои наградные листы — я так до сих пор и не пойму, по каким причинам.

Как я уже говорил, в целях своевременного получения данных об изменениях оперативной обстановки я часто выезжал в город Герат, где мне приходилось общаться и с простыми афганцами, которые в обстановке постоянной войны пытались

как-то выжить, прокормить свои большие семьи. Бедность и разруха встречались на каждом шагу. Зимой и летом афганцы были одеты в одну и ту же одежду; в качестве обуви использовали куски протекторов от автомобильных шин, привязанные к ногам веревками. В холодное время некоторые афганцы носили военные кители, доставшиеся им еще со времен английской оккупации. Через некоторое время у них появились шапки и бушлаты нашей армии, обычно обмениваемые предприимчивыми военными на японские магнитофоны. Но не только. Так, несколько младших офицеров и прапорщиков были задержаны командованием полка за обмен военного имущества, боеприпасов и ГСМ на наркотики. Как правило, все они откомандировывались обратно в свои военные округа с соответствующими сопроводительными документами.

Первое время афганцы принимали от нас хлеб, консервы, сахар и другие продукты. Обычно это происходило во время рейдов по населенным пунктам. Но примерно к концу 1980 года простые афганцы практически перестали вступать с советскими военными в контакт, так как душманы безжалостно расправлялись с теми, кто что-то брал от «неверных», избивали их до полусмерти или отрубали кисти рук.

У меня остались добрые воспоминания об общении с простыми афганцами. Как-то однажды, возвращаясь из Герата в расположение полка, я увидел в поле перевернутую машину, доверху нагруженную дровами. Вокруг нее сустились несколько афганцев, не зная, что делать. Уже смеркалось, и я, несмотря на всевозможные инструкции, решил им помочь и подъехал на БРДМ к машине. Афганцы

несказанно обрадовались. Мы с водителем размотали трос лебедки и объяснили потерпевшим, как надо закрепить его вокруг машины с дровами. Афганцы добросовестно исполнили наши рекомендации, несмотря на то, что мы разговаривали каждый на своем языке. Потихоньку, общими усилиями машину поставили на колеса, и мы помогли ее завести. Сколько у них было радости, они низко кланялись, пытались целовать руки. Мы с водителем, почувствовав себя настоящими интернационалистами, покинули место происхождения с гордо поднятой головой, а афганцы долго махали нам руками вслед.

Подполковник Иван Федорович Артемьев находился в Афганистане в 1980–1982 гг. За проявленное мужество награжден орденом Красной Звезды.

Н. И. Даниленко

Один день войны

В апреле 1983 года в ходе проведения боевой операции в Панджшере совместно с афганскими подразделениями был освобожден рудник, в котором добывались драгоценные камни. Эти камни — лазуриты и изумруды — переправлялись бандитами в Пакистан. На вырученные деньги приобреталось оружие, боеприпасы, продовольствие. В процессе опроса пленных совместно с военной контрразведкой афганцев были получены данные о том, что район разработок покинул караван, в том числе якобы с грузом опиума.

Организованная с помощью командования воздушная разведка обнаружила этот караван и определила примерное направление его движения в сторону границы с Пакистаном. Было принято решение о перехвате каравана, причем в целях предотвращения утечки информации местные силовые структуры не привлекались.

После этого на вертолетах группа десантников, в которую я был включен как оперработник, была десантирована в районе наиболее вероятного следования каравана.

Ранним утром 23 апреля 1983 года караван был обнаружен и после непродолжительного боя уничтожен.

В результате операции было захвачено около трех тонн опиума, который на оперативном сленге получил название «ханка», и несколько мешков афганских денег.

Трофеи были доставлены в СССР, а мы пресекли попытку противника увеличить свой арсенал.

Подполковник Николай Иванович Даниленко находился в Афганистане в 1981–1983 гг. За проявленное мужество во время выполнения задания награжден орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу».

М. Я. Овсеенко

Гордость и боль Афганистана

Родился я в 1932 году в городе Уссурийске Приморского края. В 1955 году закончил горный факультет Дальневосточного политехнического института. В качестве начальника геологической партии в течение трех с половиной лет прошел сотни километров по тайге, занимаясь геологической съемкой, а затем и поиском полезных ископаемых. Это была суровая школа жизни, которая так пригодилась для моей будущей профессии военного контрразведчика.

После окончания Тбилисской двухгодичной школы военной контрразведки, а затем военного училища прошел путь от оперуполномоченного до начальника Особого отдела КГБ СССР по 5-й общевойсковой армии, крупнейшей по тем временам. Поскольку я был уже в предпенсионном возрасте, то понимал, что моя служба может не

иметь дальнейшей перспективы. И тем неожиданнее для меня явился вызов в Москву в начале 1982 года на собеседование, в том числе с начальником 3-го главного управления генерал-полковником Николаем Алексеевичем Душиным. Не могу не отметить, что это был достойный и уважаемый руководитель военной контрразведки страны, волевой и талантливый организатор, обладающий гражданским мужеством, позволявшим ему принимать ответственные решения без оглядки «на верха». Характер разговора был уважительный. Н. А. Душин рекомендовал меня на вышестоящую должность (это была уже прерогатива Управления кадров КГБ СССР), предусматривающую впоследствии работу в Афганистане. Я посчитал это предложение за честь.

В сентябре 1982 года я как заместитель начальника Особого отдела КГБ СССР по Туркестанскому военному округу (ТуркВО) прибыл в Афганистан, где должен был курировать Особые отделы ограниченного контингента советских войск в ДРА. Я находился в Афганистане в течение почти пяти лет. Поясню почему. В 1984 году, как меня убедили, я должен был занять место начальника Особого отдела КГБ по 40-й армии, однако из Риги прибыл другой кандидат, имевший больший удельный вес, — его дядя был секретарем Президиума Верховного Совета СССР, — и мне пришлось подождать.

После этого я сразу же, по решению Главного управления военной контрразведки, был включен в оперативную группу Маршала Советского Союза Сергея Леонидовича Соколова. Ему я весьма признателен за понимание моего положения как но-

вичка в группе (до меня военную контрразведку представлял заместитель начальника Главка генерал-лейтенант Борис Андреевич Еронин), постоянную поддержку, ответственное реагирование на представляемую информацию. Подтянутый, очень работоспособный, воспитанный, ровно и уважительно относящийся к членам своей группы, он пользовался заслуженным авторитетом. Посещал даже отдаленные гарнизоны наших частей и подразделений. А его волевые качества и принципиальность заставляли нервничать Генсека ЦК НДПА Б. Кармаля, проявлявшего непостоянство в исполнении решений своей партии, в том числе по укреплению боеспособности вооруженных сил республики, в проведении кадровой политики. Наша оперативная группа курировала не только 40-ю армию и аппарат главного военного советника, но и взаимодействовала с руководством ЦК НДПА и Минобороны ДРА и замыкалась на министра обороны СССР.

Еще в 1983 году я вошел в состав оперативной группы Туркестанского военного округа, дислоцированной в Кабуле. Этот факт был также оформлен приказом, выписка из которого была передана в Особый отдел по ТуркВО, где я тогда состоял в штате.

Осенью 1985 года я был снова вызван в Москву, прошел обычное собеседование в КГБ СССР, затем в ЦК КПСС, предварительно заполнив соответствующие анкеты. 26 декабря 1985 года меня назначили начальником Особого отдела КГБ по 40-й армии.

Тот, кто полистает мое личное дело, обратит внимание, что в моем послужном списке льготными

значатся только годы, когда я был руководителем Особого отдела армии, то есть после включения непосредственно в штат этого отдела. Ни то, что я входил в состав названных выше оперативных групп, ни участие в боевых операциях (в том числе в крупнейшей по тому времени Панджшерской в апреле 1984 года), за которые я был награжден орденом Красной Звезды и медалью, не послужили основанием для льготного исчисления выслуги лет (один к трем). Именно это в силу моего возраста было для меня важным, а не дополнительная надбавка к денежному содержанию, для выплаты которой эти приказы были достаточными. А ведь ни я как участник боевых действий, ни моя жена, в случае моей гибели, не были социально защищены. Конечно, это не могло не оставить горьковатый осадок в душе. Все-таки это было несправедливо и свидетельствовало, на мой взгляд, о шаблонном мышлении и бюрократизме наших кадровиков.

Тем не менее, несмотря на эти досадные факты, свою службу в Афганистане я всегда вспоминаю добрым словом. Накопившиеся впечатления и воспоминания и поныне занимают в моей памяти значительное место. Некоторыми из них я хочу поделиться с читателями.

Из всех локальных войн, пограничных и военных конфликтов второй половины XX века, в которых принимал участие Советский Союз, а затем и Россия, самым значительным, с точки зрения решаемых задач, продолжительности и количества задействованных войск, явилось наше военное присутствие в ДРА. Ввод советских войск в Афганистан в декабре 1979 года был продиктован, прежде всего, интересами национальной без-

опасности нашей страны. Известно, что лидеры Демократической Республики Афганистан (ДРА)* неоднократно обращались с просьбой об оказании им военной помощи. Только в июле 1979 года таких обращений было девять и продолжались они до декабря. В декабре 1979 года их было восемь. Следует отметить, что каждый раз со стороны руководства СССР следовал отказ.

Еще раньше, в ходе известных событий в Герате в марте 1979 года, инсценированных Ираном и при прямом его участии, Н. М. Тараки в разговоре по телефону с председателем Совета министров СССР А. Н. Косыгиным заявил, что Кабулу угрожает военная опасность со стороны Ирана, под прикрытием гератской дивизии, и открытая угроза со стороны Пакистана. Он всячески старался убедить А. Н. Косыгина оказать военную помощь. Ознакомившись с текстом разговора, члены Политбюро, особенно Ю. В. Андропов и А. П. Кириленко, посчитали, что сложившаяся ситуация — внутреннее дело Афганистана и не является основанием для ввода советских войск.

Однако дальнейшее развитие обстановки в Афганистане, особенно после убийства лидера Апрельской революции Тараки и прихода к власти Амина, складывалось для СССР не совсем благоприятно.

В своей внешней политике Амин сместил акценты в сторону укрепления отношений с Пакистаном и Китаем, а также с США. Он запретил своим спецслужбам вести работу против посольства США в Кабуле, ограничил контакты с советниками из

* С ноября 1987 г. ДРА по решению Лойи Джирги стала именоваться Республика Афганистан (РА).

СССР, а наиболее активных рекомендовал главному советнику отправить на Родину.

8 декабря 1979 года состоялось совещание Политбюро ЦК КПСС. На нем долго обсуждалось сложившееся положение в Афганистане и вокруг него, взвешивались «за» и «против» ввода войск. Был озвучен план ЦРУ США по созданию «Новой Великой Османской империи» с включением в нее южных республик из состава СССР.

На совещании говорили и о том, что, в случае размещения на севере Афганистана американских ракет типа «Першинг», возникнет угроза для многих важных объектов нашей страны, в том числе для космодрома Байконур. Кроме этого, появится возможность использования афганских урановых месторождений Пакистаном и Ираном для создания ядерного оружия, а также вероятность установления в северных районах Афганистана власти оппозиции и присоединения этого района к Пакистану и Ирану. Окончательное решение и на этом совещании не было принято.

Между тем поощряемый США Пакистан стал сосредотачивать на южных границах ДРА свои войска, проводить маневры, увеличил количество центров подготовки мятежников, стал снова настаивать на признании «линии Дюранда»^{*} в качестве государственной границы, а США сосредоточил свой 6-й флот в Персидском заливе.

^{*} Пакистан постоянно настаивал на признании в качестве государственной границы «линии Дюранда», разделившей в 1893 г. пуштунские племена. Ни одно правительство Афганистана не соглашалось с этим, считая это предательством национальных интересов страны.

До этого, еще 27 сентября, Амин обратился к главному поверенному США в Кабуле с предложением улучшить отношения между двумя странами, а спустя два дня в Нью-Йорке афганский министр иностранных дел Ш. Вали выразил то же самое официальным лицам США. Лидеры партии стали снова подозревать Амина в связях с ЦРУ. До этого данный вопрос уже обсуждался на конференции ЦК НДПА, в ходе которой зачитывались документы о получении им денежных средств от ЦРУ. Однако Амин заявил, что он просто играл с этим ведомством, так как ему надо было закончить учебу в Америке, а денег не было.

И только после длительного и взвешенного анализа военно-политической обстановки в Афганистане и вокруг него руководством СССР было принято столь ответственное решение.

В документе ЦК КПСС № 2519-А от декабря 1979 года отмечено:

«В чрезвычайно сложных условиях внутриполитической обстановки в Афганистане и военно-политической вокруг него, когда возникли обоснованные опасения открытого вмешательства империалистических сил в дела Республики, которое могло создать угрозу безопасности на наших южных границах, встала необходимость оказания военной помощи Афганистану, тем более что с такой просьбой обращалось и прошлое правительство ДРА.

В соответствии с положением советско-афганского Договора от 5 декабря 1978 г.* было принято

* 5 декабря 1978 г. между Советским Союзом и Афганистаном был заключен Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве.

решение направить в Афганистан необходимый контингент Советской армии...»

Прошу обратить внимание, что в упомянутом документе отсутствуют слова «интернациональная помощь», но прямо указывается, что сложившаяся обстановка представляет угрозу безопасности нашей страны. Считаю, что именно с этих позиций надо было объяснить народу и миру причину ввода советских войск в Афганистан. К сожалению, этого сделано не было, и нам пришлось пожинать плоды последующего массированного информационного прессинга Запада.

Судите сами. Стоило нам вернуть свои войска домой, как Запад изменил свое отношение к тому, что ранее порицал. Так, Тони Блэр, будучи в Баграме, 7 января 2004 года заявил: «Мы не повторим ошибки русских, которые ушли из Афганистана. Наше присутствие здесь будет надолго».

У американцев ни разу не было таких веских и убедительных оснований, когда они вторгались во Вьетнам, Ирак и тот же Афганистан, вмешивались во внутренние дела других стран. Сегодня стоит лидеру какой-то страны перестать «бриться», как американцы заявляют, что это представляет угрозу национальной безопасности США, и тут же следует политическое и военное решение. И заметьте, никто и никогда не объявлял им экономических санкций, а безнаказанность превратила их сегодня в планетарного жандарма.

Тогда спрашивается, а почему в этом случае Советский Союз при осуществлении, казалось бы, обоснованной военной акции подвергся массированной информационной агрессии? Да потому, что Запад всегда использовал любую возмож-

ность, чтобы манипулировать сознанием народов Европы и других, настраивая их против России. Так было всегда, так есть и, уверен, так будет и впредь. И к этому надо быть готовыми.

Кроме того, СССР допустил ошибку при реализации своего решения, прикрывшись затасканной фразой об оказании интернациональной помощи, справедливой в 1936 году (Испания).

Этот термин был реанимирован Н. С. Хрущевым в 1956 году во время событий в Венгрии. В то время он, возможно, и был еще правильным, поскольку отвечал духу политических партий Венгрии и СССР. Потом он применялся не раз и, конечно, был скомпрометирован своей дежурностью, а главное, тем, что в глазах общественного мнения он превратился в некое прикрытие действий Советского Союза по подавлению так называемых «демократических» сил, выступающих против своих правительств. Место этого лозунга — архив.

Не случайно лозунг «интернациональная помощь», без какого-либо давления извне, употреблялся в ДРА все реже и реже, его заменил другой — защита южных рубежей нашей страны. Полагаю, что он больше отвечал содержанию нашего военного присутствия в Афганистане. Однако официальные лица продолжали употреблять прежнюю терминологию, поскольку она была объявлена руководством страны.

В связи с этим напрашивается настойчивое предложение об исключении из обихода термина «воин-интернационалист» и замена его другим — «защитник южных рубежей нашей Родины» или просто «защитник Родины» с внесением соответ-

ствующих изменений в Федеральный закон «О ветеранах».

Вводя свои войска в Афганистан, Советский Союз не планировал участвовать в боевых операциях. Предполагалось, что само присутствие наших частей в согласованных с афганской стороной гарнизонах будет сдерживающим фактором для бандформирований, а войска будут обеспечивать оказание гуманитарной помощи афганскому народу. Однако Пакистан продолжал наращивать свое вмешательство во внутренние дела ДРА, увеличивать поставки вооружения мятежникам и посылать подготовленных боевиков на территорию Афганистана. В то же время развернулась мощная пропагандистская кампания, направляемая преимущественно американцами. К ней подключились такие организации, как «Народно-трудовой союз» (НТС), «Интернационал сопротивления», «Международная амнистия», «Дом свободы», «Антибольшевистский блок народов», «Организация украинских националистов», «Комитет за возвращение пленных на Родину» и другие. В массовом порядке стали распространяться листовки, наркотики, взрывные устройства, закамуфлированные под красочно оформленные бытовые предметы и детские игрушки. Появлялись фальшивые экземпляры газеты «Красная Звезда». Изготавливалось все это, разумеется, не в полевых лагерях душманов.

В рядах мятежников действовали разного рода иностранные советники, в основном арабы, а также представители разведок блока НАТО. Последние действовали под прикрытием документов, как правило, журналистов и телеопера-

торов. Некоторые из них погибли в ходе боевых действий (2 француза, 2 американца, 1 англичанин, 1 итальянец), некоторые были захвачены в плен и дали впоследствии признательные показания. Афганская сторона в качестве жеста доброй воли вернула всех их на родину. Можно с уверенностью сказать, что империалисты стали вести необъявленную войну в Афганистане.

Мятежники на контролируемых территориях довольно жестко управляли местным населением с позиции созданных ими исламских комитетов. Вопреки утверждениям Запада, мы не воевали в Афганистане против народа. Да и в целом перед контингентом советских войск в ДРА никогда не ставилась задача кого-то победить.

Известно, что 82,5 % Афганистана занимает кишлачная зона. Проживающие на ее территории крестьяне были безграмотны, забиты нуждой, но преданы своей вере. Руководителями банд являлись бывшие землевладельцы, религиозные фанатики и просто зажиточные люди. Муллы в своих проповедях часто подменяли или совсем опускали некоторые суры, в которых осуждались чрезмерное богатство и крупная земельная собственность. В таких тяжелых социальных условиях крестьяне, в большинстве своем безграмотные, легче управлялись мятежниками. В то же время они служили мощным мобилизационным ресурсом для бандитов, чего не было у центральной власти. Бесперывная мобилизация молодых афганцев, частые поборы, репрессии, уничтожение в некоторых местах даже мечетей и школ вынуждала местное население к эмиграции в соседние страны. Согласитесь, что

воевать хорошо вооруженной регулярной армии против этого народа не только бессмысленно, но и просто негуманно.

Однако, пройдя обучение в центрах подготовки мятежников в Пакистане, жители кишлаков представляли уже какое-то воинское формирование. При участии в боевых действиях они, естественно, получали адекватную реакцию правительственных войск.

Интересно, что простые крестьяне подчас равнодушно относились к своему участию в отрядах мятежников, рассматривая его, в первую очередь, как заработок. Любопытен в этом плане пример беседы с группой афганских военнослужащих, уволенных из армии и ожидавших рейса в Кундуз. Два года службы, участие в боевых действиях и, наконец, какое-то воспитание должны были оставить определенный положительный след в их сознании, однако этого не произошло. Член Военного совета армии в моем присутствии спросил их, чем они будут заниматься дома. Один из них ответил: «Жениться надо, а денег нет, пойду в банду, чтобы заработать». Вот и вся его и многих подобных ему идеология крестьян.

Советский Союз осознавал, что это братоубийственная война, которая началась задолго до прихода в их страну русских, и делал все возможное, чтобы урегулировать афганскую проблему мирным, политическим путем.

Так, еще в декабре 1982 года Ю. В. Андропов в ходе беседы в Москве с президентом Пакистана Зия-уль-Хаком довел до его сведения, что в случае прекращения вмешательства его страны во внутренние дела Афганистана Советский Союз

оперативно рассмотрит вопрос о выводе своих войск из ДРА. Конкретного согласия Зия-уль-Хак не дал, кроме обещания обсудить этот вопрос на предстоящих переговорах в Женеве. Первые официальные переговоры между Афганистаном и Пакистаном в Женеве под эгидой ООН начались в том же 1982 году. Однако они были безрезультатными из-за очередного вмешательства США. В Пакистан американцы сразу же отправили новую партию современного вооружения, а также, вместе с Саудовской Аравией, значительные финансовые средства.

Тем не менее Советский Союз продолжал делать все, чтобы процесс урегулирования конфликта был более активным.

В 1985 году СССР предупредил правительство ДРА, что, с учетом укрепления государственного аппарата и всех силовых структур, в борьбе с мятежниками они должны больше рассчитывать на собственные силы. Все это привело к тому, что в начале 1987 года Афганистан объявил о проведении политики национального примирения*, что, в свою очередь, привело к активизации женевских переговоров. Большую роль в организации и проведении такой политики сыграли и усилия оперативной группы Министерства обороны СССР в Кабуле под руководством генерала армии В. И. Варенникова. Советский Союз отреагировал на это новое направление в политике ДРА тем, что сразу же вернул домой 6 своих полков (с 15 по 31 октября 1986 года).

* Политика национального примирения была разработана еще в 1986 г. Официально она была объявлена на чрезвычайном пленуме ЦК НДПА в декабре 1986 г. 3-го января 1987 г. Ревсовет Республики принял Декларацию о национальном примирении в Афганистане

Никогда не забуду вывод первого полка из Кабула. По этому случаю был устроен большой митинг. Улицы столицы были заполнены празднично одетыми людьми всех возрастов. Море цветов украшало город и местных жителей. Они не кричали: «Аллах акбар!», а слали добрые пожелания отъезжающему полку. Кстати, его сопровождали до города Термеза (Узбекистан) советские корреспонденты Лещинский и Сейфуль-Мулюков.

Кое-кто может возразить, что все афганцы были рады нашему уходу. Не соглашусь. На фотографии, помещенной в этой книге, видно, что я находился на трибуне и был свидетелем этого события. Сверху хорошо просматривалось, что это были искренние чувства благодарности народа нашим военнослужащим за все, что они сделали, в частности обеспечили в течение долгих лет мирную жизнь в городах, особенно в столице, за их в целом корректное поведение, за гуманитарную помощь народу ДРА.

Наконец, 14 апреля 1988 года в Женеве был подписан пакет документов, призванных положить конец этой войне. Подписанные соглашения создали международно-правовую базу для вывода советских войск из Афганистана. Пакистан согласился прекратить всякое вмешательство во внутренние дела своего соседа, в том числе ликвидировать на своей территории все центры подготовки мятежников, создать все условия для возвращения домой беженцев. Соответствующие обязательства по прекращению помощи мятежникам взяли на себя и США. Вывод войск начался с 15 мая 1988 года и закончился, как известно, 15 февраля 1989 года. Планирование и вывод во-

йск весьма искусно осуществил генерал армии В. И. Варенников.

Не всем известно, что ситуация с боеспособностью частей и подразделений Советской армии в условиях Афганистана заставила в 1983 году несколько изменить национальную структуру войск. Часть военнослужащих из республик Средней Азии, исповедующих ислам, были откомандированы во внутренние округа страны, что вызвало глухое недовольство военнослужащих иных национальностей. Со временем данное мероприятие было забыто, однако процент призванных из наших южных республик с тех пор не превышал определенной нормы.

Что же дала десятилетняя практика оперативного обслуживания войск в условиях горно-пустынной местности Афганистана, особенно в ходе проведения боевых операций? Скажу без преувеличения — довольно много.

Войдя в страну, в некоторых районах которой были еще почти феодальные отношения, мы впервые столкнулись с исламским фанатизмом и экстремизмом, к чему не были подготовлены. Знание же особенностей этой религии, основных ее догм позволило бы с самого начала учитывать и менталитет должностных лиц при решении деловых вопросов, и облегчило бы процесс общения с местным населением при работе в окружении, на фильтрационных пунктах, особенно в кишлачной зоне. Именно в этих районах проживают наиболее ревностные приверженцы исламской веры и ее канонов. Все это способствовало бы более успешному выполнению оперсоставом своих задач.

Вспоминаю свою беседу, имевшую место еще в 1983 году, с местным начальником военной контрразведки пехотной дивизии. В ходе разговора я стал интересоваться его семьей, в частности женой и детьми. И тут я почувствовал какое-то изменение в поведении собеседника: его лицо посуровело, и он замкнулся. Присутствовавший при этом наш оперработник перевел разговор в другое русло, а позже пояснил, что тема о женах у них запретная, по крайней мере для гяуров. После этого мне пришлось внимательно прочесть весьма полезную книгу А. Массе «Ислам».

В Афганистане была освоена практика действий в горах на высотах 3500 метров и выше, в пустынной местности. Это требовало соответствующей подготовки и здоровья.

Именно в Афганистане сотрудники Особых отделов стали принимать участие в боевых операциях в составе относительно небольших подразделений — от усиленного взвода, роты и выше. Действуя самостоятельно, без какой-либо поддержки извне, они вынуждены были, как и другие военнослужащие, нести на себе все, что нужно для автономных действий в течение не менее 5 суток. В ходе боевого соприкосновения с противником особисты вместе со всеми применяли имеющееся у них оружие.

Известно, что командиры взводов и рот активно действуют на учениях, не уступая в физическом отношении натренированным молодым бойцам. Однако, став оперработниками, многие из них утрачивают прежние навыки, особенно необходимые в боевой обстановке. Посудите сами: сравнивая число погибших офицеров и опера-

тивных работников, мы видим, что в абсолютных цифрах разница большая. В то же время в процентном отношении данные погибших армейских офицеров и особистов незначительно отличаются друг от друга. Возникает вопрос: почему?

Казалось бы, оперработнику, исполняющему и в ходе боевой операции свои специфические функциональные обязанности, не обязательно быть впереди всех. Конечно, в этой локальной войне военнослужащие довольно часто действовали в составе мобильных подразделений, да еще в горной местности, где у них не было ни фронта, ни тыла, ни флангов, а противник мог возникнуть неожиданно в условиях динамично меняющейся обстановки. Естественно, в такой ситуации оперработник — а его присутствие, в отличие от Великой Отечественной войны, в составе таких подразделений было обязательным — действовал по обстоятельствам, показывая при этом пример высокой ответственности. И все же анализ боевых потерь дает основание сделать вывод, что некоторые наши военные контрразведчики не приобрели, а если имели, то утратили такие качества, весьма необходимые, особенно в современных войнах, как умение переносить серьезные физические нагрузки, хорошо стрелять из разных положений, быстро менять позицию, выгодно используя складки рельефа местности, продолжая при этом вести прицельный огонь.

Приведу пример нагрузки рядового, действовавшего в горной части Афганистана в составе небольшого подразделения без участия колесной техники. Итак: автомат, к нему не менее двух боекомплектов, 2 гранаты, 2–4 мины, части разобранных пулеметов и миномета, у радиста — рация,

минимум одна фляжка воды, недельный запас продуктов, одеяло (скатка), а иногда приходилось нести и дрова.

Разница в нагрузке офицера была незначительная. Экипировка оперработника не отличалась от других и была определена условиями обстановки. Например, все были обуты в кеды. Когда особисты вместе с другими военнослужащими действовали не в горах и в составе больших подразделений с приданной техникой, то им не было необходимости так нагружаться, да и экипировка не выходила за установленные рамки. Из приведенного ниже примера понятно, к каким экстремальным ситуациям должен быть готов особист.

В 1984 году капитан В. А. Шандрыгин впервые участвовал в боевой операции в Панджшере в составе сокращенного батальона. Проявив смелость и ответственность, он вместе с комбатом занял место впереди батальона, личный состав которого, вошедший в ущелье, опасаясь мин, вытянулся в узкую колонну. В связи с наступлением сумерек вертолеты прикрытия окружающих высот улетели. Попав в засаду, Шандрыгин не смог быстро сориентироваться, изменить свое местонахождение, используя имевшиеся на месте валуны, выступы скал и т. д. Он продолжал вести огонь, оставаясь на месте, и вскоре был ранен, а затем убит. Другие военнослужащие, умело используя особенности рельефа и ведя при этом постоянный огонь, заставили бандитов отступить и остались живы. В. А. Шандрыгин был представлен посмертно к ордену Красной Звезды.

Как участник этой боевой операции (я возглавлял оперативную группу Особого отдела КГБ 40-й

армии) я вместе с генералом из штаба 40-й армии лично на месте боя расследовал описанное выше трагическое происшествие.

По возвращении в штаб я отдал распоряжение члену опергруппы — заместителю начальника Особого отдела КГБ по дивизии, не буду называть его фамилию, отправиться в госпиталь, найти тело нашего оперработника, проконтролировать его быструю обработку, с тем чтобы первым рейсом отправить для захоронения на Родину.

Вернувшись, он доложил об исполнении. При этом поведение его было настораживающим, взгляд блуждающим. Закончив доклад, он попросил дать ему возможность отлежаться трое суток, чтобы прийти в себя, поскольку в госпитале он насмотрелся на разные ужасы. Присутствующие при этом разговоре, в том числе и его подчиненные, посмотрели на него с удивлением. Операция подходила к концу, все устали от физического и морального напряжения и недосыпа, да и людей не хватало. Я чувствовал, что обычные уговоры тут не помогут. Пришлось встряхнуть его и категорически потребовать принять холодный душ и доложить об исполнении через двадцать минут. Действительно, через указанное время он доложил по форме, что готов исполнять свои обязанности. Инцидент был исчерпан, а подпорченный авторитет остался.

Читатель не может не задаться вопросом, почему именно я, не состоя в штате Особого отдела КГБ по армии, хотя и являлся его куратором, будучи в то же время членом оперативной группы маршала С. А. Соколова, вдруг возглавил оперативную группу военной контрразведки в боевой опера-

ции в Панджшере в апреле 1984 года. К тому же в Особом отделе армии кроме начальника (который был в это время в отпуске) были еще два заместителя. Прибыв в Особый отдел, я узнал, что один заместитель — полковник П. К. Широкоступ — заболел гепатитом в тяжелой форме, а другой, направленный из Москвы, пожаловался мне, что у него случилось расстройство живота (эти расстройства в тех условиях случались почти у всех и довольно часто). Я бы мог назначить руководителем заместителя начальника Особого отдела по 108-й дивизии, на базе которой должна разворачиваться эта группа (начальник Особого отдела тоже был в отпуске), но он только прибыл в ДРА и не имел еще опыта (о нем см. выше). К тому же, как член опергруппы маршала, я все равно должен был участвовать в этой боевой операции, поэтому и принял такое решение.

Вызывает уважение поступок капитана Васина из Особого отдела КГБ СССР по 66-й отдельной мотострелковой бригаде. Попав в конце дня под огонь противника, у которого была более выгодная позиция, рота заняла оборону. Командир обратился к личному составу с предложением кому-то пойти в разведку добровольно. Уставшие люди промолчали. Паузу прервал капитан Васин, уже не раз бывавший в боевых операциях и имевший определенный опыт. Попросив огневого прикрытия, он блестяще справился с поставленной задачей, после чего рота успешно выполнила боевое задание. Капитан Васин был повторно представлен командованием к ордену Красной Звезды.

Заслуживает большого внимания личность капитана Б. И. Соколова, оперативно обслуживав-

шего разведывательный батальон. Само наименование батальона уже предполагает его довольно частое нахождение на боевых заданиях. Капитан Соколов был всегда со своей частью. Будучи ответственным и мужественным человеком, он приобрел солидный опыт оперативной работы в боевой обстановке. В критических ситуациях во время боев с противником принимал верные решения. Неоднократно командовал группами солдат, оставшимися без своего командира в ходе боевых столкновений. Причем обходился без потерь. Его авторитет в батальоне был настолько велик, что к нему часто обращались как рядовые, так и офицеры со своими проблемами. Это помогало ему глубоко владеть обстановкой в части. За проявленные мужество, отвагу и умелое поведение в ходе боевых действий и их результативность Б. И. Соколов был представлен к званию Героя Советского Союза.

За пять лет, с незначительными перерывами, пребывания в Афганистане я был свидетелем многих героических поступков оперсостава, но обо всех в одной статье, конечно, не рассказать.

Хочу уточнить, что в Афганистане оперработник не имел никаких привилегий. Более того, в силу специфических особенностей своей деятельности он работал зачастую больше других, в том числе и в позднее время суток, что порой отражалось на здоровье. Приведу пример. В 1983 году среди личного состава ограниченного контингента советских войск в Афганистане был зафиксирован пик заболеваний гепатитом. Военнослужащих ОКСВ заболело в том году около 33 %, а особистов — 40 %. После анализа этого факта руководство Осо-

бого отдела КГБ по армии пришло к выводу, что причина такой неадекватности являлась следствием особенностей той обстановки, в которой оперсоставу приходилось встречаться со своими людьми. Последние, иногда переживая инкубационный период, были фактически уже больны и заражали других, особенно тесно общавшихся с ними.

Наряду с описанными выше требованиями к контрразведчикам, направляемым в «горячие» точки за пределы своей страны, надо отметить наличие у них достаточных волевых качеств, психологической подготовки и, как следствие, высокого самообладания. Последнее особенно важно.

Известно, что показная лихость, удадь, иногда зависящая от настроения, неоправданный риск часто ведут к излишним потерям и не прибавляют уважения к человеку. Оперработнику, действующему за рубежом, необходимы высокая организованность, психологическая подготовленность и до конца проявляемая ответственность за порученное дело.

Именно эти качества являются основой для сохранения нашими сотрудниками самообладания в критических ситуациях, помогают им сделать все возможное для выполнения боевого задания, подавляя порой растерянность, страх и даже панику.

Кроме того, особист должен всегда владеть собой, в том числе и при осмотре, в случае необходимости, тел погибших военнослужащих в ходе боевой операции, зачастую обезображенных бандитами до неузнаваемости. Практика показывает, что это требование — далеко не пустяк. Так, молодой командир полка из Файзабада в первой для него операции при аналогичной ситуации по-

терял рассудок и в состоянии аффекта совершил уголовно наказуемое преступление. Были и другие примеры потери самообладания со стороны руководителей Особых отделов, получивших, к сожалению, досадную огласку. По этой причине двоим пришлось досрочно откомандировать к прежним местам службы.

Афганский опыт показал, что военнослужащим не только до начала боевой операции, но особенно после нужен был не политработник, а психолог. От операции к операции стресс накапливался, а снимать его с помощью спиртных напитков, как это позволяли себе некоторые армейские офицеры, оперработник не мог. Этому препятствовали его положение в коллективе, характер постоянных функциональных обязанностей, да и постоянный контроль со стороны начальства.

Стрессовые нагрузки систематически накапливались также в результате постоянного напряжения, вызванного графиком жизни и работы вне боевых операций. Так, завтрак во всех гарнизонах был определен в 7 часов утра (в штабе армии — в 6 часов 50 минут), ужин в 19 часов, после чего рабочий день продолжался, как правило, допоздна. И так без выходных и любой значимости праздничных дней. И только по субботам после 15 часов разрешалось помыться в бане и постирать белье.

Находившийся в Афганистане представитель Военно-медицинской академии доктор медицинских наук профессор А. А. Новицкий на основе исследований в течение ряда лет разработал со своей группой научную теорию синдрома хронического адаптивного перенапряжения офицеров, возникающего вследствие психоэмоциональных, физиче-

ских и экологических нагрузок. Для Афганистана эта тема была весьма актуальной. Именно этот синдром объяснял повышенный процент заболеваемости военнослужащих (тиф, гепатит, дизентерия, холера и другие болезни). К примеру, после одной из боевых операций личный состав подразделения 66-й отдельной мотострелковой бригады, спустившись с гор, с удовольствием утолил жажду из звонко журчащего ручья, стекавшего с окружающих высот. В результате 125 человек заболели холерой, из них двоих, к сожалению, спасти не удалось.

Надо отметить наличие в тот период и других факторов, каждый из которых по своей сути вроде незначителен, но в комплексе они усиливали психологическое давление на сознание офицеров. Это и похороны на Родине павших в боях без обозначения места гибели и привлечения внимания окружающих, в том числе местной общественности. Это и значительная, примерно в 8–9 раз, разница в окладах с офицерами советнического аппарата, которые не участвовали в боевых действиях, имели облегченный график работы и жили со своими семьями, это и скудное снабжение дефицитными товарами, к чему армейские офицеры были далеко не равнодушны.

Одним из наиболее важных факторов стала культурная пустота. Не было даже песен про Афганистан (была всего одна — композитора Лученка, но ее личный состав не знал), не посещали гарнизоны и артисты.

Все это, и особенно последнее, привело к тому, что накопившееся перенапряжение дало о себе знать примерно в середине периода нашего во-

енного присутствия в Афганистане. Это стало проявляться в понижении психологической устойчивости, эмоциональной подавленности, в первую очередь среди срочнослужащих, в участившихся фактах без вести пропавших солдат, отдельные из которых были установлены впоследствии в бандформированиях. На этой почве неожиданно появился и расцвел «самиздат» в виде низкопробных стихов в целом упаднического характера, иногда даже злых, которые стали исполняться под гитару вечерами в кругу срочнослужащих. Они вызывали тоску по дому, по своим близким, создавали гнетущую атмосферу, что усиливало давление на психику. Все это, естественно, не способствовало высокому моральному духу войск. Эта тенденция была своевременно замечена оперсоставом, затем обобщена и доложена в Москву. Хочу заметить, что реакция последовала незамедлительно. В Кабул, а затем и в гарнизоны поехали столичные артисты разного уровня, были созданы свои ВИА типа «Голубых беретов». Самым уважаемым и почетным гостем был И. Кобзон, подаривший в один из своих приездов набор музыкальных инструментов для местных ансамблей. Сделали выводы и политработники. Все это позволило изменить обстановку в лучшую сторону.

Десятилетний период нашего нахождения в Афганистане позволил накопить определенный опыт в организации и проведении фильтрационной работы. Эти мероприятия осуществлялись в районах, блокированных войсками. Чисткой в населенных пунктах занимались афганские подразделения.

В ходе фильтрации пленных задействовались опознаватели из числа местных жителей, настроенных против бандитов. Их использование было, как правило, скрытным. Жители, которые пострадали от действий душманов (убиты родственники, разрушены и разграблены дома и т. д.), не маскировались, а проявляли себя открыто. Были и такие, которые по своей инициативе изъявляли готовность оказать помощь «шурави», однако к ним оперсостав относился настороженно.

Конечно, полученная информация перепроверялась на месте через другие источники, в том числе представителей военной контрразведки афганской армии, путем проведения бесед, опросов других жителей населенного пункта, особенно старейшин.

Оперсоставу важно было своевременно быть на месте, установить взаимодействие с коллегами из числа афганцев, познакомиться со старейшинами, найти доброжелателей, принять меры к выявлению тех, кто спрятался в кишлаке, и определиться с местом для организации фильтрации и содержания задержанных. Причем сама фильтрация должна была осуществляться, по возможности, оперативно, хотя это и приводило к некоторым издержкам. Тем не менее, данная работа давала положительные результаты. Так, из 875 агентов бандформирований и контрреволюционного подполья, разоблаченных за время нашего военного присутствия в Афганистане, около 30 % были выявлены в ходе фильтрационных мероприятий.

Отдельно учитывались бандитские авторитеты, их родственники (для последующих обменов

на советских военнослужащих, находящихся в плену у мятежников), активисты и члены исламских комитетов (органы управления, созданные и контролируемые душманами).

Определенный опыт был накоплен при фильтрации советских военнослужащих, выведенных из бандформирований. Эта работа осуществлялась на базе Особого отдела КГБ СССР по 40-й армии в Кабуле сотрудниками 9-го и 1-го подразделений с применением наиболее деликатных средств. Следует отметить, что фильтрация данной категории военнослужащих, содержащихся в ходе разработки на гауптвахте, являлась необходимой работой, в конце которой принималось решение совместно с военной прокуратурой.

В настоящее время всем известно, что, находясь в душманских застенках, пленные подвергались жестоким пыткам, насильственным инъекциям наркотиков, принудительному изучению Корана, постоянному унижению. Некоторые пленные не выдерживали этих издевательств, ломались и становились невольными пособниками бандитов. Все они имели новые имена, носили национальную одежду. С ними часто общались члены Народно-трудового союза, действующего за рубежом, так называемые корреспонденты западных агентств и просто представители иностранных разведок. Несмотря на это, основная масса наших людей продолжала проявлять стойкость духа, сохранять волю и надежду на освобождение. Имеется много примеров неудачных попыток бегства из банд. Ярким примером служит восстание советских и части афганских граждан в лагере Бадабера в Пакистане, где в ре-

результате взрыва склада с боеприпасами по приказу Раббани*, который прибыл туда для подавления восстания, погибли 12 советских военнослужащих. Фамилии их неизвестны, ибо все они имели мусульманские имена, но установлено, что руководил ими офицер по имени Виктор, который лично снял охрану лагеря. Восстание было обречено из-за предательства (по непроверенным данным) узбека. Погибло также около 40 пленных военнослужащих ВС ДРА, более 120 бандитов и беженцев, 6 иностранных советников и 13 представителей пакистанских властей.

В результате фильтрации лиц, выведенных из бандформирований, были получены данные на отдельных наших военнослужащих о причастности их к спецслужбам противника. Много внимания уделялось получению сведений о тех, кто числился без вести пропавшим, данных об обстоятельствах их гибели, местах захоронений, наличию свидетелей их смерти.

Особенно теплые слова хочу сказать о руководителях и сотрудниках указанных подразделений А. Е. Демидове, М. В. Золотцеве, Б. А. Веселове, Г. В. Корячкине, Ю. М. Девяткине, А. Ф. Краснове, С. М. Котенкове, Г. М. Ветошкине и других.

9-я группа Особого отдела армии — это уникальное подразделение, успешное функционирование которого возможно при едином централизованном руководстве войсками. Мне не известно другого подобного факта, когда бы этой работой

* Раббани возглавил партию «Исламское общество Афганистана». Проживал в Пакистане, на него замыкался ряд бандформирований на территории ДРА и некоторые центры подготовки мятежников в Пакистане.

во время других войн (в том числе локальных) в централизованном порядке занималось одно спецподразделение. Известно, что этот коллектив делал весьма важную работу. Она охватывала и политические, и социальные, и гуманитарные аспекты.

Так, если в начале деятельности этой группы в списках без вести пропавших, захваченных бандитами при различных обстоятельствах, а в некоторых случаях по тем или иным причинам перешедших на сторону мятежников, числилось 573 военнослужащих ОКСВ в ДРА, то в настоящее время в этом списке остался 281 человек. Из них 270 человек значатся как «без вести пропавшие».

Кстати, здесь уместно заметить, что за весь период нашего военного присутствия в Афганистане не было ни одного факта, о чем я ответственно заявляю, когда бы наш военнослужащий оказался у мятежников по политическим мотивам. Некоторые из пленных, кого вынудили принимать участие в боевых действиях на стороне мятежников, делали это в случаях боевых операций против подразделений Национальной народной армии (ННА) ДРА, а также бандформирований иной партийной принадлежности.

Сотрудники 9-й группы в своей деятельности использовали широкий спектр оперативных возможностей, в частности: опрос захваченных в плен душманов и выведенных из банд наших военнослужащих, проведение работы среди местного населения освобожденных от бандитов районов и на фильтрационных пунктах, изучение документов захваченных исламских комитетов, отработка данных спецслужб ДРА, сотрудников разведывательного подразделения Особого отдела КГБ армии

и другие источники. Постоянную помощь афганскими деньгами и личным составом оказывало командование. Для решения определенных вопросов сотрудники этой группы принимали участие и в боевых операциях.

Обстановка иногда диктовала необходимость встреч непосредственно с главарями банд. Такие встречи, сопряженные с опасностью захвата, тщательно готовились. В этих случаях речь шла, как правило, или о выкупе нашего солдата, или обмене его на содержащихся в тюрьмах ДРА пленных авторитетов мятежников. Ультимативные требования о выдаче наших военнослужащих или их останков передавались обычно через старейшин населенных пунктов.

Все факты освобождения из плена наших военнослужащих представляют интерес. Я позволю себе привести в качестве примера вывод из банды рядового А. Ф. Янковского, белоруса, поскольку в этом мероприятии принимал активное участие старший оперуполномоченный из Особого отдела КГБ по Ленинградскому военному округу майор Г. М. Ветошкин.

Рядовой 15-й бригады «Спецназ» Янковский был захвачен бандитами при возвращении с боевой операции, когда он отошел в сторону, чтобы попить воды из ручья. Через местные органы безопасности была установлена банда, похитившая нашего рядового. Нашли источников, которые знали главаря банды. Они были направлены в эту банду для ведения переговоров о выдаче советского солдата. Сначала главарь банды запросил взамен около десятка преступников, содержащихся в тюрьмах ДРА. Переговоры велись долго.

В конце концов остановились на брате главара — Хаятулло, одном из авторитетов оппозиционной партии, приговоренном к смертной казни. По просьбе посольства СССР в Афганистане Хаятулло был помилован правительством и получил «добро» на выдачу его банде. Два афганских источника все это время помогали сотрудникам нашего 9-го подразделения. Совместно с ними было согласовано место обмена. В целях безопасности нашей группы командование выделило технику (БМП), сосредоточенную скрытно. На аэродроме дежурили два боевых самолета. Наблюдение велось из замаскированного наблюдательного пункта, оборудованного средствами связи. 27 февраля 1988 года обмен был благополучно совершен. Майор Г. М. Ветошкин был представлен к награждению орденом Красной Звезды.

Благодаря усилиям сотрудников 9-й группы удалось добыть перепроверенные данные о гибели нескольких десятков военнослужащих, числящихся как «пропавшие без вести». Люди в погонах знают, что значит быть «без вести пропавшим». Особенно остро это ощущают их родные и близкие.

До 1989 года из банд было выведено 88 советских военнослужащих. Получены достоверные сведения о нахождении отдельных пленных в бандформированиях, в Пакистане, Швейцарии, Франции, США и Канаде, об их настроениях и попытках к освобождению. В отдельных случаях, при помощи записок, передаваемых через проверенные источники, удавалось установить контакты с некоторыми из наших пленных, находившихся у бандитов, для решения оперативных задач, в том числе по их освобождению.

В 90-х годах в некоторых СМИ стали появляться публикации о причастности к выводу из банд наших военнослужащих отдельных журналистов и общественных организаций. Все это не соответствует действительности. Единственной организацией, неоднократно предлагавшей нам свою помощь, был Международный Красный Крест перед очередной командировкой их сотрудников в Пакистан. Мы всегда тщательно готовили для них документы по нашим военнослужащим. Однако, к сожалению, все их добрые намерения оказывались безрезультатными. После 1989 года ситуация в этом вопросе мною не контролировалась.

В настоящее время проблемами воинов-интернационалистов, в том числе проходящих по списку как «без вести пропавшие», занимается Комитет по делам воинов-интернационалистов стран СНГ под руководством известного всем генерал-лейтенанта Руслана Султановича Аушева*.

Иногда для вывода советских людей из лагерей душманов использовались нетрадиционные методы. Речь пойдет о бывшем рядовом 40-й армии Демиденко. Как военнослужащий, он ничем положительным не выделялся. К службе относился недобросовестно, проявлял элементы недисциплинированности, был замечен в употреблении наркотиков. После одного из нарушений дисциплины он вместе с оружием исчез из части. Буквально через несколько суток сотрудники 9-й группы установили, что он находится в одной из банд провинции Кундуз. С этого времени его поведение у мятежников было взято под контроль.

* Число без вести пропавших по настоящее время сверено с Комитетом.

После его проверки и форсированного изучения Корана, сопровождавшегося физическим насилием, постоянных инъекций наркотиков ему доверили ремонт стрелкового оружия. Здесь он проявлял больше добросовестности, поскольку постоянно боялся наказаний, а бежать было некуда. Подобная обстановка еще более ожесточила Демиденко. Элементы этой жестокости особенно проявлялись при истязаниях пленных военнослужащих. Заслужив таким путем доверие бандитов, он стал привлекаться к участию в боевых действиях с афганскими подразделениями и бандформированиями другой партийной принадлежности, а затем был назначен телохранителем главаря банды. Замечу, что из всех военнослужащих 40-й армии, находившихся в плену у мятежников и даже воевавших на их стороне, никто до такого уровня не поднимался и так низко не опускался. В новой должности он стал проявлять повышенную требовательность к своим новым сослуживцам и даже наказывать их. Его стали бояться и сами душманы.

Однажды главарь банды взял с собой Демиденко на переговоры с таким же формированием, но принадлежащим к другой партии. Как телохранитель Демиденко был рядом. Заметив подозрительное движение у противной стороны, он первым открыл огонь из автомата. Его поддерживали другие мятежники из числа своей группы. Противник был уничтожен, а Демиденко в ходе перестрелки ранен. Естественно, авторитет его еще более вырос.

Через некоторое время главарь банды женил своего телохранителя. Теперь его стали бояться и местные жители, особенно после того, как он, заподозлив тестя в симпатиях к центральной вла-

сти, убил его. Поведение Демиденко у бандитов получило огласку, его имя стало использоваться в пропагандистских целях. С учетом этого перед 9-м подразделением была поставлена задача скорейшего вывода его на контролируруемую нами территорию. Выкуп или обмен Демиденко даже на самых серьезных бандитских авторитетов бандиты отвергли.

Согласно разработанному плану, согласованному с МГБ ДРА, из числа сотрудников спецслужб Афганистана была организована лжебанда. Обозначив себя в районе базирования и получив некоторую известность, командир этого подразделения направил к Демиденко, который к тому времени уже пользовался некоторой свободой, двух своих представителей. Они передали просьбу командира, чтобы Демиденко оказал им помощь в разборке советских НУРСов с целью выплавки из них тола для изготовления фугасов, использующихся при подрыве боевой техники. Демиденко согласился и в сопровождении лжебандитов прибыл в подразделение, где и был сразу же обезврежен. Вначале он полагал, что его захват — это акция одной из конкурирующих банд, поэтому разразился ругательствами в адрес схвативших его, угрожая расправой.

Лжебанда, не теряя времени, быстро покинула свой лагерь и скрытно, тайными тропами добралась со своим «трофеем» до Кабула, откуда Демиденко сразу же был доставлен в Особый отдел КГБ. И только здесь он осознал, что находится в руках чекистов. Русский язык он почти забыл, с трудом вспоминал отдельные слова, путал их с афганскими и только через две недели стал гово-

рять на родном языке. Находясь на гауптвахте, он уговорил охранявшего его солдата и готовился совершить побег. Пришлось срочно этапировать его в Ташкент.

Материалов о преступной деятельности Демиденко было достаточно, следствие проведено оперативно, и военным трибуналом он был приговорен к высшей мере наказания. Надо сказать, что за весь период нашего нахождения в Афганистане это был единственный случай столь сурового наказания.

Кроме рядового Могильникова, также выведенного из банды и приговоренного военным трибуналом к 12 годам исправительных работ, все другие военнослужащие, вызволенные из бандформирований, независимо от их поведения там, были направлены по местам своего призыва и уволены из рядов Вооруженных сил.

В начале 90-х годов прибыл на Родину и бывший рядовой 40-й армии Варварян, руки которого были обильно оближены кровью, в том числе и наших людей. Однако то было время огульной критики всего прошлого, и в том числе нашего присутствия в Афганистане, что позволило ему избежать наказания и быть реабилитированным.

Разумеется, вывод каждого военнослужащего 40-й армии из банд заслуживает отдельного внимания и по-своему поучителен.

Считаю полезным для будущего отметить еще один момент, который в свое время не был предусмотрен, поскольку не планировалось наше участие в боевых операциях. Однако после того как мы были втянуты в военные действия, появились и обстоятельства, требующие разбирательства спец-

служб в соответствии со статьей 191 УК РСФСР «Измена Родине в форме перехода на сторону врага». А комментарий этой статьи разъяснял, что она может быть применима, если мы находимся в состоянии войны или военного конфликта с данной страной. Но ведь ни того, ни другого не было, а пленные были — с вытекающими из этого последствиями. И только в июне 1984 года заместитель председателя КГБ СССР Г. К. Цинев и заместитель главного военного прокурора страны подписали указание, позволяющее эту статью применять в Афганистане.

Между прочим, это была не единственная особенность. В тот период вообще не было никаких государственно-правовых документов, регламентирующих наше пребывание в Афганистане. Созданная впоследствии Комиссия при Политбюро ЦК КПСС по делам Афганистана также не издавала никаких письменных директив, указаний и т. п. Все распоряжения, касающиеся ОКСВ в ДРА, передавались устно через министра обороны.

В Афганистане был получен также определенный опыт оперативного обслуживания автомобильных батальонов 58-й автомобильной бригады, перевозивших различные грузы для нужд армии через перевал Саланг, а также блокпостов трубопроводной и дорожно-комендантской бригад.

На первый взгляд, эти бригады не должны были быть предметом пристального внимания военной контрразведки. Однако это не совсем так. Группа солдат, изолированная от своей части и находящаяся в районе довольно частотного появления противника, иногда по-своему забо-

тилась о своей внешней безопасности. Были отдельные случаи, когда солдаты вступали в контакт с бандитами и давали им из трубопровода горючее в обмен на нейтралитет. То же самое происходило и с местным населением, когда старейшины давали обязательство не трогать трубопровод в случае регулярной поставки им определенного количества солянки. Такая практика порождала нездоровую атмосферу в коллективе и накладывала свои особенности на взаимоотношения его членов. Несвоевременное выявление подобных фактов вело к вызреванию процессов, предоставляющих возможность захвата данного блокпоста бандитами или перехода отдельных военнослужащих на сторону врага.

Сотрудникам Особых отделов известно, что при оперативном обслуживании подразделений ГРУ ГШ имеются свои сложности.

В Афганистане находился 797-й разведцентр (РЦ), а на местах работали оперативные группы. Пользуясь удаленностью от РЦ, проявляя самостоятельность, а подчас и амбициозность, они не всегда были разборчивы в надежности источников для своих оперативных целей. Особыми отделами среди их контингента за все время пребывания в ДРА было выявлено более 200 агентов бандформирований, а также множество афганцев, поставляющих нашим разведчикам дезинформацию, разумеется, оплачиваемую. А ведь полученные данные докладывались командованию армии! Последнее использовало их для нанесения бомбово-штурмовых ударов — иногда по голым скалам, а иногда страдало и местное население, что, естественно, вызывало его негативную реакцию.

Сотрудники самого разведцентра установили контакты с известным руководителем бандформирования в Панджшере Ахмад Шахом (после объявления политики национального примирения такие контакты с А. Шахом осуществляли только работники МГБ ДРА), дарили ему оружие, что было запрещено командованием армии, получали, в свою очередь, подарки*. Особым отделом армии ставился обоснованный вопрос о возбуждении по данному факту уголовного дела. По рекомендации Москвы, дело возбуждать не стали. Тем не менее, ряд офицеров РЦ был профилирован, а один досрочно откомандирован из ДРА и уволен. В этой работе проявили неординарное чекистское мышление и находчивость начальник 1-го отделения Особого отдела армии подполковник Г. В. Корячкин и его подчиненные, особенно капитан С. М. Котенков.

Отголоском подобных непрофессиональных контактов, излишней доверчивости наших военных разведчиков явилось хвастливое и необъективное интервью А. Шаха журналистам, опубликованное в газете «Труд» от 22 января 1992 года под названием «Среди моих агентов были и советские генералы». Выражая удовлетворение искусственным развалом СССР, он заявил: «Хотя, с другой стороны, теперь, боюсь, некому будет противостоять Соединенным Штатам», — и далее: «Будет наблюдаться активизация американской внешней политики, а это может принять опасные формы».

Обратите внимание, каким перспективным мышлением обладал этот полевой командир.

* Один из офицеров РЦ получил большой кусок лазурита, который намеревался продать.

Таджик по национальности, А. Шах родился в 1953 году в семье крупного феодала-военного. После окончания теологического лицея два года учился в Кабульском университете. В двадцать лет возглавил группу, настроенную против правительства. После прихода к власти Дауда инициировал против него заговор, который был раскрыт. А. Шах сумел скрыться, а его сообщники были казнены. За антиправительственную деятельность в Панджшере был объявлен военным преступником и бежал за границу, где принимал участие в террористических актах в составе палестинских боевых групп. В 1978 году вернулся на родину и приступил к организации вооруженных банд. Свободно владел английским и французским языками. Его псевдоним — Масуд.

Не могу не упомянуть о полученном в Афганистане практическом опыте ведения контрразведывательной работы в окружении. В условиях этой страны, при постоянной внешней агрессии со стороны различных бандформирований, прошедших подготовку в Пакистане, Иране и даже в США, наличии агентуры этих и других стран, иностранных военных советников в бандах, при финансовой и вооруженной поддержке всей так называемой оппозиции остро стоял вопрос о безопасности 40-й армии. В частности, необходимо было обезопасить мероприятия по подготовке и проведению боевых операций, взаимодействие с Вооруженными силами ДРА, использование нового вооружения и т. д.

Обстановка требовала иметь свои источники во властных и силовых структурах республики, среди руководителей отдельных племен и про-

сто в окружении из числа влиятельных людей. Вопросы собственной безопасности требовали, чтобы оперработник, если даже он и владел местным языком, контактировал с интересующими его людьми вместе с переводчиком. В зависимости от места встречи сотрудники имели при себе табельное оружие.

Благодаря усилиям всех Особых отделов армии за десятилетний период было выявлено 44 агента иностранных спецслужб (США, Пакистана, Франции, Индии и других стран). Особенно хорошо показали себя сотрудники Особых отделов: по 108-й МСД — подполковник В. И. Микитюк, капитан Карабо; по 5-й МСД — подполковник В. Р. Семирский, майоры В. А. Клецко, И. В. Быков, капитан Селезнев; по 201-й МСД — майор Колесников; по 70-й ОМСБр — майор Ю. В. Драгунцов; по 66-й ОМСБр — майор А. А. Лапшин; сотрудники аппарата Особого отдела КГБ 40-й армии подполковники В. П. Васильев, Г. В. Корячкин, майоры А. Н. Зубарев, Ж. Рыспаев, В. В. Ушаков и другие.

Заслуживают внимания оперативные действия по двум агентам спецслужб США, которые поддерживали связь со своим Центром при помощи быстродействующей радиоаппаратуры через ИСЗ «Фликатком». Разоблачение этих агентов стало возможным после того, как в конце 1986 года Особому отделу армии было придано подразделение радиоконтрразведки в количестве 16 человек с громоздкой техникой, которую разместили в гараже. Особый отдел находился на окраине военного городка, гараж был большой и крытый, что позволяло скрыть эту технику от космической

разведки противника. Старшим группы был майор Андрей Зотов.

Признаюсь, что вначале я был против размещения этой группы на базе Особого отдела КГБ и ее оперативного подчинения мне. И был не прав. Поспешно заявляя «нет», я исходил из того, что прикомандированными москвичами из-за их не всегда обоснованных амбиций иногда трудно управлять. Однако потом я учел, что их надо обмундировать, предоставить им жилье и рабочее место, а главное — скрытно разместить технику, и согласился, поскольку в посольстве СССР это сделать невозможно. Что касается москвичей, то у меня был еще свежий на тот период пример недобросовестного и непрофессионального отношения к делу двух таких специалистов при проведении весьма специфических мероприятий при фильтрации вызволенных из банд наших военнослужащих, подозреваемых в причастности к спецслужбам противника. Дело могло приобрести скандальный характер. Я тогда в ультимативной форме поставил вопрос: или я немедленно докладываю об их «работе» наверх, или они завтра утром первым рейсом покидают Кабул. Они выбрали второе.

Буквально через две недели круглосуточного дежурства был взят первый пеленг, показавший, что где-то на этом направлении, проходящем через Кабул, действует агент, оснащенный быстродействующей аппаратурой. Последующие пеленги показали, что агент действует в Кабуле, затем был определен квартал, дом и, наконец, квартира, где скрывался агент. В ходе очередного радиосеанса он был схвачен с поличным с

помощью спецслужб наших друзей. Но это было уже после моего отъезда в Союз*. Через некоторое время радиоконтрразведка зафиксировала работу уже другого радиопередатчика. Поскольку наши подвижные и стационарные посты еще не были свернуты, буквально через 25 дней был выявлен и арестован второй агент. Оба они были гражданами Афганистана, военнослужащими — подполковник и капитан соответственно.

Поскольку мы находились в дружественной нам стране, нельзя обойти вниманием порядок взаимодействия с местными органами безопасности. Так, взаимодействие с военной контрразведкой Афганских вооруженных сил осуществлялось, в основном, через нашего советника-особиста, находившемся при Представительстве КГБ СССР в ДРА и курировавшего силовые структуры в войсках. На местах между Особыми отделами и местными органами безопасности было более тесное сотрудничество, поскольку они чаще общались между собой и без каких-либо посредников.

В качестве примера расскажу о деятельности Особого отдела КГБ по 5-й МСД в Шинданте и его связях с местной афганской контрразведкой. Получив от них очередную, на этот раз разведывательную, информацию, в апреле 1984 года начальник Особого отдела подполковник В. Р. Семирский оперативно организовал через командование выход разведывательной роты 371-го МСП в приграничный с Ираном район провинции Герат. В составе роты, как и положено, находился оперу-

* Завершил эту операцию сменивший меня начальник Особого отдела КГБ по 40-й армии Владимир Степанович Черемыкин.

полномоченный капитан Владислав Михайлович Иванычев. В ходе скоротечного боя, неожиданного для мятежников, был захвачен их укрепленный пункт и уничтожено более 20 боевиков. В руках капитана Иванычева оказалась вся документация по организации агентурной работы против советских войск на иранском направлении.

Среди полученных в результате операции документов находились списки агентуры и сочувствующих бандитам лиц из числа жителей провинции Герат. Кроме этого, были изъяты значительные суммы различной инвалюты (в пересчете на доллары США около 500 тысяч), чековые книжки на предъявителя на сумму 20 миллионов риалов в банках Ирана, большое количество оружия. За участие в этой операции и ее успешные результаты капитан Иванычев был представлен к правительственной награде.

С помощью этих же афганских коллег Особым отделом был выявлен и разоблачен агент бандформирования, имевший, наряду с другими задачами, задание совершить диверсию на советской авиабазе.

Показателен пример тесного взаимодействия с афганскими военными контрразведчиками непосредственно в ходе боевой операции. Так, в апреле 1983 года батальон 350-го ПДП (парашютно-десантный полк) выполнял вместе с афганскими подразделениями боевую задачу в Панджшере по освобождению от мятежников мест разработки лазурита и прочих драгоценных камней. В том же районе находилось и месторождение урановых руд. В боевой операции участвовал старший оперуполномоченный капитан Николай Иванович

Даниленко. В ходе ожесточенного боя рудник был освобожден, а затем передан афганским подразделениям для его зачистки и дальнейшей охраны. В процессе фильтрации пленных мятежников и работы с ними капитан Даниленко и его афганские коллеги оперативно получили информацию о том, что накануне горные разработки покинул караван бандитов с грузом опия, который должен двигаться в сторону Пакистана. Быстро организованная через командира батальона воздушная разведка вскоре установила его местонахождение и маршрут движения. По тревоге в обозначенный район была направлена на вертолетах группа десантников.

Деликатный характер груза требовал (наряду с другими, обычными факторами, обуславливающими участие оперработника в боевых действиях в ДРА) участия в этой операции капитана Даниленко. В результате засады караван был перехвачен, взяты пленные, оружие и три тонны опия. Впоследствии груз был доставлен в Кабул, а затем в Москву. Капитана Даниленко представили к награждению орденом Красной Звезды.

Известно, что там, где наркотики, там наиболее вероятен и криминал. Что не удалось благодаря присутствию особиста сделать на месте разгрома каравана, удалось сделать в Кабуле, где хранился опий до его отправки в Москву. Командование дивизии (начальник штаба, начальник политотдела и, косвенно, командир) поддались искушению и присвоили некоторую часть наркотиков. Эти данные стали известны Особому отделу, однако сроки плановой замены позволили им в то время безнаказанно убыть в СССР.

Тем не менее, проверка продолжалась уже в контакте с Особым отделом КГБ по Туркестанскому военному округу в Ташкенте. Вскоре ими были получены сведения о контрабандном провозе через советско-афганскую границу 41 килограмма опия, который совершил помощник по комсомольской работе начальника политуправления ТуркВО.

Эти и вновь полученные данные послужили основанием для возбуждения следственным сектором Особого отдела округа уголовного дела*, а 1-му сектору позволили завести дело оперативной разработки. Руководство следственными и оперативными мероприятиями было поручено автору этой статьи.

Прямо скажу, ввиду общественного положения подозреваемого при его разработке, а затем и допросах были серьезные трудности. Так, военный прокурор Туркестанского военного округа генерал-майор И. Г. Лебедь, ознакомившись с материалами уголовного дела, согласился с доказательной частью собранных материалов и их убедительностью, однако санкции на арест подозреваемого не дал, сославшись на вероятные санкции со стороны члена Военного совета округа. Этим он нас несколько обескуражил, поскольку в следующий понедельник (а была только среда) на службу выходил из отпуска ЧВС (член Военного совета). Мы не могли допустить, чтобы подозреваемый встретился со своим шефом. Боясь ареста, наш подопечный неожиданно скрылся. К вечеру мы полу-

* Следственным сектором Особого отдела по ТуркВО руководил в то время полковник Тарас Владимирович Дерень. После выхода на пенсию был прокурором г. Остров (под г. Псковом), в настоящее время проживает там же.

чили данные, что он на время спрятался на даче у своего приятеля. Места мы пока не знали.

Все мероприятия по делу были настолько радикальными, что и начальник Особого отдела КГБ по Туркестанскому военному округу деликатно ушел в сторону.

Все работали с напряжением. В четверг утром начальник следственного сектора Особого отдела округа полковник Тарас Владимирович Дерень предложил направить в Москву следователя. Альтернативы не было, и мы в срочном порядке направили в столицу нашего курьера с настоятельной рекомендацией попасть на прием к Главному военному прокурору генерал-полковнику Горному.

Времена были другие, и начальники были доступнее. Следователь без особых сложностей попал на прием к товарищу Горному, доложил материалы и получил санкцию на арест объекта уголовного дела. С нею он первым же рейсом вылетел в Ташкент. Нам доложили уже в пятницу. В этот же день оргработники в рамках своего дела получили наконец адрес, где скрывался подозреваемый. Подготовили группу захвата и в субботу осуществили его задержание.

Прибыв на службу в понедельник и узнав обстановку, ЧВС округа срочно вызвал военного прокурора. Последний сразу заявил о своей непричастности к этому делу, поскольку им занимался Особый отдел. По-видимому, ЧВС знал уже, кто отвечает за это дело, потому что позвонил мне и попросил приехать к нему. Весь фокус давления на этой и последующих встречах был сконцентрирован на мне. Надо отдать должное, что в разговорах со мной он придерживался рамок дозволенно-

го — я все-таки не его подчиненный и из другого ведомства. И все же несколько раз звучал вопрос: «А докажете? Смотрите, иначе...» Однажды он попросил свидание с арестованным, чего мы очень не хотели, ибо это осложнило бы всю работу с подозреваемым. Под разными предложениями я отказал в этой просьбе.

Через некоторое время наш подопечный полностью признал свою вину, и дело было передано в военный трибунал. Я же вернулся в Афганистан.

В ходе разработки и следствия было получено подтверждение причастности к хищению опия командования дивизии. Всех участников хищения установили, и они получили соответствующее наказание. В процессе обысков были изъяты драгоценности и большие суммы денег. (Часть из них запечатлена на фотографии, представленной в этой книге.)

Не могу не приоткрыть еще одну страницу нашей афганской действительности, о которой не принято было говорить, поскольку об этом знал относительно узкий круг лиц. Некоторое время и я не знал, а когда узнал — посчитал это обычным, будничным явлением для наших военно-воздушных сил. Речь идет об эпизодических нанесениях ракетных ударов нашей авиацией по выявленным лагерям подготовки мятежников, их складам с оружием, расположенным в приграничной зоне Пакистана.

Как-то в 6 часов 40 минут, перед завтраком (наша столовая была непосредственно в штабе армии), я, как поступал довольно часто, зашел в кабинет командующего генерал-майора В. П. Дубынина. Последний был чем-то озабочен. На мой

вопрос он ответил, что снова поступило устное распоряжение лететь в Пакистан. На его просьбу подтвердить эту команду письменно, Москва ответила отказом. На карте, хранившейся в его сейфе в кабинете, была соответствующая информация с подписями командующих армии и ВВС. Я его успокоил и посоветовал: «Приказы надо выполнять, а карту эту лучше всего сжечь». — «Эта карта — единственный официальный документ о нарушениях воздушных границ Пакистана. Вышестоящее же руководство, в силу отсутствия каких-либо бумаг на этот счет, останется в стороне». На этом разговор закончился, и мы пошли завтракать.

Мне неизвестно, были ли дипломатические ноты со стороны Пакистана по этому поводу или нет, но однажды пакистанцы решили по-своему наказать нарушителей. Во время очередной такой акции наших ВВС они подняли пару «Фантомов». Наш ведущий, отбомбившись, выполнил соответствующий маневр, чтобы лететь домой, и вдруг его прибор показал, что он засечен «Фантомом». Через пару секунд он увидел падающую «огненную свечу». Забеспокоившись, летчик тут же убедился, что его ведомый идет за ним. Оказалось, что не намеренно, но своевременно он сделал противоракетный маневр, в связи с чем ракета пакистанского летчика поразила свой самолет. После этого случая пакистанцы перестали поднимать по тревоге свои самолеты, а наши, на всякий случай, стали брать с собой по паре ракет «воздух — воздух».

Подобное задание получил однажды и всем известный подполковник Руцкой. Данный ему инструктаж предусматривал немедленное возвращение после пу-

ска ракет «воздух — земля» по цели. Однако Руцкой, проигнорировав данное распоряжение, вернулся, чтобы сфотографировать результаты своей «работы», и тут же был сбит пакистанской ракетой «земля — воздух». Вскоре армейские специалисты перехватили радиограмму, исходящую из управления пограничной охраны Пакистана. В переводе она выглядела так: «Шурави пилот у нас. Что делать?» Надо сказать, что ему опять повезло — он попал в руки не афганских мятежников, а пакистанских пограничников. В плену пробыл около десяти дней. Его все время допрашивали пакистанцы и американцы, однако содержание информации, исходившей от Руцкого, нам не известно. После его выдачи Москва запретила Особому отделу армии осуществлять опрос этого репатрианта. Особидам из ВВС он был хорошо известен своими прежними неблагоприятными поступками, за что справедливо был профилирован, хотя по законам военного времени за такие дела его ожидал военный трибунал.

Из-за пустынного, однообразного ландшафта западной части Афганистана отмечались факты неумышленного нарушения и воздушных границ с Ираном, а один раз даже с посадкой наших боевых вертолетов непосредственно на иранский аэродром. Какой-либо реакции со стороны Ирана не последовало.

Часто приходится слышать, порой читать, даже в воспоминаниях некоторых участников боевых действий в Афганистане, о систематическом применении мятежниками ПЗРК (переносной зенитный ракетный комплекс) «Стингер», в результате чего наша авиационная техника якобы несла основные потери. При этом косвенно подчеркива-

лось, что эти ПЗРК не имели аналогов в мире, и мы ничего не могли им противопоставить. Позволю себе заметить, что это далеко не так. Например, наша зенитная ракета «Игла» по эффективности поражения летательных аппаратов не уступала хваленым «Стингерам».

Безусловно, отрицать серьезность этого оружия нельзя, но и идеализировать — тоже. Первые поставки бандформированиям зенитных ракет «Эрликон» швейцарского производства начались в январе 1985 года. В том же году США поставили мятежникам зенитные ракеты «Блоупайп» английского производства, а в марте 1986 года было решено направить им ПЗРК «Стингер». Кстати, эти ракеты поставлялись далеко не в массовом порядке.

Первое применение бандитами ПЗРК было отмечено в ноябре 1985 года, когда зенитной ракетой был сбит советский транспортный самолет Ан-12 с двадцатью восемью пассажирами на борту.

В это же время нашими военными было захвачено шесть зенитных ракет иностранного производства. Обстановка потребовала форсирования определения слабых мест данных ракет и выработки эффективных мер противодействия. В результате в довольно короткий срок армейскими специалистами был разработан генератор помех, который получил широкое применение в авиации и хорошо себя зарекомендовал.

Доставка «Стингеров» из Пакистана была окутана завесой секретности и сопровождалась повышенными мерами охраны. Так, в конце 1986 года нашими военными в районе Кандагара было захвачено три ПЗРК «Стингер». В ходе раз-

бирательства было установлено, что эти ракеты были доставлены из Пакистана на пяти мотоциклах в сопровождении 13 опытных мятежников. Доставить такие ракеты в горные районы было весьма затруднительно, да и применение их требовало определенной подготовки.

Я не могу сказать, что «Стингеры» были для нашей авиации какой-то проблемой. Гораздо большую опасность, особенно для вертолетов, представляли пулеметы ДШК (Дегтярева — Шпагина) калибра 12,7.

Тем не менее, несмотря на применявшиеся нашей авиацией защитные меры, все, кто находился на борту самолета, стали в обязательном порядке надевать парашюты. Я также подчинялся общим правилам, хотя практически ни разу не было случая, чтобы пришлось воспользоваться этим снаряжением, притом что летать приходилось часто.

Помню один ночной перелет из Шинданта в Кабул на транспортном самолете. На аэродром мы приехали около 23 часов. Была кромешная тьма, и командующий авиацией Виктор Севастьянович Кот, с которым я должен был лететь, рекомендовал отложить полет до утра. Я не согласился, мотивируя это тем, что с утра в Кабуле будут другие проблемы, поэтому лучше не терять времени и лететь. Командующий как деликатный человек не стал настаивать. Заняв места, мы взлетели с погашенными огнями. Через несколько минут разразилась беспорядочная стрельба мятежников, все вокруг было освещено трассерами от стрелкового оружия и пулеметов ДШК. Я приготовился дремать, но Виктор Севастьянович растолкал меня, чтобы я обратил внимание на то, что творится за бортом

самолета. Я сказал ему, что, если снаряд попадет в самолет, я, конечно, проснусь, а если еще придется и прыгать в темноте, то у меня нет уверенности, что я правильно приземлюсь. К тому же нет гарантии, что мы не попадем к бандитам, поэтому давайте полетим спокойно. Действительно, после набора высоты и удаления от горячего места стрельба прекратилась, и мы благополучно приземлились в Кабуле, где нас уже ждали.

Этот факт в какой-то степени свидетельствует, что в этом довольно оживленном в бандитском плане районе у мятежников не было зенитной ракеты с тепловой головкой самонаведения.

Подкрепляя тезис о предотвращении проникновения в нашу страну, особенно в южные республики, радикального исламизма, в том числе в форме террора, отмечу, что его проявления в Афганистане были постоянными. Террор — от латинского слова «страх, ужас», и этот страх и ужас были там еще до появления на местной сцене талибов. Угрозы расправой, убийством, чтобы постоянно держать людей в состоянии страха, — одна из важных составляющих бандитского движения. Я приведу только несколько примеров из многих, имевших место в этой многострадаальной стране.

Так, 15 января 1982 года в провинции Лагман в 8 часов утра пять бандитов с расстояния 15–20 метров обстреляли из автоматов автобус со школьниками из трех кишлаков. В результате 6 детей погибли, 13 были тяжело ранены. Имели место факты подрыва школ прямо в кишлаках. Довольно часто мятежники останавливали автобусы с пассажира-

ми и грабили их. А как душманы издевались над нашими воинами, глумились над трупами советских военнослужащих, обезображивая их до неузнаваемости, рука не поднимается описывать.

Согласно циркулярному распоряжению Гульбуддина, «Исламская партия Афганистана» создавала спецгруппы и расселяла их по конспиративным квартирам в Кабуле для совершения террористических актов против функционеров правительства ДРА, советских военнослужащих с целью посеять у них страх, парализовать волю.

Совершив ракетно-артиллерейский обстрел Кабула после нашего ухода, Гульбуддин достиг части своей цели — именно ужас заставил жителей города покинуть родину в количестве, которого ранее никогда не было.

А. Шах (Масуд), с которым велись впоследствии переговоры о мире, создал в Панджшерском ущелье такую тюрьму, которая приводило буквально в оцепенение даже военных, имевших возможность ознакомиться с нею. Поспешное бегство не позволило ему ликвидировать следы своих преступлений: растерзанные трупы афганских военнослужащих, более шестидесяти мирных жителей. А разнообразные пыточные устройства, инструменты от средневековых до современных сами по себе вселяли ужас во всех, кто их видел.

А как расценить то, что террористы распространяли взрывные устройства, замаскированные в красочно оформленные бытовые предметы, поленья дров (в городах дрова продавались на вес) и даже детские игрушки?

В заключение приведу пример теракта в отношении сугубо гражданских лиц — советских спе-

специалистов мирных профессий, приглашенных для восстановления азотно-тукового завода и хлебокомбината в городе Мазари-Шарифе.

Лето 1983 года. Город со своей самой яркой достопримечательностью — красивой голубой мечетью XV века — утопает в зелени садов. Каждое утро автобус с афганским водителем развозил 16 советских специалистов по их рабочим местам. Однажды этот автобус был остановлен двумя афганцами. Шофер притормозил, и неизвестные быстро вскочили в салон машины, приказав шоферу ехать дальше, но уже по другому маршруту. Они мгновенно извлекли из просторной национальной одежды оружие и направили его в сторону сидящих в автобусе. Все произошло настолько неожиданно, что никто из наших сразу не оценил весь драматизм ситуации. Да и никто не ожидал в этом городе, в стороне от военных действий, чего-либо плохого. Поэтому личное оружие, кстати его имели лишь отдельные специалисты, находилось в кобурах, притом застегнутых. Как только один из пассажиров попытался достать свой пистолет, он тут же был ранен одним из бандитов.

Автобус между тем свернул с главной улицы и выехал за город. Там он остановился. К двум террористам присоединились другие. По их приказу раненого советского специалиста вытащили из автобуса. Он был еще жив. На глазах у всех присутствующих, рядом с автобусом, один из бандитов не спеша отрезал ему голову. Раненый сначала дико кричал, затем затих. Эта ужасная казнь деморализовала наших по сути гражданских лиц, к этому времен уже обезоруженных. Душманы пригрозили, что так будет с каждым, кто сделает какую-либо попытку к побегу.

С этого момента следы похищенных специалистов затерялись. Естественно, что на их поиски были мобилизованы военные и оперативные возможности. Так, во всем регионе были проведены боевые действия, в том числе по проческе местностей, блокированию и проверке с помощью афганских военнослужащих кишлаков, захвате мятежников, местных авторитетов с намерением обменять их на наших граждан, но все было напрасно.

На поиск советских людей были также задействованы подразделения ГРУ, военной контрразведки, дружески настроенные активисты-афганцы, местные органы власти и, наконец, оперативные возможности службы государственной информации, впоследствии преобразованной в МГБ Демократической Республики Афганистан. Возглавлял СГИ, а затем некоторое время МГБ доктор Наджиб, который, в свою очередь, имел своих оперативных источников.

Естественно, информации поступало много, и вся она тщательно проверялась. Причем афганцы каждый раз настаивали на объективности своих данных, клялись при этом своими детьми, Аллахом. Но все их сведения, к сожалению, не подтверждались.

Прошло больше трех месяцев. Эффективность розыскных мероприятий снижалась. И вот однажды ранним прохладным утром в одном из дуканов на окраине Мазари-Шарифа появился продрогший афганский подросток. Его обогрели, напоили чаем, завязалась беседа, в ходе которой мальчик упомянул о захваченных мушферах. Уложив подростка спать, дуканщик быстро сообщил рус-

ским полученные сведения. Несколько пограничников во главе с подполковником, брат которого находился в числе похищенных специалистов, поспешили в дукан. Квалифицированный опрос подростка позволил определить место в одном из ущелий горного района, где в глиняной хижине под охраной бандитов содержались 15 советских пленных. Из рассказа мальчика следовало, что место это хорошо охраняется. На окружающих высотах располагались огневые точки мятежников. Медлить было нельзя.

По тревоге было поднято специальное подразделение и на вертолетах направлено в предполагаемый район. Естественно, никакой разведки, предварительной огневой обработки позиций мятежников не было. Эта точка оказалась в 95 километрах к югу от Мазари-Шарифа. Конечно, риск был велик. Будь у душманов хорошо налаженная охрана позиций и высокая боеготовность подразделений, — эта дерзкая операция могла бы закончиться для нас трагически. Однако ничего подобного у бандитов не оказалось, поэтому наш десант явился для них полной неожиданностью.

Как только один из вертолетов начал приземляться в нескольких десятках метров от хижины, солдаты, не ожидая касания машины с землей, начали выпрыгивать из вертолета и, стреляя на ходу, побежали в сторону домика. Их заметили наши специалисты и охрана. Двое из бандитов ворвались внутрь хижины, но были остановлены одним из русских, который схватил стволы их автоматов и потянул к себе. Грянули выстрелы, и наш специалист был убит. В это время

другие дружно навалились на стену с маленьким оконцем, вывалили ее наружу и побежали, как могли, навстречу своим. Вдогонку раздавались автоматные очереди, и погибли еще два человека. И хотя огонь был неприцельным, все-таки был тяжело ранен специалист-переводчик. Именно он оказался братом подполковника, находившегося в числе десанта. С бандитской охраной вскоре было покончено, и солдаты вместе с крайне истощенными советскими людьми быстро заняли места в вертолетах. Наши уже поднимались, как вдруг опомнились душманы. Началась беспорядочная стрельба из стрелкового оружия, среди которой выделялись звуки крупнокалиберных пулеметов. Вертолеты ответили огнем. Уже смеркалось. В горах темнеет быстро. Все вместе взятое позволило нашим набрать высоту и улететь.

К удивлению всех, никто из десанта, ни сами вертолеты не пострадали и благополучно возвратились в Мазари-Шариф. А тяжело раненный переводчик скончался в вертолете на руках своего брата. Понесенные потери, конечно, омрачили результаты этой стремительно проведенной операции.

После оказания первой медицинской помощи 11 крайне истощенных, едва прикрытых лохмотьями советских людей, со следами побоев, струпьев от нанесенных ран, и 4 трупа были доставлены в Термезский военный госпиталь.

В ходе последующих бесед со спасенными была восстановлена вся картина их похищения, содержания в плену, пыток и издевательств бандитов. Им предлагали принять ислам, выступить

по радио от имени НТС с антисоветских позиций. Для разжигания антирусских настроений среди местного населения наших специалистов, связанных между собой, водили по местным кишлакам, представляя их как преступников, врагов ислама. Находившиеся под давлением бандитов, местные жители глумились над нашими людьми, били палками, забрасывали камнями, наносили раны острыми предметами, плевали в лицо и оскорбляли, как могли.

По долгу службы мне довольно часто приходилось летать вместе с Маршалом Советского Союза С. А. Соколовым, а затем и генералом армии В. И. Варенниковым в гарнизоны 40-й армии на самолете Ан-26 и вертолетах. Неоднократно в таких полетах участвовали доктор Наджибулла и начальник 1-го главного управления КГБ СССР В. А. Крючков.

С Наджибуллой, в том числе и в новой для него роли генсека ЦК НДПА, я постоянно встречался на различных приемах непосредственно в штабе армии и на мероприятиях в нашем кафе. Раскованный, рослый, с приятной внешностью, волевой, он производил очень хорошее впечатление. Не могу ничего подобного сказать о В. А. Крюкове. Я почти всегда находился в группе встречающих его на аэродроме в Кабуле, приглашал посетить Особый отдел, особенно наш музей, однако он всегда отказывался по причине своей занятости. Сочтем это убедительным. Однако, находясь рядом со мной в вертолете, он ни разу не проявил интереса ни к делам Особого отдела, ни ко мне как его руководителю.

Меня это удивляло, ибо ответственному представителю КГБ СССР трудно проигнорировать нахождение на остром участке контрразведывательного органа, насчитывающего до 300 человек. В то же время не менее значимые фигуры: заместитель председателя Совмина В. С. Мараховский, председатель государственного комитета по внешнеэкономическим связям К. Ф. Катушев и другие — находили время побеседовать наедине с начальником военной контрразведки, выслушать его видение обстановки в ДРА и стоящие перед Особыми отделами КГБ задачи. Я считал это правильным и еще раз убедился, что у всех у них было государственное мышление. И каждый из них, особенно заместитель министра иностранных дел Ю. М. Воронцов, оставил в моей памяти глубокий след.

В моих воспоминаниях не последнее место занимает моя работа в оперативной группе Министерства обороны СССР в Афганистане, руководителем которой был заместитель министра обороны Маршал Советского Союза Сергей Леонидович Соколов. Читатель может спросить: а что здесь особенного? Особенного ничего нет, все зависит от индивидуального восприятия действительности, но были такие нюансы, которые я должен был знать заранее. Полагаю, что эта часть моей практики для некоторых послужит уроком.

В состав оперативной группы, причем неожиданно для меня, я был введен в 1984 году нашим Главком. Мой предшественник — заместитель начальника Главного управления Особых отделов КГБ СССР генерал-лейтенант Б. А. Еронин к

тому времени убыл в Союз. Так что никто меня не проинструктировал. Задачи моей деятельности на этом участке меня не смущали. А вот вопросы протокольного порядка, характерные именно для этой группы с ее солидными специалистами военного дела, были мне не совсем ясны. Они-то и заставляли меня иногда сомневаться, а правильно ли я поступил в данном случае, анализировать свои действия и самому же давать на них ответ. К тому же маршал ни разу меня, полковника, не поправил, а просто молчал, но именно это-то и смущало. Такая ситуация была, разумеется, на первом этапе, пока я сам не определился в своих действиях. И тем не менее, в том, что я оправдал доверие своего Главка и не уронил достоинства Особых отделов, представителем которых был, я прежде всего обязан руководителю оперативной группы. Его личный пример, поведение, высокая работоспособность, жизненный и военный опыт сыграли при этом решающую роль.

Маршалам Ахромееву, а затем и С. А. Соколову я был представлен товарищем Б. А. Ерониным еще в 1983 году. С того времени я знал и многих членов оперативной группы, среди которых довольно многие были в звании генерал-полковника. Группа размещалась во дворце Чихиль-Сутун на окраине Кабула на правах гостей правительства ДРА. Я занимал отдельную комнату с аппаратом ВЧ-связи. Перед тем как официально представиться маршалу, я посетил апартаменты его адъютанта, переводчика и военного советника (они жили вместе в одном помещении), с которыми затем постоянно был в добрых отношениях. Само представление прошло в благоприятной

обстановке, однако разговоров о моих делах не было.

Перед обедом начальник штаба группы генерал-полковник В. И. Шкутов предупредил меня, что мое место за столом третье справа от маршала. На мой вопрос, как я это узнаю, если маршала не будет, он ответил, что у маршала самое высокое кресло. Маленькую часть протокола, касающуюся обеда, мне сообщили, но, как оказалась, это было далеко не все.

В назначенное время я вошел, как предполагал, в столовую, но оказалось, что это аванзал, в котором, выстроившись в шеренгу, стояла вся оперативная группа. К этому я не был готов, тут же подумал — а где же мне встать? Крайним слева? Но, думаю, я же представитель Главка, а сам продолжаю идти. И тут вижу «щель» в строю, третью слева от правофлангового, — и встал туда. Окружающие спокойно потеснились. Это место стало моим и впредь. Последним вошел маршал, всех поприветствовал и пригласил на обед.

Питание было хорошим, пища готовилась под контролем наших офицеров медицинской службы, длинный стол обслуживали вышколенные официанты.

Моим визави был представитель Главного политического управления генерал-майор А. П. Артемьев, с которым я также был знаком с 1983 года. Это дало мне повод вступить с ним в разговор. Он отвечал, не переставая есть. Я вначале не понял. И только тогда, когда официант заменил мне блюдо, а я в это время услышал голос представителя тыла Минобороны генерал-полковника Тарасова: «Товарищ Маршал Советского Союза, все покуша-

ли», мне стало ясно — трепать языком за едой здесь не принято. Маршал встал, со всеми встал и я.

Все это мелочи, но это часть протокола, и было бы лучше, если бы я знал их заранее.

Ближе к вечеру В. И. Шкутов сказал мне, что в 19.30 в кабинете маршала будет совещание. Я поинтересовался, а всегда ли присутствовал на этих совещаниях генерал-лейтенант Б. А. Еронин. «Нет, не всегда», — ответил Шкутов. «Утешил», — подумал я. Товарищ Еронин является давнишним хорошим знакомым маршала, занимает высокое положение в Главке, и он может себе позволить — быть или не быть. А как поступить новичку? Если присутствовать, то постоянно. Если не бывать — Главк может спросить, а что я вообще тут делаю. Принял решение присутствовать постоянно. Войдя в кабинет, я обратил внимание, что обстановка в нем не такая, как я предполагал. Диван, журнальный столик и три стула. На диване — маршал и генерал-лейтенант Меримский, а где же мне сесть? Я занял место на стуле, стоящем у торца. Кто его занимал раньше, не знаю.

Первым, иногда, делал сообщение маршал. Он сообщал новые данные по обстановке в ЦК НДПА, в вооруженных силах, по результатам своей беседы с Б. Кармалем и часто выражал неудовлетворение его действиями. Потом заслушивались по военным вопросам приглашаемые лица, в конце ставились задачи на следующий день.

По утрам, в 7.00, проводились более расширенные совещания, на которых докладывались данные разведки (штаб армии, 797-й разведцентр, военные советники и, реже, соответствующие сотрудники Представительства КГБ СССР в ДРА) и

принимались решения о нанесении бомбоштурмовых ударов по выявленным целям.

Информация, не относящаяся к темам указанных совещаний, докладывалась мною лично маршалу. Он всегда ее читал внимательно и расписывался, чего не скажешь о генерале армии В. И. Варенникове.

Как правило, до обеда я находился на территории дворца и занимался своими делами. Проверял охрану объекта, в том числе по периметру, осуществляемую личным составом батальона воздушно-десантных войск, состояние минных заграждений, пропускной режим и т. д. В фокусе моего внимания был обслуживающий персонал из числа афганцев. Батальон охраны оперативно обслуживался оперработником Особого отдела по 103-й ВДД.

После обеда я обычно уезжал в Особый отдел армии, где знакомился с изменениями в обстановке по линии военной контрразведки. Обстановка в Кабуле позволяла мне одному, без сопровождения, проезжать через весь город, в том числе и по его окраине, где находились глинобитные лачуги афганцев.

Ближе к концу пребывания группы во дворце меры безопасности были усилены. Основанием послужили данные МГБ друзей о вербовках бандитами афганцев, работающих в официальных и других учреждениях посредством давления на членов их семей и угроз расправой. Цель — совершение в последующем террористических актов. Один из таких террористических актов произошел в июне 1984 года днем на одной из главных улиц в отношении советника КГБ СССР.

Однажды, еще на ранней стадии моего нахождения в группе, я вместе с частью ее сотрудников полетел в Герат на разбор боевой операции, в которой до этого принимал участие. До Шинданта мы летели на Ан-26, а до Герата — на четырех вертолетах. В самолете ко мне подошел генерал-полковник И. Ф. Модяев и сообщил, что, согласно составленному им списку, мне определено место в четвертом вертолете. Это меня очень задело. Раздумывать и убедительно отвечать было некогда, и я заявил ему, что советский контрразведчик будет находиться там, где будет Маршал Советского Союза. Он промолчал и отошел. В Шинданте я, не раздумывая, направился к первому вертолету. Пропустив маршала, заместителя председателя КГБ СССР В. А. Крючкова, секретаря ЦК НДПА Наджиба, влез сам. За мной сели переводчик и два автоматчика. Маршал на эту ситуацию никак не отреагировал. У меня мелькнула мысль, а правильно ли я поступил, и тут же решил: так надо. Если бы этот вертолет по каким-то техническим причинам стал снижаться, да еще совершил аварийную посадку, что в практике полетов в Афганистане случалось, а я в это время находился бы в другом вертолете, как эту ситуацию оценило бы мое руководство в Главке? Думаю, понятно. Уже в вертолете я убедил себя в правильности принятого решения, вспомнив пример начальника Особого отдела по Киевскому военному округу, когда он остался с членами Военного совета до конца и разделил с ними трагическую участь, попав в окружение.

Из Герата мы возвращались в таком же порядке, спокойно, а вот в Кабуле меня ожидал сюрприз.

Руководитель Представительства КГБ СССР в ДРА генерал-майор Г. И. Калягин обрушился на меня с упреками, почему я сам сел в первый вертолет, а его советника КГБ по зоне не взял (он причину не пояснил, но было ясно — в этом вертолете летел В. А. Крючков, их непосредственный начальник). Я сказал, что являюсь членом оперативной группы и мне по должности положено быть вместе с маршалом, да и вертолет не резиновый, но он не захотел меня понять. Конечно, я для маршала свой человек как военный контрразведчик и член его группы, а кто для него советник зоны из Представительства, которого он ни разу не видел, и когда в других вертолетах были министр обороны ДРА, главный военный советник в звании генерал-полковника, партийный советник и другие серьезные должностные лица?

Признаться, я был очень удивлен, что, несмотря на мои, казалось бы, убедительные доводы, Калягин никак не мог уразуметь, как это я не взял с собой его советника по зоне (я его, кстати, и не видел). В то время я посчитал это несерьезным эпизодом. Дальнейшие события показали, что я ошибался. Именно этот случай явился стартом для ухудшения наших отношений. На него стали наслаиваться и другие малозначительные факты, вызванные служебной деятельностью. Так, однажды я не поддержал его нотационное выступление на приеме в честь годовщины МГБ ДРА, где присутствовал Наджиббула; в другой раз, после доклада командования армии о сбитом бандитами нашем вертолете почти над ВПП, я доложил об этом в Центр в своей шифровке, которую направлял один раз в две недели.

Из телефонного звонка начальника Главного управления военной контрразведки Н. А. Душина я узнал, что Калягин жалуется на меня в Москву. Начальник Главка спросил меня, почему я не могу отрегулировать отношения с Калягиным. Я не стал озвучивать описанное выше, а акцентировал его внимание на деловой переписке с Представительством, которая по содержанию была не в их пользу... В конце добавил: «Я делаю все, но не хлопать же мне его выше голяшки». Свойства характера Калягина были известны, может, поэтому Душин ничего больше не сказал, и разговор закончился.

Через некоторое время заместитель Калягина по нашим советникам при военной контрразведке Афганистана, будучи в Особом отделе, спросил меня о том же самом. Я понял, что поведение Калягина вышло за рамки обычных мелочей, однако довольно напряженная служебная деятельность и на этот раз отодвинула эти проблемы в сторону. Тем не менее, однажды, находясь в нашем посольстве, где размещалось Представительство КГБ СССР, я решил, несмотря на все произошедшее, зайти к Калягину. Тот буквально цедил слова, поэтому разговора не получилось. Однажды Калягин прибыл в штаб армии, чего ранее не делал из-за своей спесивости. Во время сопровождения его к машине (я все-таки старался не давать ему лишних поводов) он завел разговор о нашем генералитете, о поведении некоторых его представителей и т. д. Я отверг все его инсинуации в адрес командования и сказал, что именно они постоянно воюют, а с некоторыми из них и я принимаю участие в боевых действиях. У Калягина сразу из-

менилось настроение, он помрачнел и сказал: «Ну ладно, ладно...», а я окончательно убедился, что он переступил ту черту, за которой начинается война. После этого я с ним не встречался, а вскоре он убыл в Союз.

Однако вернусь к теме своего пребывания в оперативной группе. Вскоре период сугубо деловых, хотя и окрашенных в вежливые тона, отношений прошел. Маршал стал сам звонить мне по телефону по вопросам, которые ранее обычно передавал через начальника штаба. Как-то вечером он сообщил по телефону, что на следующий день в шесть часов утра вылетает в Кундуз, и спросил, каковы мои планы. Я, естественно, ответил, что лечу вместе с ним. В назначенное время я был возле самолета Ан-26. На этот раз маршал сам пригласил меня в носовую часть самолета, отгороженную от остальной части салона, в которой обычно находились все другие сопровождавшие его лица. Впоследствии это место стало для меня обычным. В носовой части команда была постоянная: маршал, генерал-полковник И. Р. Модяев, полковник М. Я. Овсеенко. Не важно, какой продолжительности был полет: например, полет из Баграма, исключая время взлета и посадки, составлял 18 минут. За это время мы все равно успевали выпить чаю. Кстати, закуска всегда была маршала, которую ему, особенно разного рода выпечку, передавала жена из Москвы.

Вернемся к полету в Кундуз. Когда мы прибыли в штаб 201-й МСД, сразу же началось совещание и заслушивание командования дивизии, военных советников, советников Представительства КГБ СССР в ДРА и других лиц. Все они приходили и

после доклада уходили. Я же сидел с маршалом не выходя, ожидая перерыва. А его не было.

В 14.00 нас пригласили на обед без захода в деликатное место. После обеда, не заходя в штаб, мы на УАЗике поехали в Кундуз к губернатору провинции. Отойдя на три-четыре метра от маршала, я сказал командиру дивизии, чтобы он выставил по маршруту нашего следования БМП, но так, чтобы они не бросались в глаза. Маршал это услышал и заявил, что ничего подобного делать не надо. Тем не менее, когда он отвернулся, я снова, но уже настоятельно повторил ранее сказанное.

После паузы маршал пригласил меня в машину, и мы поехали со скоростью, какую позволяла разбитая дорога. При этом маршал заметил: «Чем больше скорость, тем меньше ям». По сторонам дороги на приличном расстоянии на опушке зарослей стояли БМП. Маршал не мог их не заметить, хотя комментировать ситуацию не стал. Эта мера была оправдана, поскольку район был бандитским (там же действовал и рядовой Демиденко, описанный в настоящей статье). Еще накануне, будучи в Кундузе один, я обратил внимание на группу сотрудников Царандоя, прилетевшую из Кабула, которая в связи с приближением вечерних сумерек отказалась ехать в город и заночевала в гостинице дивизии. И только на другой день в сопровождении БТР они поехали домой.

В Кундузе мы заслушали выступление губернатора, других лиц, снова попили чай и в их сопровождении вернулись к своим машинам, без захода куда-либо... По прибытию в штаб нас уже ждали другие приглашенные и без перерыва снова началось совещание. Наконец, где-то в 19 часов, я

просто не выдержал и вышел. Вернувшись уже в другом настроении, я подошел к маршалу и взглянул на стол через его плечо. Маршал вопросительно посмотрел на меня. Я ответил: «Задание КГБ. Осталось выяснить только мелочь — какие сигареты курит Маршал Советского Союза». Он рассмехался.

В девять часов вечера кабинет опустел. Тогда маршал предложил мне заслушать еще и начальника Особого отдела дивизии. Я пытался отговорить его и перенести это мероприятие на завтра (полагая, что он устал, ведь прошло уже более пятнадцати часов, как мы вылетели из Кабула, а он ведь был уже немолодым человеком). Однако не тут-то было. Я недооценил закалку старой гвардии.

Докладывал заместитель начальника Особого отдела дивизии подполковник Колесников (начальник был в отпуске). В ходе доклада он упомянул о деле подполковника З., бывшего начальника разведки 108-й МСД, совершившего уголовное преступление и на период расследования по уголовному делу прикомандированного в 201-ю МСД с понижением. По словам Колесникова, нужно было принять конкретное решение — завершить срочно уголовное дело или откомандировать товарища З. в Союз. Маршал согласился, а мы перешли в комнату, отведенную маршалу для отдыха. Там уже был И. Ф. Модяев. Мы выпили чаю и разошлись.

На другой день, возвращаясь в Кабул, в полете снова пили чай. Пользуясь непринужденной обстановкой и соответствующими разговорами, я поинтересовался у маршала: «Товарищ Маршал

Советского Союза (именно так к нему обычно обращались), я понимаю, что можно один раз в сутки поест, но скажите, а как можно всего один раз сходить в деликатное место?» — и напомнил ему ситуацию накануне. Он засмеялся и ответил: «Привыкнешь».

Случай с подполковником З. мне был известен. Колесников поступил правильно, ибо это была прерогатива Особого отдела армии. Знало об этом и командование, однако настоятельных рекомендаций о его откомандировании в Союз от Особого отдела не поступало.

Я не упоминал бы об этом частном, мелком случае, если бы он не имел негативных последствий. Так, при очередном выходе воинской колонны на боевое задание подполковник З. сел в БРДМ и скрылся в неизвестном направлении. Поиски результатов не дали, а БРДМ через некоторое время нашли с неизрасходованным боекомплектom. Начались звонки, ибо сбежавший был по должности не рядовым.

Мне первому, а не в Особый отдел армии, позвонил генерал-полковник Н. А. Душин. Почему? Я ему доложил, что такого-то числа по данному факту было доложено Маршалу Советского Союза С. А. Соколову. Следующим был командующий Туркестанским военным округом генерал-полковник В. И. Максимов. Вопрос с подтекстом. Как понять, когда Особые отделы откомандировывают в Союз лиц, установивших сомнительные связи с местными криминальными гражданами, а этому позволили сбежать? Ответ был тот же, после чего вопросы ко мне по поводу подполковника З. прекратились.

Когда я был уже начальником Особого отдела армии, мне позвонил адъютант маршала и сообщил, что прилетел Сергей Леонидович (его прилет не афишировался), находится в гостинице Военного совета, и спросил, буду ли я с ним встречаться. Я ответил «да» и попросил три-пять минут. Пришел вовремя. В фойе вдоль стен сидело много ожидающих встречи с маршалом, среди них был и военный атташе полковник Сень. Минуя всех, я сразу же прошел к маршалу. Встретил он меня очень хорошо. Посадил на диван и пересел на него сам. Дело было после праздника 7-го ноября, во время которого маршал командовал парадом. Я сделал комплимент его выправке и заметил, что с таким хорошо поставленным голосом в царской армии карьеру делали. Он засмеялся, а я после очередной шутки сказал себе: хватит, у него мало времени, — и перешел к докладу. Маршал при этом пересел за свой стол, сделал пометки и пообещал поднять эти вопросы на совещании вечером в штабе армии.

Попрощались мы тепло. На вопрос маршала я его заверил, что всегда готов быть с ним в любой горячей точке.

Шутка в отношении карьеры оказалась кстати. По прибытии в Москву через короткое время маршал был назначен Министром обороны СССР. Я его поздравил телеграммой.

Откровенно говоря, я надеялся, что после службы в ДРА, если буду в Москве, смогу рассчитывать на более оперативное решение квартирного вопроса. Но жизнь распорядилась по-своему. Прилетел этот злополучный Руст, а его посадка на Красной площади вызвала известные всем оргвыводы. С тех пор я не имел возможности общаться

с маршалом, но моя работа в опергруппе оставила глубокий след в моей душе, поэтому я и решил поделиться этим с читателем.

Я знал всех командующих 40-й армии. Кого-то из них уважал больше, кого-то меньше, были и такие, к которым мое отношение было просто индифферентным. Самые хорошие воспоминания оставил у меня генерал-лейтенант Виктор Петрович Дубынин. Веселый, подтянутый, отличный профессионал, он по своим личным качествам выгодно отличался от своих коллег. Активно участвовал в боевых операциях — настоящий боевой генерал. Его уважали не только офицеры, но и срочнослужащие. В трудных ситуациях не подставлял подчиненных. Запомнился случай, произошедший во время Кундузской операции в 1987 году, в которой я также принимал участие. В начале операции наша авиация, несмотря на проведенную накануне рекогносцировку, совершила ошибку, начав высаживать десант в точке, занятой мятежниками. Все обошлось благополучно, но время было потеряно. Эта задержка вызвала соответствующую реакцию вышестоящих начальников. Телефоны на командном пункте накалились. В. П. Дубынин с озабоченным лицом довольно сдержанно отвечал всем: «Поправим...»

Конечно, ответственность за происшедшее лежала на командующем авиации, находившемся в это же время на КП. Но Дубынин ни разу не обмолвился об этом, не сказал, что разберется с ним и т. д. Все недовольство звонивших ему он принял на себя.

О наших добрых отношениях с командующим свидетельствует и тот факт, что он предоставлял мне

свой вертолет, заправленный кондиционным топливом, для срочных вылетов в какой-нибудь из подчиненных органов, когда попутной оказии не было.

Однако я бы хотел остановиться на другом. Как-то начальник 1-го отделения доложил мне о непонятных посещениях нашего командующего в вечернее время командующим Царандоя (милиция) Гулябзоем. На следующий день я спросил у Дубынина, с какой целью Гулябзой приезжает к нему в закрытый гарнизон. Виктор Петрович подтвердил факт этих посещений, однако причина этих визитов ему тоже не была ясна. Гулябзой посидит, поговорит о пустяках, выпьет, хочет сказать что-то, но затем замолкает и уезжает. Я заметил, что так продолжаться не может, да и окружающие не поймут. Надо прямо спросить у него, что он хочет. Во время очередного приезда главы Царандоя Дубынин так и поступил. Тогда Гулябзой заявил, что он может навести порядок в Кабуле за один-два дня, но ему не понятна в этом случае позиция 40-й армии. Виктор Петрович ничего определенного не сказал и решил посоветоваться.

Надо отметить, что Царандой в то время был хорошо вооружен, боеспособен, там было много халькистов (это особенно настораживало), которые, как и в армии, были не довольны кадровой политикой, проводимой парчамистами. Признаться, такого поворота событий я не ожидал, думаю, командующий тоже. Я невольно поднялся и стал ходить по кабинету, вслух рассуждая: «Надо дать шифротелеграмму на имя председателя КГБ СССР за двумя подписями. — Не оставаясь, продолжал: — Нет, так не пойдет. В Москве она будет размножена, о ее содержании

будут знать не менее 11 человек. От них немедленно узнает руководитель Представительства КГБ СССР в ДРА, а от последнего — Наджиб. Начнутся массовые аресты халькистов, возможно вооруженное сопротивление, прольется много крови. А мы потеряем верного нам человека. (Озвученный Гулябзоем замысел явно обсуждался среди руководства халькистов, а это уже заговор...) Сообщить генералу Варенникову мы тоже не можем. Как руководитель оперативной группы Минобороны СССР, он просто обязан реализовать эту информацию с тем же результатом — кровь и, как следствие, позор для 40-й армии». — «Что же делать?» — спросил Дубынин. «У нас нет выхода, любой наш доклад приведет к трагическим последствиям. Поэтому в следующий приезд Гулябзоя ему надо твердо сказать, что если он вздумает исполнить свой замысел, то 40-я армия сотрет его в порошок».

Я отдавал себе отчет в том, что не имел права так говорить, — я не то лицо, чтобы выступать от имени 40-й армии. Да и характер и масштабы вероятных событий могли иметь уже государственное для нашей страны значение.

Виктор Петрович меня не перебивал и сделал так, как я посоветовал. Гулябзой сказал, что все понял, попрощался и уехал. Однако мы не поняли до конца, а что он понял? тем не менее, визиты этого заговорщика в наш гарнизон прекратились, а добрые отношения остались и до конца нашего ухода из Афганистана он себя в описанной ситуации не проявлял.

Лично я был удовлетворен тем, что профилактическая беседа командующего достигла цели.

Однако мне не давал покоя вопрос, почему командующий ОКСВ в Афганистане не мог в самом начале, после признания Гулябзоя, сам принять решение, почему в ходе моего монолога в его кабинете он ни разу не попытался меня перебить, согласился со мной и, наконец, сделал так, как я говорил? Или он, будучи намного моложе меня, верил мне как начальнику Особого отдела КГБ по армии, или был сам весьма обескуражен необычным намерением Гулябзоя, ибо трудно себе представить последствия такого мятежа халькистов, в частности для нашего контингента войск. Полагаю, что это-то наш командующий четко осознавал. Не могу ответить на эти вопросы, знаю только, что я рисковал.

Этот довольно специфический эпизод моей службы в ДРА глубоко запал в мое сознание, и только по прошествии уже многих лет я решил рассказать о нем читателям.

После нашего возвращения в СССР отношения между халькистами и парчамистами обострились настолько, что Наджибулла арестовал ряд высших офицеров из числа халькистов. В этой ситуации министр обороны ДРА Ш. Н. Танай совершил попытку переворота с целью свержения Наджибуллы, однако она закончилась неудачей. И кто же, вы думаете, оказался ближайшим помощником Таная? Наш знакомый Гулябзой.

Выходит, что ранее озвученные им намерения совершить военный переворот были далеко не случайными. Тем не менее, скажем ему спасибо, что своими замыслами он поделился с В. П. Дубыниным, а не с кем-то другим.

Личный состав Особых отделов в Афганистане комплектовался по штатам военного времени. Например, обычный мотострелковый полк оперативно обслуживали два военных чекиста. В структуре аппарата Особого отдела по 40-й армии были подразделения, которых не было даже в округах. Так, 9-е розыскное, ОТО, 4-е отделение и, наконец, приданное радиоконтрразведывательное подразделение в количестве 16 человек увеличивали значимость этого органа. В то же время руководитель военной контрразведки ограниченного контингента советских войск в Афганистане по штату приравнивался к обычному начальнику Особого отдела по армии. Какая-то затхлость.

Для тех, кто не знает, приведу в качестве примера состав аппарата Особого отдела армии:

- 1) начальник и два его заместителя;
- 2) 1-е отделение;
- 3) 2-е отделение;
- 4) 3-е отделение;
- 5) 4-е отделение;
- 6) информационно-аналитическое отделение, в том числе офицер по связям с Представительством КГБ СССР в ДРА;
- 7) 9-е отделение;
- 8) оперативно-техническое отделение;
- 9) следственное отделение;
- 10) кадры;
- 11) хозяйственное отделение, взвод охраны, гараж и др.;
- 12) шифровальщики;
- 13) секретариат;
- 14) дежурная служба;

15) радиоконтрразведывательное подразделение — приданное.

Всего около 80 человек.

Подчиненные Особые отделы были укомплектованы по штатам военного времени:

1) Особый отдел КГБ СССР по ВВС — корпусной штат;

2) Особый отдел КГБ СССР по 5-й МСД;

3) Особый отдел КГБ СССР по 108-й МСД;

4) Особый отдел КГБ СССР по 201-й МСД;

5) Особый отдел КГБ СССР по 103-й ВДД;

6) Особый отдел КГБ СССР по 56-й ДШБр;

7) Особый отдел КГБ СССР по 66-й ОМСБр;

8) Особый отдел КГБ СССР по 70-й ОМСБр;

9) Особый отдел КГБ СССР по 15-й бригаде «Спецназ»;

10) Особый отдел КГБ СССР по 22-й бригаде «Спецназ»;

11) Особый отдел КГБ СССР по 276-й трубопроводной бригаде;

12) Особый отдел КГБ СССР по 278-й дорожно-комендантской бригаде;

13) Особый отдел КГБ СССР по 342-му УИР (Управление инженерных работ);

14) Особый отдел КГБ СССР по 59-й бригаде материального обеспечения (БР МО).

В соответствующие Особые отделы, по территориальности, входил оперсостав, оперативно обслуживавший отдельные части центрального подчинения, но входившие в ОКСВ и замыкавшиеся на командующего 40-й армией, который одновременно являлся уполномоченным правительства СССР по делам советских войск в Афганистане.

Небезынтересно привести мнение западных экспертов о советских военнослужащих: «Уровень дезертирства был очень низок и составлял около 1–1,5 процента от уровня дезертирства в период Великой Отечественной войны. Советский солдат проявлял самоотверженность, был надлежащим образом подготовлен для участия в самых сложных боевых операциях». В этом же аналитическом документе эксперты, согласно А. Ляховскому («Трагедия и доблесть Афгана»), «обратили внимание на то, что лозунг об оказании интернациональной помощи не удовлетворял наших военных».

Думаю, уместно будет добавить еще и такие качества, характеризующие наших военнослужащих, как гуманизм, доблесть и самопожертвование. Так, на втором этапе вывода войск многие солдаты и сержанты, которые должны были быть уволены из рядов Советской армии, добровольно изъявляли желание на несколько месяцев остаться в Афганистане. Мотив один: не подвергать опасности в эти последние месяцы войны молодых необстрелянных воинов. Ведь они хорошо знали, что от пуль, мин и снарядов бандитов гибли в основном неопытные бойцы.

Хотелось бы отметить атмосферу дружбы и взаимопомощи, царившую в среде военнослужащих разных национальностей, которая особенно проявлялась в время боевых операций. Приведу только один пример. При посадке вертолета в районе, контролируемом душманами, выпрыгнувший из него солдат, русский, подорвался на mine. На помощь ему, не ожидая других, первым бросился из вертолета офицер, сотрудник Особого отдела,

туркмен по национальности. К сожалению, спасая солдата, он подорвался на другой мине и потерял ногу.

Либеральные демократы первых лет новой России, журналисты, не бывавшие в Афганистане, и по сей день любят повторять чужие слова о кровопролитной войне, о жестокой мясорубке, якобы имевшей место в Афганистане.

Судите сами, за 10 лет боевых действий погибло по данным Генерального штаба Министерства обороны СССР: рядовых и сержантов — 11 381; офицеров — 17 55. Всего 13 136 человек. Вместе с не боевыми потерями общее их количество составило 13 745 человек. По данным Особого отдела армии погибло 16 сотрудников военной контрразведки КГБ СССР и 89 были ранены. Да, это невосполнимые потери. За каждым из них стоят родные и близкие. Не для утешения, а для сравнения отмечу, что за две недели в Чечне погибало столько, сколько за год в Афганистане.

Конечно, любая война есть война. Поэтому читатель вправе поинтересоваться, а какую зарубку в памяти афганцев она оставила? На этот счет приведу сведения из статьи журналиста Г. Зотова, опубликованной в «Аргументах и фактах» № 11 за 2006 год.

С его слов, люди разных социальных слоев в Афганистане испытывают сегодня своего рода ностальгию по шурави (так называли советских военных и гражданских специалистов). Многие из числа опрошенных заявили, что они не возражали бы, если бы русские вернулись. В городах была спокойная жизнь, функционировали все предприятия, афганцы не голодали. На вопрос,

заданный одному из афганцев (кстати, получившему увечье во время войны): «А зачем же ты воювал против русских?», тот ответил: «А, дурак был!» При этом все опрошенные клянут американцев и натовцев.

Мне могут возразить. Прошли годы, пришли американцы, в сравнении с которыми русские выглядели намного лучше, да и народ не голодал. Однако приведенные мною примеры уважительного, более того, доверительного отношения к нашим военнослужащим в ходе фильтрационной работы со стороны жителей кишлаков, где и война ощущалась острее, и сами они были добросовестными верующими, говорят сами за себя.

Вписывается в этот контекст и позиция бывших руководителей оппозиционных партий Б. Раббани («Исламское общество Афганистана») и Моджаддади («Национальный фронт спасения Афганистана»), относившихся к присутствию советских войск в их стране крайне враждебно.

Придя к власти после отставки правительства Наджибуллы, они решительно отвергли предложения других оппозиционеров от предъявления нам репараций. При этом они резонно мотивировали свое решение тем, что не Советский Союз виновен в причиненных Афганистану разрушениях. Ими были учтены также усилия СССР по созданию промышленной базы и аграрного сектора. Кроме этого, они рассчитывали на восстановление прежних добрососедских отношений. Считаю, что это является дополнительным штрихом к показателю степени уважения афганского народа к своему северному соседу.

Хотелось бы предупредить возможный вопрос: насколько обязательным было участие оперативника в боевых операциях в составе даже относительно небольших подразделений, учитывая описанные в данной статье условия. Ведь это затрагивает его личную безопасность и ведет порой к дополнительным потерям. Полагаю уместным высказать по этому поводу свою точку зрения.

Практика работы особистов в Афганистане работывалась, как отмечалось выше, в течение 10 лет и была оправдана самой обстановкой, а также подтверждена результатами ее применения. Считаю, что она имеет право на существование и использование впредь.

На эту практику, в первую очередь, накладывала свой отпечаток политическая ситуация в мировом сообществе и самой ДРА, которая формировалась вокруг контингента советских войск, поэтому участие в военных действиях подразделений 40-й армии совместно с частями ННА Афганистана тщательно готовилось. Они осуществлялись так, чтобы исключить какие-либо основания для обвинения советских военнослужащих в бесчинствах не только по отношению к местному населению, но и к противнику. Кроме того, Москва через своих уполномоченных лиц в Кабуле постоянно контролировала все наши военные мероприятия в ДРА как дружественного нам и суверенного государства. Между тем, душманы, вопреки требованиям исламских канонов, как уже отмечалось мною, иногда целенаправленно занимались уничтожением школ, мечетей, подрывами машин с мирными жителями и даже школьниками, выдавая все это за бесче-

ловечные акты «оккупантов». Эти факты имели соответствующий резонанс в обществе, и только убедительные доказательства, представляемые советской стороной, гасили очаги напряжения. Со временем сложился определенный положительный имидж наших войск, сводивший на нет подобные «трюки» бандитов.

Кроме этого, глумления бандитов над телами павших в боях советских солдат и офицеров, жестокие издевательства над пленными, о чем было рассказано выше, иногда отрицательно действовали на наших военнослужащих, поэтому присутствие особиста в этой непростой обстановке было для многих «горячих голов» сдерживающим фактором. С оперативной точки зрения, эта необходимость обусловлена, прежде всего, непрерывностью контрразведывательного процесса. Экстремальная обстановка позволяет особисту не только постоянно владеть ситуацией и быстро принимать решение непосредственно на месте, но и более глубоко узнавать личный состав оперативно обслуживаемой им части. Все это особист использует в своей деятельности, в том числе в работе по предотвращению фактов перехода отдельных военнослужащих на сторону врага.

Необходимость участия особиста в боевых действиях объясняется также своевременной, буквально по горячим следам, организацией работы с пленными душманами, захваченными в ходе боевых действий. С ними надо было всегда разбираться оперативно, поскольку они являлись гражданами другой страны, действовали на территории своего государства, с которым СССР не находился в состоянии войны или военного кон-

фликта. За относительно короткое время оперработник, будучи на месте, успевал получать данные на главарей и других авторитетов конкретных банд, их родственников с адресами местожительства, о наличии в бандформировании иностранных советников, содержании там в качестве пленных советских военнослужащих и использовании их душманами в преступных целях. Эти сведения в дальнейшем использовались как непосредственно Особыми отделами, так и 9-м подразделением Особого отдела армии.

Является необходимым нахождение особиста со своим подразделением и при захвате исламских комитетов. Как показала практика, важно, чтобы он в числе первых знакомился с документами этих комитетов. В этих случаях он имел возможность оперативно отбирать наиболее значимые бумаги, раскрывающие политические и военные установки руководителей оппозиционных партий, находившихся в Пакистане, их связи с разведками и антисоветскими организациями других стран. При этом изымались также напечатанные большими тиражами цветные листовки НТС, ОУН, исполненные от руки – бандформирований, фальсифицированные экземпляры газеты «Красная Звезда», документы международных организаций, упомянутых выше.

Наконец, участие в боевой операции со своим подразделением позволяло особисту осуществлять отбор всего нового из числа вооружения, широко применяемых бандитами различных подрывных средств, в том числе закамуфлированных под бытовые предметы и детские игрушки. Многие из этих трофеев экспонировались в музее Особого

отдела армии в Кабуле, с ними знакомились другие оперработники для учета в последующей работе, а также армейские офицеры и генералы. В 1986 году Особый отдел удовлетворил письменную просьбу Минобороны и направил в Москву экземпляр американской ракеты ПВО «Стингер», хранившийся в этом музее.

Естественно, для эффективного решения изложенных проблем особист должен быть достаточно образован и предварительно подготовлен.

Хотелось бы, чтобы работники кадров учитывали некоторые психологические особенности в отношении оперсостава, возвратившегося на Родину из горячих точек, где они пробыли без семьи не менее двух лет. Практика военного присутствия в Афганистане показала, что те особисты, которые часто, а иногда даже более, чем часто, участвовали в боевых операциях в горах, пустынной местности (характерно для подразделений ВДВ, разведывательных батальонов, спецназов и некоторых других), больше других своих коллег нуждались в реабилитации. Именно эта категория людей являлась примером теории хронического адаптивного перенапряжения офицеров. Практика их адаптации дома свидетельствовала о том, что многие из них отвыкли от мирного течения жизни. Они были какими-то взвинченными, дергаными, с быстрой реакцией на изменения в окружающей обстановке, к сожалению, не всегда адекватной. Даже в домашних условиях им требовались месяцы для восстановления прежней семейной атмосферы.

Позволю себе остановиться еще на одной проблеме. В Афганистане у военных в звене бригада — дивизия, да и в штабе армии были стажеры

из внутренних округов. Особый отдел КГБ по армии неоднократно ставил вопрос о направлении таких стажеров в Особые отделы, однако отклика это предложение не нашло.

Важную для ДРА работу осуществляли военные и гражданские советники. Именно они помогли молодой республике создать национальную народную армию, Царандой, органы госбезопасности и другие силовые структуры. С помощью наших советников был укреплен государственный аппарат и созданы условия для функционирования народной власти во всех крупных городах и значительном числе уездных центров.

Хотя наши военные советники не участвовали в боевых операциях, у них, особенно в периферийных гарнизонах, возникали критические ситуации, угрожающие их жизни. Как известно, ввод советских войск в Афганистан был осуществлен организованно и спокойно, хотя Маршал Советского Союза Н. В. Огарков допускал, что со стороны отдельных афганских частей могут быть вооруженные выступления. Но их не было. Тем не менее, перед самым штурмом дворца Тадж-Бек 27 декабря 1979 года были приняты превентивные меры, не допускающие какого-либо возможного сопротивления верных Амину частей.

В одну из них, 7-ю пехотную дивизию, считавшуюся придворной и дислоцированную в районе базирования штаба Амина, были направлены наши советники-особисты: майор Юрий Иванович Чижов из Ленинградского военного округа, оперуполномоченный и переводчик из других округов. Все они были одеты в форму рядовых афганской армии.

Прибыв в дивизию, майор Чижов собрал находившихся там армейских военных советников и объявил им, что он наделен соответствующими полномочиями и все военные советники соединения поступают в его распоряжение. Затем советники были расставлены по местам, в которых появление афганских военнослужащих было наиболее вероятным. Вход на этаж, где находился кабинет командира ПД генерала Фарука, осуществлялся только с ведома майора Чижова. При этом при попытке со стороны афганцев оказать какое-либо сопротивление разрешалось применять оружие.

После этого майор Чижов направился к командиру дивизии. Фарук удивился экипировке советских представителей, но его убедили легендарные объяснения нашего особиста. В это время в кабинет ворвался начальник военной контрразведки соединения, а затем замполит с известием, что произошел переворот (имелись в виду события во дворце Тадж-Бек) и им надо немедленно выступать. Наши сотрудники под угрозой применения оружия положили их на пол. Фарук потянулся к телефону (под столом у него были автомат и гранаты), но его остановил Чижов словами: «Если Фарук умный (комдив владел русским, поскольку обучался в Советском Союзе. – О. М.), то он не допустит ни одного выстрела во вверенной ему дивизии, и тогда никто не пострадает, в том числе их семьи, проживающие вместе с ними в военном городке». Фарук пришел в замешательство, несколько минут находился в смятении, но затем все-таки согласился.

Такая напряженная обстановка без какой-либо связи с внешним миром продолжалась два дня. Два дня неизвестности и тревожного ожидания.

И только 29 декабря, когда ситуация стабилизировалась, появились советские подразделения и вывели наших чекистов в советское посольство, где их уже считали погибшими.

За четко выполненную боевую задачу, проявленные при этом ответственность и хладнокровие все принимавшие участие в этой операции получили благодарность председателя КГБ СССР и правительственные награды.

Не собираюсь идеализировать наше военное присутствие в Афганистане. Там все-таки была война и, к сожалению, во время ее мы не избежали отдельных негативных последствий со стороны наших военнослужащих. Тем не менее, с удовлетворением отмечаю, что не они определяли облик ограниченного контингента советских войск. Именно последнее позволило нам оставить после себя добрые воспоминания афганцев из разных социальных слоев.

Довольно длительная работа в Особых отделах КГБ СССР, в том числе в Афганистане, дает мне право утверждать, что сотрудники, которые в любых ситуациях были добросовестны, в том числе на разного рода учениях, по прибытию в ДРА быстрее адаптировались в новой для них обстановке и быстрее налаживали работу по оперативному обслуживанию своих частей в ходе боевых действий. Это является дополнительным подтверждением важности организационно-мобилизационной работы в мирных условиях.

Оперуполномоченные, старшие оперуполномоченные, в ходе постоянных контактов общающиеся с командирами батальонов-полков, по уровню

полученного образования вполне соответствуют им и, в ряде случаев, стоят несколько выше. После некоторого времени они, естественно, растут по службе. И вот на этом этапе случается, что служебный рост зачастую опережает их общее развитие, которому они сами не всегда уделяют должного внимания. В общении уже теперь с командирами дивизий и выше, которые стали генералами и закончили к этому времени военные академии, особенно Академию генерального штаба, прибавившими им не только образования, но подчас и амбиций, проскальзывает уязвимость наших особистов.

Ранее, в период партийной системы, из-за статуса военных контрразведчиков как политических работников этого нивелира не было. А высокий профессионализм не может быть, как правило, без соответствующего образования. Следует заметить, что это различие отсутствует у руководящего и оперативного состава территориальных органов, получивших зачастую более фундаментальное образование, но зато не готовых, как особисты, к непосредственной работе в войсках, особенно в период их развертывания и в ходе боевых действий в локальной войне.

Полагаю, что этому важному вопросу должны уделять внимание сами особисты и их руководители, а со стороны кадровых аппаратов необходимы организация, методическая помощь и контроль.

Прямо скажу, что кадровые подразделения КГБ военных округов, в том числе по Туркестанскому ВО, не уделяли достаточного внимания подбору особистов для направления в Афганистан, в связи с чем не удалось избежать некоторых негативных

проявлений со стороны руководящего и оперативного состава. Известно, что армейские офицеры в своем глазу подчас бревна не видят, а у оперработника соринку замечают.

Чтобы как-то сгладить так называемый недостаток в подборе кадров в органы военной контрразведки исключительно из числа действующих офицеров и влить свежую струю в это важное дело позволю себе предложить активнее привлекать офицеров запаса, закончивших гражданские высшие учебные заведения с наличием в них военных кафедр. Это не возврат к имевшей место практике 1957–1958 годов, когда, например, в 305-й Тбилисской школе КГБ два набора подряд были укомплектованы только такими офицерами, да еще в званиях младших лейтенантов, что вызывало в войсках удивление. Это явный перебор. Сейчас обстановка, в частности на рынке труда, иная. На мой взгляд, достаточно 15–25 % таких офицеров среди общего количества кандидатов. Это не понизит уровень работы особистов в войсках, но однозначно укрепит кадровый состав органов военной контрразведки, в целом поднимет на ступень его общий интеллектуальный уровень и незамедлительно скажется на профессионализме особистов. Учитывая тенденции мирового политического развития, качественные изменения в вооружении наших войск, таких офицеров, возможно, потребуется и больше. Кроме этого, практика показала, что особисты из числа офицеров запаса в мирной обстановке относительно быстро адаптировались в новой для них ситуации и быстро усваивали навыки работы в полевых условиях.

Здесь, полагаю, уместно напомнить данные института военной истории за 2001 год, согласно которым во второй половине XX века СССР, а затем и Россия принимали участие более чем в 40 локальных войнах, пограничных и других военных конфликтах. Есть все основания считать, что военная сила и впредь будет определяющей при достижении политических целей. Так, только в 90-х годах прошлого века в 95 локальных войнах участвовали более 80 стран. Современная военно-политическая обстановка в мире не исключает, к сожалению, возможного участия наших сотрудников в подобных кризисных ситуациях за пределами России и в будущем. Это наконец-то поняло и наше правительство, судя по более ответственной по сравнению с прошлыми годами позиции по укреплению Вооруженных сил и безопасности страны в целом.

После Афганистана, в процессе изменений в политической и общественной жизни страны, сохранив свои качества, большинство особистов успешно продвигались по службе, а после увольнения в запас не растерялись и, как правило, находили достойное применение своим знаниям, способностям и энергии.

Пользуясь случаем, хотел бы назвать только часть таких сотрудников, которые и в настоящее время способствуют повышению авторитета органов ФСБ России:

Герой Советского Союза Борис Иннокентьевич Соколов направлен на заграничную работу, ныне — заместитель начальника Академии ФСБ России;

бывший начальник 9-й группы капитан Михаил Васильевич Золотцев после Афганистана зани-

мал ряд ответственных должностей, в настоящее время — генерал-лейтенант, руководит Управлением ФСБ России по Северокавказскому военному округу;

начальник 2-го подразделения Особого отдела армии подполковник Виктор Петрович Васильев ныне генерал-лейтенант милиции, является заместителем начальника ГУВД по г. Москве и Московской области;

полковник Олег Львович Артемьев после службы в Афганистане возглавил сначала Управление ФСБ России по Региональному пограничному управлению в Северо-Западном федеральном округе в звании генерал-майора, а затем Управление ФСБ России по Ленинградскому военному округу;

майор Женис Рыспаев в настоящее время министр внутренних дел Казахстана.

Заслуживают глубокого уважения бывшие военнослужащие-афганцы, работающие ныне в коммерческих структурах:

генерал-лейтенант Валерий Викторович Кез;

полковник Геннадий Владимирович Корячкин;

подполковник Иван Федорович Артемьев;

подполковник Александр Михайлович Добринский;

подполковник Владимир Иванович Матросов;

полковник Леонид Платонович Ковшиков;

подполковник Николай Иванович Даниленко;

подполковник Владислав Михайлович Иванычев;

подполковник Юрий Андреевич Барсуков;

подполковник Владимир Федорович Сендецкий;

генерал-майор Ярослав Георгиевич Карташев;
майор Сергей Владимирович Цыпляев;
майор Юрий Иванович Чижов
и многие другие.

Прошли годы со времени нашего военного присутствия в Афганистане. Напрашивается вопрос: а не зря ли мы оказывали экономическую помощь своему южному соседу, а затем, совместно с частями национальной армии, принимали участие в боевых действиях? Ответ: не зря. Мы прежде всего защищали свою Родину, и мы ее защитили. Поясню. В нашем, как говорили раньше, «мягком подбрюшье» на месте феодального строя с помощью советских специалистов было построено новое, более цивилизованное по сравнению с прежним общество, более дружественное и надежное, с боеспособной армией, представлявшей собой прочный барьер на пути проникновения в наши южные республики международного терроризма и радикального исламизма.

Подкрепляя этот тезис, я приведу один из многих фактов, характеризующих сложность политической ситуации в Афганистане и вокруг него после вывода наших войск. Так, если бы мы не бросили на произвол судьбы правительство Наджибуллы, это не позволило бы созданному под давлением Пакистана «Исламскому союзу северных народов Афганистана» (руководитель Азад Бек), поставившему перед собой задачу «освободить советских мусульман» и «создать свободный Туркестан» (из государств Средней Азии), развязать в 1992 году кровавую гражданскую войну в

Таджикистане, в ходе которой мы опять понесли потери. К этому союзу подключился и А. Шах.

Мы сорвали планы «планетарного жандарма» США, а также Пакистана и Ирана по расслоению Афганистана и созданию на его территории в северных и юго-восточных провинциях отдельных исламских государств, руководимых наиболее амбициозными руководителями бандформирований (А. Шах, Х. Гульбуддин), что, в случае их исполнения, еще более усилило бы напряженность на нашей южной границе.

Наше военное присутствие в Афганистане показало, что агрессивные планы США, Пакистана, значительные и постоянные вливания вооружения и денежных средств в банддвижение, помощь и прямое участие иностранных советников и агентов спецслужб (США, Англия, Франция и др.) в подрывной деятельности против республики, запущенный на территории Пакистана конвейер по подготовке душманов и, наконец, систематическое вмешательство Запада во внутренние дела страны, — все это оказалось тщетным.

Нынешнее присутствие войск НАТО в республике, да еще в окружении талибов, это несколько иная ситуация, чем та, которая могла быть после 1979 года, когда политические условия общества могли определять друзья Америки — бандформирования под давлением Пакистана.

Несмотря на все это власть центрального правительства в городах и большинстве уездных центров, армия и другие силовые структуры и после возвращения домой советских войск продолжали функционировать и успешно противостоять внутренней и внешней угрозе.

После нашего ухода из Афганистана республика не нуждалась в наших солдатах. Ей нужна была гуманитарная помощь, а за оружие они готовы были платить деньгами.

Кстати, в итоговом документе Женевских соглашений Советский Союз не был связан обязательством не оказывать помощь правительству Афганистана, поскольку это нарушало бы наши договоренности перед республикой, достигнутые еще десятилетия назад. Новое же руководство России проигнорировало и эти договоренности.

И не вина наших солдат и офицеров, что правительство Наджибуллы оказалось брошенным. Это прямое предательство друзей, народа, которые поверили нам. И вся тяжесть этого предательства лежит на Горбачеве, а затем и на Ельцине, которые отказали в помощи друзьям нашей страны. Кроме этого, мы серьезно и надолго подорвали свой авторитет в глазах мусульманского мира.

Заявляя об этом, я не претендую на оригинальность. Подобная оценка неоднократно подчеркивалась в выступлениях на разного рода конференциях и просто в выступлениях серьезных военных людей. Еще раньше начальник разведывательного управления КГБ СССР Леонид Шебаршин в газете «Коммерсант» № 20 от 13 февраля 1999 года сказал, что «признание Россией афганской оппозиции нанесло Кабульскому правительству смертельный удар», а «политический уход из Афганистана был трагической ошибкой», предвосхитив заявление Тони Блэра на эту тему.

Участникам же боевых действий в Афганистане некого стыдиться и не за что оправдываться. Само участие в той войне, в том числе против сил, на-

правляемых извне, нельзя расценивать иначе, как честно выполненный долг перед Родиной и народом.

Известно, что прекращение со стороны России гуманитарной помощи, несоблюдение принципов договора от 5 декабря 1978 года привели к смене власти. Гражданская война вспыхнула с новой силой. При этом уровень эмиграции афганцев, в первую очередь в Пакистан и Иран, был неизмеримо выше, чем за 10 предшествующих лет. А столица, которая ранее не носила следов каких-либо разрушений, была подвергнута массированному ракетно-артиллерийскому обстрелу со стороны бандформирований наиболее амбициозного лидера «Исламской партии Афганистана» Х. Гульбуддина.

Перелистывая страницы истории последнего десятилетия, следует заметить, что ни власть Талибана, а затем присутствие войск НАТО не способствовали укреплению политической стабильности в Афганистане.

Более того, увеличение численного состава коалиции во главе с США не привело к успехам в борьбе с талибами, а постоянно совершаемые военные ошибки, снижение жизненного уровня населения, отсутствие эффективной центральной власти сделали положение военнослужащих коалиции далеко не завидным. Как сказал в свое время великий кормчий Китая: «Со палками можно сделать все. На них только неудобно сидеть».

В заключение отмечу, что автор этих строк, хотя и проживавший в Афганистане на ответственных должностях с небольшими перерывами пять лет, не претендует на безусловность своих выводов и всеобъемлющий охват всех проблем, связанных с советским военным присутствием в этой стране,

но в то же время имеет моральное право надеяться быть услышанным.

Завершая часть своих воспоминаний, хотел бы склонить голову перед всеми павшими в ходе боевых действий в Афганистане, умершими в результате полученных ранений, болезней, характерных для того региона, и выразить сердечную признательность живым за их честное и добросовестное исполнение воинского долга по защите южных рубежей нашей Родины.

Генерал-майор Михаил Яковлевич Овсеенко находился в Афганистане в 1982–1987 гг. За мужество и воинскую доблесть награжден орденами Боевого Красного Знамени, Красной Звезды, «Красного Знамени» правительства ДРА, медалями «От благодарного афганского народа», «Воину-интернационалисту», «За отличие в охране государственной границы СССР», а также грамотой Президиума Верховного совета СССР «За мужество и воинскую доблесть, проявленные при выполнении интернационального долга в Республике Афганистан».



Я. Г. Карташевич

Кто-то должен Родину защищать



Я мечтал стать военным летчиком. В летное училище в Чернигове меня не взяли из-за увеличенных гланд. Предложили их удалить. Но я отказался, подумал, что после операции уж точно не возьмут. В то же лето попытался поступить в сухопутное военное училище. И эта попытка не удалась: не сдал норматив по плаванию. Однако первые неудачи не сбили меня с толку и мечту стать военным я не оставил. Весь год я готовился к очередному поступлению. Оставаться работать в родной деревне я не хотел. А чтобы получить паспорт, устроился работать на механический завод подсобным рабочим в соседнем городе Молодечно. По направлению райвоенкомата выучился на дизелиста. У его сотрудников, по всей видимости, насчет меня были другие планы.

В 1967 году я поступил в общевоинское командное училище, которое находилось в Петродворце. Это был маленький уютный город, который, с одной стороны, порастил меня фонтанами и дворцами, а с другой — своей провинциальностью. Нормативы по плаванию сдавали в открытой воде в Ольгином пруде.

Училище было на слуху у руководства Генерального штаба министерства обороны и славилось строжайшей дисциплиной и высоким профессиональным уровнем преподавателей. Из числа курсантов нашего училища получили звание генерала пятнадцать человек, в том числе генералы Борис Громов, Виктор Казанцев. В нашем потоке учился будущий начальник Генштаба Балувевский. Училище я закончил с отличием и был оставлен командиром учебного взвода, а через год стал командиром роты (замечу для непосвященных, что это должность майора).

Училище регулярно посещало высшее военное руководство страны. В этой связи вспоминаю один случай, который я почему-то запомнил на всю жизнь. Так случилось, что училище посетил министр обороны СССР маршал Гречко. Во время осмотра министром обороны учебных классов я был представлен ему как командир лучшей роты. Взглянув на мои погоны, маршал с лукавой улыбкой заметил: «Звезды у вас потускнели, товарищ лейтенант». После отъезда маршала в скором времени я был досрочно представлен к званию старшего лейтенанта. В это же время я познакомился и близко сошелся с офицерами Особого отдела, которые курировали наше училище. Запомнил крылатую фразу одного из военных контрразведчиков,

который, отвечая на мой вопрос: «В чем отличие разведчика от контрразведчика?» — ответил афоризмом: «Разведчик — это дичь, контрразведчик — охотник».

С 1974 года моя жизнь оказалась на много лет связана со службой в органах госбезопасности.

Как и многие офицеры, я получил специальное образование на Высших курсах военной контрразведки в Новосибирске. После окончания курсов попал в Ленинградский военный округ и получил в контрразведывательное обеспечение Артиллерийскую академию.

Годы учебы и службы никогда не были для меня рутиной. К тому же рядом служили и работали коллеги, которые были не прочь подшутить, едва подворачивалась такая возможность. Как сейчас помню, в первые годы моей службы в органах госбезопасности, накануне профессионального праздника, который чекисты традиционно отмечают 20 декабря, мне присвоили очередное звание — майор. Генерал поздравил меня по телефону. Правда, заинтриговал, сказав, что это еще не последнее поздравление. Коллеги мне говорят: надо представляться генералу, причем по правилам, то есть предстать пред его ясные очи следует в новом кителе. А у меня его, конечно же, еще нет. Пришлось надеть с чужого плеча: китель куцый, стою, скукожившись, руки втянуты в рукава, чтобы сильно не торчали, плечи съежились... Стыдоба, да и только. А генерал меня хвалит, подтрунивает: «В новой форме ты стал еще солиднее, еще важнее, еще плечистее...»

Были и другие розыгрыши. При представлении сослуживцы посоветовали мне подойти к столу ге-

нерала строевым шагом... Ну я и промаршировал, да так, что генерал был вынужден выскочить из-за стола, чтобы остановить мой натиск. А в завершение приема он торжественно объявил мне о моем повышении по службе.

Бывало, что и я становился героем баек. Одна из них долго жила в стенах института ФСБ в Санкт-Петербурге, где я дослужился до заместителя начальника. Это было в самом начале моей преподавательской карьеры. Как сейчас помню темно-синий костюм в тонкую полоску, который был на мне в тот день, галстук в тон рубашки. Я опаздывал на медкомиссию и влетел в кабинет буквально в последние минуты приема. Женщина-врач поначалу не хотела принимать меня, но, поддавшись на мои уговоры, недовольно произнесла: «Раздевайтесь до пояса». Ну а я в спешке и снял все, что было ниже пояса...

Афганский миллионер

В 1980 году я поступил учиться в ВКИШ КГБ СССР и в 1982 году окончил факультет руководящего состава со знанием персидского языка.

В высшей школе нас обучали не только иностранному языку: слушатели проходили солидную страноведческую подготовку, изучали историю, культуру, обычаи народов Афганистана.

Язык нам преподавал грузин Лордкипанидзе, он много лет до этого жил в Афганистане, работал переводчиком у министра обороны. Его знания о малоизвестной стране, тончайшие нюансы местных диалектов и особенностей жизни в том

или другом районе очень пригодились мне в годы службы в Афганистане.

В Афганистан я прибыл по линии 1-го главного управления КГБ СССР. В Кабуле получил назначение на должность советника по вопросам государственной безопасности и вскоре был направлен в провинцию Газни, уезд Мукур.

Меня встретил Заманутдин, сотрудник военной контрразведки, и почти сразу предложил посетить командира дивизии. Во время официальной встречи Заманутдин, в совершенстве владевший русским языком, приветствовал командира дивизии на дари, а затем перешел на пушту, хотя уже знал, что мой основной язык — дари. Такие тонкости восточной хитрости надо было учитывать в повседневной жизни. В честь моего прибытия командир дивизии дал обед. Возможно, это громко сказано, но, тем не менее, на столе был традиционный шашлык, лепешки, фрукты. Водку не пили.

Первый раз я был заброшен в эту страну с секретным заданием в конце 1982 года. Из оружия с собой был только пистолет. Бывалые коллеги напутствовали: «Автомат в бою добудешь...» При первой связи с Центром, которая произошла через несколько месяцев моих скитаний по горам и кишлакам, я получил «веселое» известие: «Вы исключены из партии!..» За что? Все мыслимые и немыслимые варианты ответов промелькнули в голове в один миг. Но более нелепой причины не придумаешь: за неуплату партийных взносов... После затянувшейся паузы я попытался объяснить собеседнику на том конце провода, что у меня и денег-то нет, и связи никакой не было. Для меня, человека, который всю свою сознательную жизнь

был активистом, неоднократно избирался партгрупоргом в академии, это стало уроком на всю жизнь!

Вскоре справедливость восторжествовала: мне сообщили, что в партии меня восстановили. Получил я и свои командировочные за несколько месяцев службы. Это были афганские деньги, поэтому их оказалось много, целый чемодан, как обычно показывают в детективных фильмах.

Мне выделили комнату в одноэтажном доме, построенном из саманных кирпичей (саман — глина, смешанная с соломой). В соседнем помещении был сливной унитаз и титан с горячей водой. Такие удобства по меркам афганской жизни считались пиком комфорта. Двери были двухстворчатые. Вскоре у меня появился шкаф, ковровое покрытие, холодильник, телевизор, печь. Дверь я заказал нормальную, к которой привык в России, — одностворчатую с коробкой.

Всю обстановку в доме я сделал своими руками: тумбу, кровать, шкаф, зеркало в оригинальной раме. Все получилось стильно. Ведущим телепередачи «Субботник» такое даже во сне не снилось. В долгие месяцы разлуки с семьей я каждый день писал письма жене. Но связи с ней не было, поэтому я, каждый раз садясь за стол, заглядывал в старые письма, чтобы не повторяться. Я знал наизусть все статьи из газет, которые приходили время от времени. Каждый раз прочитывал их от заголовка до выходных данных, включая тираж и время подписания в печать... Практически наизусть выучил повесть белорусского писателя Владимира Короткевича «Дикая охота короля Стаха». Это была единственная кни-

га, невесть каким образом попавшая за границу и незримо связывавшая меня с моей большой и малой Родиной. Я перечитывал ее десятки раз... Чтобы с кем-то общаться, я завел щенка, назвал его Джасус, то есть Шпион. Мечтал забрать его в Союз, но не получилось...

Жить на чужбине непросто. И сотрудник органов госбезопасности не исключение. При этом кругом идут боевые действия, идет война. Мне приходилось говорить и думать на чужом языке. Временами кончались продукты. Напряжение не отпускало ни днем, ни ночью, иногда я не помнил, то ли спал сегодня, то ли не спал.

Как-то раз я участвовал в переговорах с бандой, которую надо было склонить к переходу на сторону народной власти. Я был в форме офицера афганской армии. Перед началом переговоров всех попросили сдать оружие, я тоже подчинился. Но вдруг слышу: «А ты, шурави, можешь не сдавать». Я опешил от неожиданности: вычислили... Отстегнул один пистолет, но другой, припрятанный в берцах, оставил, чтобы иметь шанс не сдать-ся живым. Но, как ни странно, переговоры прошли успешно. Главари банды пошли на уступки и согласились на все наши предложения. Признаюсь, эта победа далась непросто, седых волос у меня точно прибавилось. Даже какое-то время спустя я не осознавал, что задание выполнено. Чувствовал только усталость и опустошение... В конце концов, у меня началась бессонница, от которой глаза из орбит лезут. Никакие дозы снотворного не помогали. И мне дали отпуск, разрешив два месяца побыть с семьей в Кабуле. Но это не удалось, так как ухудшилась обстановка.

«Автономка» в Ачхой-Мартане

Мой афганский опыт очень пригодился во время боевых операций в Чечне.

Место дислокации нашего спецподразделения разведки — Ачхой-Мартан, родовое село братьев Бараевых. Мой позывной — «комбат». Когда мне предложили возглавить спецподразделение, я был заместителем начальника института, имел опыт участия в боевых операциях. Я представлял, что нужно для моего отряда, и предъявил свои требования, которые были частично исполнены. Каждый боец подразделения — штучный экземпляр. А потому отдельные образцы оружия, снаряжение для бойцов покупалось за границей: винтовки, прицелы, бронежилеты. Обосновались мы в Ачхой-Мартане капитально: построили баню, установили холодильники, стиральные машины, отремонтировали систему отопления на первом этаже здания, починили водопровод, запустили свой движок, — получилась настоящая «автономка». В таких условиях можно было жить и работать, но война есть война.

И потекли боевые будни. О тех днях нет-нет да и напомним боль в спине, оставшаяся с того момента, когда в боевых условиях мне вместо домкрата пришлось руками поднимать УАЗик, пока мой непутевый водитель менял лопнувшее колесо... Конечно, после этого он получил от меня хороший нагоняй, чтобы впредь неповадно было.

Но даже в боевых буднях всегда находится место праздникам. Кстати, в Чечне у меня родился «третий сын»... Не могу не рассказать, как это было. Вечер, объявлен комендантский час, а к нам в во-

рота стучится женщина: «Помогите, внучка рожа-ет...» В этой командировке в моем отряде служил мой старший сын Юрий. Он повернулся ко мне и громко прошептал: «Я не буду роды принимать». Значит, я буду, говорю. Берем УАЗик с мигалкой, включаем сигнальные огни, садимся в машину с двумя бойцами-добровольцами в спортивных костюмах, бронежилетах и с оружием, едем к дому роженицы, забираем ее и везем к роддому. Родные чеченки спрашивают: «Как тебя звать?» И поясняют: «Если сын родится, то в твою честь назовем». Отшучиваюсь: «Сулейман!» Ворота роддома нам не отпирают, пришлось оставить беременную женщину у закрытых дверей и под покровом ночи спешно ретироваться на свою территорию. Утром караульный мне говорит: «Спрашивают какого-то Сулеймана». Я выхожу за ворота, отец роженицы кидается меня обнимать: «Сын родился, сын! Салеком назвали. Сулейманом нельзя в нашем роду называть...» И приглашает меня в свой дом поздравить новорожденного. Правда, сделать это удалось не сразу. Новорожденному Салеку и его маме мы купили на рынке мягкую игрушку, коробку конфет, букет роз... Счастливый отец ребенка преподнес нам в подарок бутылку хорошего коньяка, барана хотел резать...

Что меня хранило? Ангел-хранитель? Ни разу его не видел, но и не отрицаю. Судьба?..

Надо быть готовым ко всему, и я был готов. Умею управлять любым транспортным средством, стрелять из любого оружия, могу скакать на лошади, долго бежать, обходиться без еды и питья и других элементарных вещей... Я не раз оказывался в передрягах, но все время выкручивался. Если

с собой не было оружия, то всегда наготове был первый подручный инструмент, чтобы не сдаться врагу живым.

На войне, как правило, выживает тот, кто опережает противника, кто вступает в бой, не дожидаясь внезапного нападения, кто лучше подготовлен, кто умнее и хитрее, в конце концов...

Боевые награды

Среди наград есть несколько особенно мне дорогих: знак «За отличие в боевых операциях», орден Мужества. Они получены за конкретные результаты моей службы в Чечне с 1999 по 2003 год. За этот период мой отряд не потерял ни одного бойца. Были ранения, контузии, но все выжили...

Очень дорог орден Красной Звезды. В конце августа 1984 года в аэропорту Кабула прогремел взрыв. Ясно было, что это террористический акт и время его выбрано не случайно: в эти дни афганские студенты уезжали на учебу за границу. Жертв было много: люди погибли от тяжелых осколочных ранений. Две бандитские группировки сразу взяли вину за организацию теракта на себя, и даже время суда над ними было назначено. Однако у нас в разработке были и другие версии: поступила информация о том, что за терактом стоят совсем другие люди. Доказательства этому были найдены не сразу. Но, несмотря на все трудности, мы их все-таки раздобыли. В итоге перед судом предстали настоящие террористы, целая группа. Она готовила еще несколько терактов... От афганцев я получил в награду орден Дружбы народов.

Еще важные для меня ведомственные награды — звание и знак «Почетный сотрудник органов госбезопасности» и именное оружие, врученные мне несколько лет назад за особые заслуги и отличие в боевой операции. Знаю, что КГБ и ФСБ довольно скупы на такие награды: из многотысячного коллектива сотрудников удостоенных всего десятков. Может, еще и поэтому они мне так дороги.

Моя мама Ольга Александровна живет под Минском. Сейчас ей восемьдесят три года. Она очень активный человек. До сих пор держит свое хозяйство, всякую живность. Мои сестры Зоя и Галина навещают ее по выходным дням, приезжая из Минска и Молодечно.

Звоню маме каждую субботу и каждый отпуск стараюсь провести рядом с ней. «Сын, когда уж ты эту службу оставишь? Всех денег не заработаешь...» — причитает мама, прежде чем положить трубку. А я много лет неизменно ей отвечаю: «Я ведь на службе, мама».

Мой отец Георгий Ильич воевал, был сапером. Чтобы попасть поскорее на фронт, добавил себе лет. Как известно, саперы ошибаются лишь однажды. В очередном разминировании подорвался: получил сильнейшую контузию, осколком ему пробило череп, но руки-ноги остались целы. В госпитале его подлечили и комиссовали. Однако еще какое-то время после войны отец работал в военной части в городе Молодечно. Военная служба ему была по нраву. Позже он трудился бригадиром в совхозе, где работала мама и многие односельчане... Отцу было семьдесят, когда его не стало... Двенадцать лет назад.

Внешне я похож на деда по папиной линии. Это был крепкий, коренастый, сильный мужик, по профессии бондарь. Дед по маминой линии был печником, весельчаком и большим почитателем книг. Он всегда выписывал много журналов, зачитывался романами. Бабушка была ему под стать и отлично пела частушки. Изумительные люди!

От мамы, пожалуй, мне досталась ее доброта, а от отца — физическая сила, выносливость и чувство справедливости. Мне не стыдно ни перед кем, с кем я служил или работал. Я всегда поступал по совести, старался оставаться порядочным, обходиться без жестокости в любых условиях.

Обстоятельства сделали меня «первым парнем на деревне»: первым из односельчан получил высшее образование, затем звание майора (капитаны среди односельчан были), подполковника, полковника, генерала. Папа всегда мною гордился, просил приезжать в отпуск только в военной форме и когда я был курсантом, и когда дослужился до полковника. Помню, по просьбе отца я привез домой полковничью папаху. Дело было в конце января — начале февраля, шел дождь. Но ради папы я надел меховую шапку-папаху и шинель и так продефилировал через всю деревню, направляясь в гости к своей тетке и крестной матери...

Я не понимаю тех, кто говорит: «Не успел съездить к родителям, не смог...» Не принимаю таких оправданий. Родительский дом всегда был для меня дорогим местом. Я всегда спешу домой. Меня здесь ждут и встречают. В прошлом году я почти целый месяц провел на своей родине. Мы с мамой объехали всю родню, побывали на всех кладбищах, у дома, где я рос в детстве. Многое пришло в

запустение. Однако по-прежнему стоит на своем месте колодец-журавль, где была самая чистая и вкусная вода во всей деревне. Мы играли в футбол на одном конце деревни, а чтобы утолить жажду, бегали на другой, к журавлю. Черпали ведром ледяную воду из колодца и пили по очереди.

Елена Прекрасная

Жена моя Елена, Елена Прекрасная, из деревенских девчонок. Как-то я приехал домой в отпуск и после мальчишника, махнув на друзей рукой, вернулся в деревню к родителям — и встретил ее на танцах. Переписывались, время от времени встречались. Через год я предложил ей руку и сердце. Но надо было получить не только согласие девушки, но и благословение ее родителей. Батя Елены со мной говорить не стал, отправил за сватами. Так что все было сделано по старому деревенскому обычаю...

По образованию Елена бухгалтер-экономист, математик. Много лет отдала школе. Она толковый и справедливый преподаватель. Выпускники помнят ее и нередко звонят, приглашают на встречи, в кафе посидеть...

Для меня Елена всегда была не только женой, но и другом. Она стойко переносила и переносит все тяготы и лишения... Сегодня уже можно признаться, что без ее помощи я вряд ли написал бы курсовую работу об Апрельской революции в Афганистане. Это сейчас легко: открыл Интернет и нашел любую информацию, а тогда разыскать сведения о революции в Афганистане было непросто. Потом мне курсовую работу надо было пере-

вести на персидский и защитить... Елена, кстати, и в Афганистане некоторое время вместе со мной работала.

И каждый раз, когда я отправляюсь в командировку, на рыбалку, на работу, она меня собирает в дорогу, кормит, заваривает чай, провожает, в какое бы время суток это ни происходило.

Люблю поохотиться, порыбачить, ходить в лес по грибы. В отпуске в Белоруссии утром и вечером сижу на берегу озера с удочкой. В огороде у матери вырыл пруд, хочу там попробовать рыбу развести. Когда-то у нашего дома был пруд, но с тех пор, как мальчишки стали проводить каникулы у родителей, отец на всякий случай его засыпал.

У нас двое сыновей и один внук. Юрий наш первенец. Он родился 13 апреля, вот и назвали в честь Юрия Гагарина. Кто же мог знать, что через два года точно 12 апреля у нас родится второй сын?! Ему имя давала уже жена: Борис. Когда дети были маленькие, на все лето мы отправляли их к бабушкам-дедушкам в Белоруссию. Старший каждый раз, возвращаясь домой, требовал, чтобы мы корову с собой взяли. Уж так сильно он любил парное молоко. Когда у нас с женой была командировка в Афганистан, дети жили у сестры в Минске. За это ей и маме надо сказать отдельное спасибо! Целый год моя мама два раза в неделю ездила в Минск к внукам, возила им молоко из деревни... Учились мальчишки хорошо. Младшего в пионеры в Белоруссии приняли в конце второго класса. Борис так гордился этим! Он всегда был лидером, хотел отличаться, быть во всем первым. Рассказывал, что в строю в выездном детском саду первым шел тот, кто быстрее всех оденется

утром. Так он просыпался пораньше, надевал на себя все, кроме обуви, и снова залезал под одеяло, а когда звучала команда «Подъем!», ему оставалось только сунуть ноги в сандалии... Чего не сделаешь ради того, чтобы идти во главе строя... Борис с отличием окончил Суворовское училище, блестяще закончил военную академию.

Юрий сейчас в офицерской должности, часто бывает в Чечне. Борис служит в подразделении охраны президента в Санкт-Петербурге.

Почему сыновья пошли по моим стопам? Издавна мужчине отводилась роль добытчика, кормильца семьи, ее защитника. Не всем ведь в палатке торговать. Кто-то должен и Родину защищать.

Генерал-майор Ярослав Георгиевич Карташевич находился в Афганистане в 1982–1985 гг. За проявленное мужество во время спецоперации награжден орденом Красной Звезды, знаком «Почетный сотрудник госбезопасности», орденом «Дружба народов» правительства Афганистан, именным оружием.



М. В. Дианов

Несколько мгновений Афганистана



Подразделение, в котором мне довелось работать, контрразведывательной деятельностью непосредственно в войсках не занималось. Перед нами стояла задача ведения разведывательной работы в интересах военной контрразведки среди иностранцев, по тем или иным каналам прибывающих в нашу страну и находящихся на территории Ленинградского военного округа.

Среди этой категории иностранных граждан были также и граждане ДРА, в первую очередь военнослужащие, с которыми мы поддерживали деловые контакты с целью выявления лиц, возможно, сотрудничающих со спецслужбами противника. В силу специфики этой работы такие контакты не афишировались в окружении иностранцев, а зачастую носили полуконспиративный или конспиративный характер. Поэтому,



когда в конце 1983 года работник кадрового аппарата сообщил о решении направить меня в 40-ю армию, находящуюся на территории Афганистана, для оказания интернациональной помощи народу и правительству этой страны, круг возможных задач был мне примерно ясен.

Конечно, учитывая то, что там велись боевые действия, погибали, калечились и заболевали тяжелыми инфекционными болезнями наши ребята, не страх, а определенные опасения были. Но я надеялся, что смогу вынести тяготы и лишения службы в условиях той страны.

Известие о направлении меня в Афганистан моей семьей, а также родственниками и близкими друзьями было принято, мягко говоря, без особого восторга.

После недолгих сборов в декабре 1983 года я прибыл рейсом Аэрофлота в город Ташкент. Позвонил по данному мне телефону. Меня встретили и определили на ночлег, а утром следующего дня я уже был на военном аэродроме Тузель. После прохождения таможенных формальностей вместе с другими военнослужащими 40-й армии на военно-транспортном самолете мы вылетели в Кабул.

На аэродроме Кабула меня встретили и привезли на территорию военного городка при штабе 40-й армии, познакомили с коллегами по работе, представили руководству, разместили на проживание, провели ряд других необходимых мероприятий.

Я заступил на должность старшего оперативного уполномоченного 3-го отделения Особого отдела 40-й армии.

Конечно, первые впечатления от Кабула были необычными: мужчины в национальных одеждах, чалмах, с одеялами на плечах, в широких штанах типа шаровар и в резиновых галошах на босу ногу, женщины в парандже и платьях до земли. Днем — шумный, крикливый город с напряженным и бестолковым автомобильным движением, многочисленные патрули и посты вооруженных афганских солдат. Ночью — тишина, изредка прерываемая стрельбой. Температура днем немного выше нуля, ночью заморозки.

Коллектив, в котором мне довелось работать, был небольшим, многонациональным и очень дружным. Среди нас, кроме русских, были узбеки, таджик, украинец и даже уйгур. Жили и работали, повторяю, дружно, помогая, а в необходимых случаях — охраняя и прикрывая друг друга.

В силу специфики деятельности нашего разведывательного подразделения мы имели право свободного выезда в город (естественно, с ведома непосредственного начальника), а также разрешение на ношение гражданской одежды. В нашем распоряжении был автомобиль «Жигули» с афганскими номерами и соответствующим пропуском. На нем кроме водителя ездили, как правило, двое оперработников: один — непосредственно выполняющий задание и второй — прикрывающий его. Такая организация выездов в город позволяла не только избегать потерь среди личного состава, но и конфликтных и опасных ситуаций во время нахождения в городе, в том числе в слабо охраняемых, а зачастую и неохраняемых районах.

Моей задачей было поддержание связи с источниками из числа говорящих по-русски афганцев

с целью получения информации о деятельности иностранных спецслужб, их агентуры, пособников бандформирований против войск 40-й армии и законного правительства страны.

Другой задачей было проникновение в разведорганы противника и сопредельных государств для выявления, предупреждения и пресечения подрывной деятельности, в первую очередь, против советских войск, оказывающих интернациональную помощь дружественной стране.

Не вдаваясь в подробности служебной деятельности, хотелось бы поделиться некоторыми личными впечатлениями, может быть, и не в хронологическом порядке.

Чуть ли не на второй день пребывания в Кабуле вечером мы подверглись ракетному обстрелу. Неожиданно раздался вой, грохот, земля буквально задрожала. В этот момент я понял, что страх у человека находится где-то внутри, чуть ниже солнечного сплетения. Обстрел ракетами душманы вели по батальону охраны штаба, находившемуся в нескольких сотнях метров от наших жилых модулей.

Посмотрев на своих более опытных товарищей, я постарался преодолеть внутренний страх и, приподняв светомаскировочную штору, выглянул в окно. Огненные хвосты ракет на фоне черного звездного неба были изумительно красивы. Но сознание того, что эти хвостатые снаряды рвутся где-то рядом и там, возможно, живут люди и в любой момент снаряд может ударить по нам, портило всю картину. Таким было одно из первых моих впечатлений от Афганистана.

По служебной необходимости мне довелось побывать в различных областях страны: Шинданд,

Герат, Пули-Хумри, Хост, Баграм и, конечно, Желалабад. Все командировки были связаны с необходимостью встреч с источниками из числа афганцев, возобновлением связи с некоторыми из них, а также с оказанием помощи советским военным контрразведчикам в работе по материалам, возможно, представляющим интерес для нашего разведывательного подразделения.

Как правило, перемещаться с одного объекта на другой приходилось на вертолетах Ми-8 как наиболее безопасном виде транспорта. Но, тем не менее, несколько раз довелось вдруг ощутить, что вертолет начинает резко отклоняться в сторону, выпуская световые ракеты. В иллюминатор иногда были видны трассы бьющих с земли ДШК (крупнокалиберных станковых пулеметов). За такие маневры большое спасибо пилотам.

Чаще всего мне доводилось бывать в центре провинции Нангархар городе Желалабаде, который находится всего в 70 километрах от соседнего Пакистана. Это направление представляло для советских спецслужб наибольший интерес, так как в прилегающих к Афганистану районах той страны находилось большинство лагерей душманов, центров по подготовке боевиков, контрразведывательных и разведывательных органов противника. С учетом этого мы стремились использовать все возможности для получения данных о противнике.

Для поддержания связи с нашими людьми использовался практически весь арсенал способов и средств. Но самыми главными оставались все-таки личные встречи с нашими помощниками.

Ситуации бывали разными. От самых безобидных и безопасных, когда наш человек мог под различными предлогами появиться в расположении советской воинской части, до передачи безличных сигналов о необходимости встречи. Об одной из ситуаций, связанных с вызовом на встречу афганского источника, хотелось бы рассказать подробнее.

По условиям связи я должен был прийти в определенное место, находящееся за пределами охраняемой зоны и под видом покупки фруктов вручить продавцу определенного дукана купюру, на которой условными знаками написаны дата, время и номер места встречи. Прикрывающим у меня был работник Особого отдела 66-й отдельной мотострелковой бригады. Оба мы были, естественно, в гражданской одежде. Когда я подошел к нужному дукану с продавцом-стариком и стал выбирать фрукты, то заметил, что с двух сторон с противоположной стороны улицы к нам направляются несколько — двое или трое — местных жителей, а сзади подъехала запряженная лошадью двухколесная повозка. Мой товарищ в это время находился на противоположной стороне улицы и, как я заметил, уже изготовил автомат к бою. В этой ситуации мысль работала четко, страха не было. Единственная посторонняя мысль — не дай Бог, плен, тогда считаешься пропавшим без вести и семья не получит пенсии за погибшего кормильца. Однако эта мысль не помешала четко оценить ситуацию, отказаться от передачи сигнала о встрече, оттолкнуть подошедших людей и вместе с коллегой вернуться в центр города, в охраняемую зону. Наступила разрядка, и мы

оба едва смогли открыть по бутылочке «Фанты» и взять дрожащими руками по сигарете.

Несколько прибывших из боевых операций военнослужащих вдруг заболели. Врачи быстро поставили диагноз: холера. Нужно отдать должное скорости реагирования медицинской службы. Уже через сутки территория части была объявлена карантинной зоной; заболевшие или с симптомами заболевания были изолированы, приняты другие карантинные меры. В частности, даже ручки дверей, и в первую очередь в туалетах, были обмотаны бинтами, пропитанными дезраствором. Передвижение по территории части, а тем более за ее пределами было строго ограничено. Оказалось, что, возвращаясь в часть после боевой операции, личный состав, мучимый жаждой, попил воды из ручья, сбегавшего с гор, где были захоронения местных жителей.

Благодаря помощи контрразведчиков бригады мне удалось буквально на одном из последних вертолетов вернуться в Кабул, так как я имел при себе информацию, полученную от иностранного источника, которая требовала скорейшей передачи руководству и в Центр.

Еще одним запоминающимся эпизодом было общение с обезьяной — мартышкой по кличке Юлька. Ее привезли наши солдаты после одной из боевых операций. Она прижилась в Особом отделе 66-й отдельной мотострелковой бригады. Юлька оказалась живой, общительной, подвижной и... большой любительницей сигарет. В поисках табака она шарила по карманам, которые

подставляли ей ребята, и, найдя сигарету, с удовольствием съедала ее. Если сигарета доставалась ей уже прикуренной, она быстрым движением отрывала горящий кончик, а оставшуюся часть съедала. Однажды в командировку в эту часть прибыл работник из Ташкента, который курил трубку с хорошим душистым табаком. Юлька, знакомясь с ним, сигареты не нашла. Однако, чувствуя ароматный запах табачного дыма, удивилась, но быстро определила его источник. Обхватив передними лапами руку, придерживающую трубку, она начала с удовольствием вдыхать дым, приговаривая: «Ах, ах...»

Через два года и три месяца военно-транспортным самолетом Ил-76 я вернулся домой. Первое мое ощущение после приземления на военном аэродроме Тузель — это чувство радости от возвращения на Родину.

Подполковник Михаил Владимирович Дианов находился в Афганистане с декабря 1983 по май 1986 г. За проявленное мужество награжден медалью «От благодарного афганского народа».

С. А. Понедельников

Ностальгия по Афганистану

Моя биография до службы в органах госбезопасности, вероятно, ничем не отличалась от биографий сотен тысяч советских юношей. В школе, которую я закончил в городе Куйбышеве (ныне Самара), увлекался боксом, самбо, дзюдо. Учился на «хорошо» и «отлично». После окончания средней школы поступил в Куйбышевский электротехнический институт связи. Закончив его, два года прослужил в армии. В 1982 году стал сотрудником Особого отдела 76-й воздушной армии. В марте этого же года был откомандирован в Афганистан.

Вот вспомнил, как возвращался после окончания командировки в Советский Союз. Под крылом самолета проплыли две черные речки — это Аму-Дарья и Сыр-Дарья. Наконец-то дома!

Я уверен, что тем, кто побывал в Афганистане, известно чувство ностальгии по этой стране.

Ее можно ненавидеть, уважать и даже любить. Однако по возвращении домой опять тянуло в стресс, в Афганистан. И это испытывали многие, будь то военные, или контрразведчики, или просто советские специалисты.

Специфика положения военного контрразведчика заключалась в том, что, несмотря на советы не «лезть», а выполнять свою задачу, он не мог позволить себе во время боевых операциях быть отдельно от тех, с кем он работал и кому доверял.

Итак, места моего пребывания в Афганистане.

4-й батальон 56-я отдельная десантно-штурмовая бригада, командир батальона — Бескровный). Город Гардез в провинции Пактия. Командир бригады — полковник Чижигов (имя и отчество не помню), начальник штаба — подполковник Хабаров. Города: Али-Хейль, Джелалабад, Кандагар, округ Хост, Бараки-Барак, Газни, Баграм и, конечно, Кабул. Провинции Пактия, Пактика, Логар, Парван, Кунар, Каписа...

Безусловно, первое впечатление может быть обманчивым, на то оно и первое. У меня одним из первых мест пребывания была провинция Кунар. Представьте себе, как на БМД-1 (боевая машина десанта) добраться от Гардеза до Кабула, а потом до Джелалабада (северо-восток Афганистана) на одном комплекте гусениц! До Кабула шли то по трассе, то по пустыне. Командир бригады выбирал тактические решения, чтобы добраться до пункта назначения без потерь. На первый взгляд, они были малопонятными, а оказались верными. Это — опыт! Потом я никогда не видел, чтобы кто-нибудь из комбригов так страховал свою бригаду.

Чижииков сам шел с саперами впереди техники со щупом, в солдатской панаме.

Так вот, Кунар. Впервые увидел плотину, построенную советскими специалистами. Белое сооружение на фоне красновато-коричневых скал и зеленовато-синей воды с пеной цвета хлопка. Был очень удивлен, что река может течь вспять. Оказалось, это обман зрения из-за перепада высот.

Аэродром Джелалабада. Тогда мы опоздали на десантирование. Десантировались 17 мая 1985 года на какие-то пшеничные поля, вокруг — покрытые лесом горы. Воздух был пропитан терпким запахом азиатского рынка, козьих испражнений и приторным запахом местных трав. Видишь окружающую красоту и одновременно испытываешь чувство опасности, исходящее от гор, деревьев, вообще от всего.

Роты заняли свои позиции, а в ночь с 17 на 18 мая 1985 года душманы выбили четверых офицеров 11-й ДШР и разведвзвода 4-го ДШБ. А виноваты были белые кроссовки, в которые обувались офицеры, чтобы легче было ходить по горам. Снайперы душманов целились в них, нанося офицерам тяжелые ранения, после чего поджидали солдат, которые пытались вытащить своих командиров. И тогда солдаты становились мишенями. Это тактика войны. Один из погибших офицеров был нашим помощником. Рота осталась практически без руководства.

Тяжело было слышать, как жесткий, обычно не церемонившийся с бойцами комбат Бескровный, называвший их то «слонами», то «насекомыми», по рации буквально просил не паниковать, собрать солдат, забраться «повыше», закопаться.

А наутро 19 мая я узнал, что в 10-й ДШР есть дезертир — Самсонов (он занимал должность снайпера ДШВ) из Раменского. Он ушел по руслу безымянной речки, засел за дувалом и стрелял куда попало. Видимо, потерял над собой контроль.

В принципе, работу по выявлению лиц, которые в сложной ситуации могут стать потенциальными дезертирами (не предателями!), контрразведчик должен проводить еще в пункте постоянной дислокации. Иначе выручать чье-то чадо придется за счет потерь таких же мальчишек!

Трудно измерить чувство ответственности, когда комбат дает из охранения КНП отделение солдат, и ты среди них старший. Шли без карт, по ориентирам в направлении 10-й ДШР. Чувство — «не навреди» и не подведи «контору».

Несколько лет я занимался спортом. Но никогда не предполагал, что в горах можно так уставать. 19 мая 1985 года я это узнал, а кроме того, понял, что такое вода и обезвоженность организма.

Всегда был против насилия старослужащих. Но здесь, в горах, это было оправдано обстоятельствами: если не «пнуть» уставшего солдата, то дальше он не пойдет, отстанет, потеряется, погибнет. Обессилевшим все безразлично: и жизнь, и плен, и смерть.

Пока добирались до 10-й роты, получили сообщение по рации, что пропал еще один боец из минометного взвода 10-й ДШР. Однако нам повезло. Вскоре наткнулись на этого советского узбека. Он уснул прямо на минометной плите, которую нес. Не дезертир — просто устал.

Едва поднялись к расположению 10-й ДШР, как узнали, что рота покидает позиции и уходит даль-

ше в горы. Надо возвращаться на КНП, а внизу уже началась стрельба. Попали под обстрел, потом ребята говорили, что среди душманов были «бача» (мальчишки) с тульскими ружьями.

Случай — великий помощник! Нашелся одуревший от духоты и страха Самсонов.

Но у нас уже был один 300-й, раненный в ногу.

Я плохо помню подробности, но совершенно точно, что мы срочно меняли дислокацию управления батальоном из-за обстрела, а в это же время вертолетами вывозились убитые и раненые.

Следующая операция — Али-Хейль в августе 1985 года. Это была зона ответственности 56-й ОДШБр. Операции там планировались в масштабах 40-й армии. И все это для того, чтобы доставить в небольшую, заминированную вокруг крепость, где находились «зеленые» (афганские военнослужащие), продовольствие, боеприпасы, горючее. Именно в районе Али-Хейля душманы ИПА нападали вопреки правилам: снизу вверх, в гору. При этом применяли мегафоны, чтобы посеять панику. Тогда я впервые увидел, как работают «Ураганы», засевая лепестковыми минами целые гектары. Похоже было на салют. Но потом пришлось проходить «засеянное».

В Али-Хейле злые и довольно узкие ущелья. Очень зеленые горы. В одном из сужений ущелья на повороте находилась могила душмана, который с помощью ДШК остановил целую колонну советской техники. Тогдашний начальник Особого отдела по 56-й ОДШБр Владимир Александрович Перминов (мой земляк из Куйбышева, жили в семи километрах друг от друга) сказал, что при выдвижении к месту временной дислокации нельзя ни в

коем случае допустить возможных провокаций со стороны наших военнослужащих по отношению к этой могиле, иначе кишлак из «народного» превратится в душманский, и назад возвращаться придется с трудом.

Без конфликта не обошлось. Только не с нашей стороны, а по вине «зеленых». Один афганский офицер решил забрать для костра дрова местных жителей, сложенные около могилы. Сначала те просто возмущались. Кончилось тем, что офицера застрелили сами декхане. Вряд ли это было причиной вооруженных столкновений, которые произошли до и после прохождения горы Нарай при возвращении наших в Гардез.

Нам был известен «ущельный» принцип: наступаешь — душманы отходят; выходишь с операции (тем более с результатом) — начинают бить. В этой операции при занятии высот очень помогла САУ (самоходная артиллерийская установка) «Акация», по тем временам, с секретным «топопривязчиком». Очень точно отработали по душманам ИПА («Исламская партия Афганистана»), когда мы заняли высоты. А когда возвращались «домой», из трех полученных от газнийского полка «Акаций» осталась одна. Остальные подорвались, как нам объяснили, на «плавающих минах». И это бронированные 52-миллиметровые бандуры весом в 36 тонн! А ведь «плавающая мина» — это всего-навсего фугас из двух связанных веревкой «итальянок», пущенных по руслу ручья, по которому выходила техника. Удивляться приходится мужеству солдат и офицеров, получивших в принципе не выполнимый приказ вытаскивать подорванные 36-тонные орудия при помощи

БМД. Конечно, БМД «разулись». И начался просто расстрел. Вот когда старослужащие солдаты — самые главные на войне! Кто видел, тот никогда не скажет, что поволжский немец Гельд и хохол Юрченко занимались «показухой», натягивая гусеницы БМД под обстрелом... Просто им как старослужащим деваться было некуда. Они должны были увольняться в мае, а погибли в августе 1985 года, переслужив, потому что не сержантский состав! Поэтому «деды» и опасались ходить на операции перед увольнением, зная: если дадут задание — надо выполнить во что бы то ни стало!

Потом замполит 12-й ДШР старший лейтенант Виктор Бучек, раненный в живот и в ногу, первый раз после Новосибирска (там было учебное подразделение замполитов ВДВ) сел за управление уже «обутого» ребятами БМД, вывез их, уже «200»-х, из-под обстрела. Представляли Бучека к ордену Красного Знамени — получилась Красная Звезда.

Велико же было наше удивление, когда оказалось, что передовая группа бригады после выполнения задачи уже выдвинулась в пункт постоянной дислокации в Гардез. А мы еще на горе Нарай...

Что еще поразило, так это что при входе в Гардез «зеленые» 37-го корпуса НВС ДРА со своими зелено-бело-черными флагами стояли вдоль улиц на подходе к городу и аплодировали 4-му ДШБ и тыловой технике. Видимо, понимали, кому отдают честь.

На этой же операции вновь подтвердился принцип: надо знать личный состав. Рядовой Железнов. Молодой солдат. Три месяца курса молодого бой-

ца — и он в Афганистане. Накануне этой операции мой солдат-помощник рассказал смешную и одновременно трагичную историю.

Солдатские туалеты в бригаде были сооружены из 20-тонных железных контейнеров, разделенных железными перегородками. Читает мой помощник газету «Фрунзенец», сидя в контейнере, — а рядом раздается хлопок. Оказалось, что сосед по туалетному «учреждению», опасаясь за свою жизнь на предстоящей операции в Али-Хейле, пытался повредить себе запалом от Ф-1 пальцы руки, засунув ее под железное «очко». Но испугался и бросил запал вниз. Это был Железнов. И вот на операции он все-таки смалодушничал. Находясь в шоке, твердил, что рукой задел растяжку. Зато оказался в Союзе.

Младший сержант Кожевников, сапер. За операцию в Али-Хейле был представлен к ордену Красного Знамени. Он помог вывести батальон по реке к крепости Али-Хейль в обход минных полей. Сапер Кожевников погиб в январе 1986 года в составе роты 1-го ПДБ бригады. Рота попала в засаду во время получения пайка с бронемашины. Подловили их при подъеме к месту расположения роты и в упор расстреляли с высот, где наши не выставили прикрытие и не обеспечили дозор. Добивали штыками. Некоторых искали, но потом нашли мертвыми. В плен никто не попал.

Провинция Каписа. Степь Булагайн. Весна 1986 года. В минометном взводе 12-й ДШР 4-го ДШБ служил мой земляк из Куйбышева Павел Алексеевич Жигулин. По тем временам прослушивание «Голоса Америки» не приветствовалось по понятным причинам. Это не крамола сейчас,

но Павел слушал в то время. Работая на ликероводочном заводе, входил в компанию так называемых «быков», которые в свободное время приходили на танцы и избивали отдыхающих. Все поменял декабрьский набор в армию. Было понятно, что декабрь — это Афганистан. Жигулину досталась учебка в Гайжунае, 56-я ОДШБр, «непопулярный» 4-й ДШБ, самая «ходовая» 12-я ДШР и самое главное — минометный взвод, где нужна действительно бычья сила, чтобы таскать «трубу» или плиту ротного миномета в горы. Пытался уклониться от операций: сдирал панариции, чтобы возбудить воспалительные процессы на конечностях. Патологически боялся трудностей и старослужащих, которые поняли слабость этого человека.

На операции от замполита 12-й ДШР Виктора Бучека я узнал, что пропал его РД (рюкзак десанта) вместе с картой роты. Пока разбирались в обстоятельствах происшедшего, поступили данные об отсутствии рядового П. А. Жигулина, который под предлогом необходимости набрать воды исчез при выдвижении на задачу. Сняли отделение с бэ-эмдешкой. Вошли в душманский кишлак Дуздара. «Бача» показал аксакала, который рассказал, где «почивает» солдат, выяснявший у местных местонахождение душманов. Нашли его спящим под шелковицей (варил из шелковицы компот), без бронежилета, каски и мин, но с автоматом и полным боекомплектom. Забрали замполитовский РД с картой. Естественно, потом его тщательно проверяли. В том числе и данные о его попытках убежать с гауптвахты и вновь покинуть расположение части. Он был отправлен в Союз.

Округ Хост, совсем рядом с Пакистаном. Я впервые увидел там толстых афганцев. В этом районе находился один из самых крупных укрепрайонов душманов в ущелье Джавара (в переводе – «кувшин»), где было складировано огромное количество боеприпасов и медикаментов. Именно оттуда доставлялись ПЗРК «Стингер», применявшиеся против советской авиации. 4-м ДШБ и приданными подразделениями бригады управлял во взаимодействии с 37-м армейским корпусом НВС ДРА подполковник Евневич. Тогда я был удивлен беспечностью афганских воинов, которые вместо оружия тащили на операцию в горы кровати и матрасы. Зрело убеждение, что воевать они просто не желали. Я познакомился с военным советником дивизионного звена одного из взаимодействующих подразделений «зеленых», армянином по национальности. Он открыто сказал, что среди личного состава «зеленых» достаточно тех, кто перешел из бандформирований в НВС ДРА. Советник откровенно попросил, чтобы, если мы будем уходить, забрали бы его и его подчиненных, потому что «воевать с бандитами против бандитов — бесполезно».

Тогда никто не мог предположить, что советский танк Т-55, каким-то образом оказавшийся у душманов и укрытый в одной из пещер, все же сможет выстрелить, хоть и один только раз. Но этого было достаточно, чтобы погибли несколько афганцев и наш советник-армянин. Были и раненые. Я читал дневник этого советника. Понял, что он, в силу обстоятельств, тоже собирал информацию, но о подсоветных. Нужно знать, с кем ты и твои подчиненные воюют. В дневнике были указаны фамилии бывших душманов и руководителей мелких бандгрупп, которые находились среди действующего личного со-

става подразделения «зеленых», приводились факты их агитации к переходу во время боевых действий на сторону врага (даже взводом), имелись пометки об умышленном выводе техники из строя, фактах ее уничтожения («сбросили в ущелье БРДМ, шурави еще дадут»).

И последнее, что хочу сказать, поскольку контрразведчики были в Афганистане одновременно обыкновенными военными. Нет никакой разницы между погибшими: солдат это или офицер. Но если это твой помощник, который стал твоим другом и погиб, то остро понимаешь — из жизни ушел целый мир. Это про Володю Т. Он волжанин, из города Бора Горьковской (Нижегородской) области.

Когда убитого солдата
Несет холодная броня,
Все понимает только мама,
Клеймя себя, что родила.
Он — борский. Новгород, Россия!
Ну почему такая сила
Не помогла в живых оставить?
Но принцип есть — без правил править!
Война!..

В отличие от П. А. Жигулина для Володи осторожность и трусость были синонимами.

Не могу сказать за всех. Но за себя и за тех, кого знаю, скажу, что тогда было сделано все правильно, это было нужно, хотя и вынужденно, и нам оправдываться незачем и не перед кем.

Подполковник Сергей Альбертович Понедельников находился в Афганистане с марта 1985 по декабрь 1986 г. За проявленное мужество награжден орденом Красной Звезды.

А. И. Михайло

Дорога через Саланг

Отдельная дорожно-комендантская бригада состояла из трех батальонов. Бригада обеспечивала техническое состояние дороги от Хайратона до Кабула через перевал Саланг.

В Кабул я прилетел с Юрием Михайловичем Девяткиным 20 апреля 1985 года. После распределения Ю. М. Девяткин попал в саперный полк, а я в отдельный дорожно-комендантский батальон (трасса от Хайратона до Чарикара, севернее Саланга). Сначала летел на десантном самолете до Кундуза. Самолет пикировал с высоты 7500 метров, так как в то время «духи» (душманы) уже использовали РЗРК. Вечером в Кундуз прилетели две «вертушки». Я первый раз летел на вертолете. Ощущение такое, будто находишься в воздухе с открытым зонтиком и его надо крутить быстрее, чтобы не упасть.

Переночевал в землянке батальона. Утром коллеги посадили меня в первую свободную армейскую машину, идущую в Хайратон. Оружие не выдали.

Форма одежды у меня была повседневная, такая же, как в Союзе. В дорогу коллеги дали две гранаты: одна — «духам», ну а другая... как придется.

В «драку» запрещено было ввязываться, но не ввязываться было невозможно. Например, 6 декабря 1985 года подразделение возвращалось из Кабула. Командир бригады находился в БТР. Начальник политотдела, замполит и я были в кабине КРАЗа. Когда колонна стала спускаться с Саланга, она попала в засаду. «Духи» спалили несколько автомобилей и БТР. Конечно, все офицеры приняли участие в отражении нападения душманов. Были потери среди личного состава.

На ночевку остановился в поселке Дашах. Неожиданно в подразделение приехал первый секретарь райкома НДПА со свитой и попросил помочь в отражении атаки прорвавшихся «духов». Сотрудников Царандоя и ХАД в это время не было в поселке — все выехали на операцию. Было принято решение оказать помощь.

Построил взвод (его командиром был лейтенант П. Король). Поскольку среди офицеров я был старшим по званию, принял руководство подразделением на себя, что нисколько не умаляло авторитета взводного.

Обратившись к бойцам, подчеркнул, что на прочесывание пойдут только добровольцы. Все солдаты после моего обращения сделали шаг вперед. Для проведения операции взяли лишь наиболее опытных солдат и два БТРа. Минометчики отсекали «духов» от проникновения в распадки горного хребта. В операции участвовала пехота капитана Денчика. Операция проводилась после 22-х часов. Все наиболее опасные участки были заранее изучены и при-

стреляны из минометов, поэтому операция завершилась успешно, с нашей стороны потерь не было.

Однажды на перевале Мирза-Баши произошла авария. Два автомобиля, ехавшие на жесткой сцепке, перевернулись. Кабина второй машины была смята. Солдат выскочить не успел, ему защемило голову.

Только через четыре часа с помощью танка и БТР перевернули аварийный «Урал». Боец остался жив, а его напарник прапорщик, к сожалению, погиб. Прапорщика ожидал сменщик в поселке Пули-Хумри, и он должен был уехать в Союз. Одним словом, парню не повезло.

Довольно часто мы оказывали медицинскую помощь местному населению. Помню случай, когда мне пришлось оказать первую помощь подростку со сломанной рукой. Подъехавшая пехота забрала пацана в наш госпиталь. Родственники мальчишки были довольны.

Такими поступками советские военнослужащие, безусловно, укрепляли доверие местного населения к присутствию 40-й армии в Афганистане.

Майор Александр Иванович Михайло находился в Афганистане в 1985–1987 гг. За проявленное мужество награжден медалью «За боевые заслуги».

В. П. Васильев

На острие атаки

2238 дней продолжалась эта война. У каждого из нас, воинов-интернационалистов, был отдельный кусок жизненного пути, который глубоко врезался в память. В этот период мы постигали науку побеждать и выживать, порой в нечеловеческих условиях. Мы должны говорить и писать об этой войне, чтобы не забыть имена тех, кто воевал и выполнял свой воинский и гражданский долг.

В то время Афганистан стал очередным объектом противоречий в геополитическом споре между СССР и США. ЦРУ США и другие спецслужбы закладывали в «южном подбрюшье» СССР очаг политической нестабильности, бомбу замедленного действия для южных регионов будущей России. Входя в Афганистан, мы, к сожалению, не учли уроков истории. Американские идеологи 80-х не скрывали, что США были намерены создать для Советского Союза его собственный Вьетнам.

Воспоминания о тех днях и сегодня бередают мне душу. Трагические события этой человеческой драмы надолго останутся в памяти. В последние годы постепенно открывается правда об Афганской войне. Не будем давать ей оценку. Это дело историков, политологов. Однако никто не может умалить подвиг советских солдат, прапорщиков и офицеров 40-й армии, которые воевали в Афганистане, в первую очередь, за свою Родину, пытаясь отодвинуть угрозу религиозного экстремизма для ее южных рубежей. Все события после окончания войны и вывода войск подтверждают, что статус-кво в этой стране сохранялся только благодаря ОКСВА — ограниченному контингенту советских войск в Афганистане.

Путь мой до заместителя начальника Особого отдела контрразведки 70-й мотострелковой бригады под Кандагаром был не совсем прост. Моя юность прошла в провинциальном городке на Псковщине. Как и многие мои сверстники, которые росли в «оттепельные» 60-е, я был типичным советским мальчишкой, мечтающим о небе и подвигах. Однако мечты мечтами, а реальностью стало Ленинградское артиллерийское училище, которое я с отличием окончил. Потом несколько лет руководил учебным взводом. Но стезя артиллериста оказалась для меня чужой, свое призвание я видел в профессии военного контрразведчика.

После окончания Высших курсов контрразведки в Новосибирске я был направлен на службу в Особый отдел КГБ СССР по Ленинградскому военному округу. Чекистский опыт я приобретал в подразделении, которое занималось контрразведывательным обеспечением научных институтов.

В частности, курировал режимный военный институт и несколько лабораторий Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова. Работа была интересная, творческая, требовала обширных знаний, так как приходилось общаться со многими ведущими представителями отечественной науки.

Потом был Север, служба в Особом отделе на границе с Норвегией. А дальше — Афганистан, который я выбрал «по собственному желанию». В то время такая формулировка стала неотъемлемой характеристикой всех истинных офицеров и патриотов. Это было в порядке вещей. Иного пути достойного служения Отчизне мы не видели.

Резкая смена климата (пронизывающий холод севера и невыносимый зной Афганистана) даже для закаленного человека чревата не самыми приятными ощущениями. В этом я убедился на собственном опыте в самом начале командировки в ДРА в 1986 году. Во время подготовки к операции по уничтожению бандформирования, которое по данным разведки скрытно сосредоточилось в районе одного из кишлаков, я продолжительное время находился на афганском солнце, которое неожиданно проявило свой коварный нрав: у меня закружилась голова, помутнело в глазах, и я на несколько секунд потерял сознание. Хорошо, что рядом оказались боевые товарищи. Врач медсанбата, после того как я пришел в себя, прочитал небольшую лекцию про небесное светило Афганистана.

Через два часа я снова был в строю. Помогли тренированный организм (в артиллерийском училище я активно занимался спортом), воля и медицина в лице старшего лейтенанта из медсанбата. Запомнил надолго, что нужно опасаться не только

душманских пуль и растяжек от мин-ловушек, но и жаркого «поцелуя» афганского солнца.

Перед нами, военными контрразведчиками, командированными в Афганистан, были поставлены конкретные задачи, вытекающие из оперативной обстановки, определены организационные меры, обеспечивающие выявление и пресечение подрывной деятельности спецслужб, действовавших против Вооруженных сил нашего государства с территории Афганистана. Органы военной контрразведки в этих условиях каждый день доказывали свою способность действовать в острой и быстро меняющейся боевой оперативной обстановке. Здесь проверялись профессиональный уровень и морально-психологические качества сотрудников.

С первых дней советские войска в Афганистане стали объектом внимания спецслужб как соседних Пакистана и Ирана, так и США и ряда европейских стран. В нашей повседневной работе сказывались повышенная напряженность и острота условий непосредственного соприкосновения с противником, взаимосвязь подрывных акций иностранных спецслужб и сил афганской оппозиции, особенности приобретения оперативных позиций в окружении советских войск, в центрах исламской оппозиции.

Особое внимание мы уделяли организации борьбы с агентурной разведкой иностранных спецслужб и афганской оппозиции. Условия для агентурной разведки были идеальные: общение личного состава с местным населением и установление несанкционированных контактов; участие наших войск и подразделений афганской армии в совместных боевых действиях; наличие в составе

подразделений, прибывших из Союза, призывников-мусульман.

Также важной задачей явилось ограждение войск от диверсионных и террористических акций вооруженных формирований оппозиции. Принимались повышенные меры по противодиверсионной защите наиболее важных объектов: штабов, узлов связи, командных пунктов, складов с оружием и боеприпасами, водозаборников и пищеблоков, оперативной маскировки войск.

Одной из составных частей нашей работы было также оказание помощи командованию в поддержании высокой боеготовности частей и соединений, которые размещались в полевых условиях на больших площадях, вели активные боевые действия в тяжелых географических и климатических условиях. Одновременно бригада поддерживала широкие связи с органами власти и местным населением. Особую остроту приобрели вопросы обеспечения режима секретности и сохранения в тайне планов ведения действий в условиях возможной утечки сведений через афганских военнослужащих.

Постоянно совершенствовалась работа по перекрытию каналов идеологической и религиозной обработки советских воинов, пресечению акций идеологической диверсии и ее наиболее опасных последствий — измены Родине, дезертирства, самовольного оставления части, предупреждению захватов военнослужащих мятежниками.

Только в 1986 году органами военной контрразведки Афганистана при содействии сотрудников советской военной контрразведки была пресечена разведдеятельность шести резидентур из 28

агентов спецслужб и зарубежных «исламских контрреволюционных комитетов», а также 229 агентов бандформирований и 348 членов банд и их пособников. Были арестованы действовавшие в Генштабе агент ЦРУ и три агента «исламских комитетов». В ВВС ДРА были разоблачены три резидентуры численностью 29 человек, передававшие информацию пакистанским спецслужбам и бандформированиям.

И в мирное время у контрразведчиков не бывает спокойных минут, но в боевой обстановке нагрузка увеличивается во сто крат. Участие оперработника в боевой операции вместе со своей частью было правилом. Какая-нибудь незначительная, на первый взгляд, мелочь, на которую в мирное время и не обращаешь внимания, здесь, под огнем, могла обернуться тяжелыми, а подчас и непоправимыми последствиями.

Особое значение на войне приобретает боевое братство, которое рождается в суровых испытаниях. С Анатолием Ивановичем Михалкиным (ныне начальник УНП ГУВД по городу Москве, генерал-майор милиции) я учился на Высших курсах контрразведки, затем с ним же служил в Особом отделе КГБ по Ленинградскому военному округу. Потом служба развела нас по разным гарнизонам, и вот — неожиданная встреча в штабе 40-й армии в Кабуле, куда я прибыл из-под Кандагара по делам.

Вдали от Родины, во времена трудных испытаний встреча с друзьями приносит огромную радость. Мы долго вспоминали минувшее — учебу, службу в Ленинградском военном округе, знакомых офицеров. К этому времени за плечами

Анатолия Ивановича было уже несколько командировок в Афганистан. Он хорошо знал обстановку в стране, свободно говорил после спецучебы на пушту и фарси, был знаком со многими руководителями местных органов власти, общался с представителями различных племен.

Потом я встречался с ним еще не раз. Он делился своими сведениями и наблюдениями, помогал советами, как выжить и победить в столь сложных и специфических условиях. Эти рекомендации мне особенно пригодились, когда я стал непосредственно заниматься контрразведывательным обеспечением вывода из Афганистана первых частей ограниченного контингента советских войск.

На нас, военных контрразведчиков, была возложена ответственная задача по организации и проведению мероприятий, направленных на достижение скрытности действий наших подразделений, выявление планов противника и предотвращение диверсий. При этом широко использовались и такие методы, как переговоры с вождями племен в целях исключения возможных боевых столкновений. Образно говоря, требовалось «накрыть» все, что было связано с выводом войск. В этой операции были задействованы тысячи людей, сотни единиц техники. Не должно было быть никакой утечки информации.

Задачу контрразведывательного обеспечения вывода советских войск выполнял Особый отдел КГБ СССР по 40-й армии, которым руководил генерал-майор Владимир Степанович Черемыкин. На наиболее уязвимые участки, через которые проходили войска, — в районы Баграма, Кандагара, на перевал Саланг, в Пули-Хумри и Хайратон —

были направлены оперативные сотрудники и группы радиоконтрразведки Особого отдела. Именно при участии такой группы радиоконтрразведки в Кабуле были разоблачены два агента ЦРУ и РУМО США — афганские подполковник и капитан, арестованные в июне и июле 1988 года. Оба агента использовались, главным образом, для сбора сведений о войсках, были оснащены новейшей портативной техникой, предназначенной для сбора, хранения и передачи информации.

Летом 1988 года без единой потери был осуществлен первый этап вывода частей ОКСВА. В этом была заслуга и сотрудников военной контрразведки. Многие чекисты были отмечены государственными наградами. Мне вручили второй орден Красной Звезды (первым я был награжден в 1982 году за проведение сложной операции по выявлению и разоблачению одного из работников режимного НИИ, который собирал секретные материалы для последующей передачи их «за кордон»).

С высоты прожитых лет смотришь на те события и думаешь, что школа жизни состоит из разных классов. Каждый этап, который довелось пройти, оставил отпечаток на моем характере и взгляде на мир. Афганский этап — особый. По зову Родины мы шли в самое пекло исполнять долг воина, долг мужчины. Мы оставили мирную, счастливую жизнь и, надев гимнастерку, каждодневно доказывали, что в нас, россиянах, жив дух наших великих предков, их доблесть, самоотверженность, воинское благородство.

Я глубоко убежден, что в той войне без веры нельзя было выстоять и победить. То, что я знал о войне из книг, кинофильмов, бесед с фронтови-

ками, вдруг предстало жесткой реальностью: огненным факелом горящего вертолета, леденящим свистом пуль, стонами раненых, смертью боевых товарищей. Не раз я был на волосок от гибели. Однажды под Кандагаром мина рванула метрах в двадцати от меня. Осколки с визгом вспороли горячий плотный воздух. Несколько солдат, находившихся поблизости, были ранены. У меня — ни царапины. Только вдруг потянуло холодком, будто сама смерть прошла совсем близко...

Тогда я невольно вспомнил напутствие моей бабушки Степаниды перед поездкой в Ленинград, где я собирался поступать в военное училище. Она вручила мне нательный крестик и сказала: «Носи, внучек. Да хранит тебя Господь!» Я положил крестик под обложку комсомольского билета и отправился начинать новую жизнь. В те годы у меня никогда не возникало желания избавиться от подарка бабушки Степаниды, так как мне казалось, что если я это сделаю, то предам ее память, откажусь от чего-то важного, составляющего саму суть существования человека, определяющую его настоящее и будущее. Особенно остро я прочувствовал это в Афганистане, когда лицом к лицу столкнулся с воинствующим исламом.

Прошло много лет, и сейчас я не теряю связи с сослуживцами, с которыми было столько пройдено и пережито под далеким южным небом. Юрий Драгунцов, в ту пору старший лейтенант спецназа, теперь полковник ФСБ; Александр Шуляков, бывший сотрудник Особого отдела бригады, ставший впоследствии Героем России... Мы и сейчас общаемся, вспоминая при встречах тревожные давние дни, когда наша дружба проходила самую

суровую проверку на прочность. А с генералом Михалкиным служба снова свела нас вместе — в сфере защиты экономических интересов государства.

Я искренне верю, что выбрал правильный вектор и, несмотря на все ошибки, двигаюсь в верном направлении. Твердо уверен, что движение — это жизнь. Когда человек останавливается, он умирает. Я полностью согласен с этой мудрой мыслью. Перед тобой всегда должна быть цель, к которой нужно стремиться и обязательно достигать, как бы ни было трудно.

Считаю также, что человечность — самое главное качество для людей, независимо от общественного статуса и выбранной профессии. Особенно для тех, кто прошел тяжелые испытания войны. Эта черта равно важна и в личностных взаимоотношениях, и во взаимоотношениях с коллегами и подчиненными. Не лидерские качества руководителя, не профессионализм — именно человеческое отношение к сотрудникам сплачивает коллектив.

Надеюсь оставить после себя свершенные дела и добрые поступки. Иначе мы не можем жить и работать в память наших боевых товарищей, которых потеряли на афганской земле.

Заместитель начальника ГУВД по г. Москве по экономической безопасности, генерал-лейтенант милиции Виктор Петрович Васильев находился в Афганистане в 1986–1988 гг. За проявленное мужество награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Почета.

В. И. Жиров

Основы контрразведки

До направления в республику Афганистан я служил в Закавказском военном округе. В свое время окончил Новосибирскую школу военных контрразведчиков. В отделе кадров округа состоялся короткий разговор с одним из руководителей кадрового аппарата. На вопрос, согласился бы я поработать в республике Афганистан, ответил утвердительно. Оглядываясь на пройденные годы, хочу сказать, что я всегда интересовался культурой и историей народов Центральной Азии. Я родился в Узбекистане, и меня всегда влекли эти места. Может, это ностальгия...

В Афганистан я попал в звании майора, уже имея опыт работы в органах госбезопасности. Моя служба в должности старшего оперативного работника, а затем начальника 4-го отделения особого отдела КГБ по 40-й армии проходила в провинции Газни. Главный город провинции — Газни, расположенный в 150 километрах от

Кабула, исторически являлся центром религиозных путей, по которым шли паломники из Пакистана.

Прибыв на территорию воинской части (отдельный мотострелковый полк), я никого из руководства не нашел. Весь личный состав полка был на операции по уничтожению одной из банд. У дежурного уточнил обстановку и пошел искать Особый отдел КГБ. В одном из модулей было две комнаты. В первой находился дежурный солдат. Другую комнату занимали начальник и три офицера, которые в данный момент отсутствовали. Секретариата не было.

Обстановка была сложной, банды обстреливали отдельные части гарнизона практически ежедневно. Стреляли ракетными снарядами, радиус действия которых достигал 32 километров. Однажды, возвращаясь после отпуска в свой модуль, расположенный на территории части, я стал свидетелем, как в мое жилище попали два ракетных снаряда. Около каждого дома были устроены бомбоубежища, которые иногда использовались военнослужащими и служащими Советской армии во время обстрелов.

Летчики из состава эскадрильи вертолетов, дислоцированной в Газни, летали только ночью, так как днем моджахеды обстреливали их из крупнокалиберных пулеметов. Особенно активно они действовали на перевалах.

Со своими помощниками я встречался в основном ночью в палатках или окопах. Конспирацию приходилось соблюдать жестко, иначе человек мог поплатиться жизнью. Для связи с источниками использовались также тайники.

Старший оперуполномоченный В. П. Ушаков для получения значимой информации часто переодевался в чалму и халат и в таком виде ходил добывать сведения. Ушаков смело посещал общественные места скопления афганцев. Такие выходы давали результаты.

Зачастую во время боя после потери командира оперуполномоченные КГБ СССР принимали руководство подразделениями на себя.

Были у нас источники информации из числа афганцев, в основном младшие офицеры афганской дивизии. Так, например, на одной из встреч военнослужащий-афганец из числа наших источников дал заслуживающую внимания информацию о наличии в одном из районов больших сил бандитов и американских советников. Информация была перепроверена. Ее актуальность и значимость не вызывали сомнения. Было принято решение нанести удар «Градом» по лагерю противника. Как правило, эффективность удара перепроверялась через оперативные источники, в том числе через возможности оперативной группы разведцентра ГРУ. Естественно, нанесение таких ударов необходимо было обосновать перед руководством дивизии и Особыми отделами, чтобы не произошла ошибка, которая могла стоить жизни мирным жителям. Как позже показала разведка, нанесенный удар по указанным целям имел высокую результативность.

Афганская армия представляла собой точную копию Советской армии. Военная контрразведка строилась по принципу, разработанному нашими советниками.

Хотелось бы сказать теплые слова в адрес моих коллег Владимира Матросова и Рустама Ниязова,

с которыми я делил нехитрый быт и коротал свободное время (В. Матросов работал советником по линии Министерства государственной безопасности ДРА). Это были верные товарищи, и наши отношения проверялась в условиях войны.

После вывода 40-й армии каждый из бывших руководителей начальников Особых отделов подготовил подробный отчет, который был сдан в архив Особого отдела по Туркестанскому военному округу.

Полковник Владимир Иванович Жиров находился в Афганистане в 1986–1988 гг. За проявленное мужество награжден орденом Красной Звезды.

А. А. Маслов

Агент «Пилот»

3 апреля 1979 года по решению советского руководства я в составе военной делегации прибыл в Кабул. Нашу группу в аэропорту встретил представитель советского посольства.

Я был назначен на должность советника военной контрразведки корпуса ВВС и ПВО Афганистана. На встречах с руководителем отдела контрразведки ВВС и ПВО Афганистана Голь Саидом и сотрудниками отдела переводчиком был Ю. П., а также офицер контрразведки отдела Рахматулла, ранее обучавшийся в Одесском высшем военном училище.

15 мая 1979 года Голь Саид, пригласил меня на срочную встречу с агентом «Пилот». В ходе встречи агент сообщил, что он познакомился и дважды встречался с гражданином, внешне похожим на иностранца, который в совершенстве владел языками пушту и фарси, был прилично одет, но скрывал свое положение и происхождение, хотя

много говорил о родственниках, проживающих в Пакистане. На второй встрече, которая проходила в другом месте Кабула, «иностранец» интересовался служебной деятельностью агента, командованием корпуса ВВС и ПВО Афганистана. Агенту «Пилот» «иностранец» назначил очередную встречу через десять дней и, в случае непредвиденных обстоятельств, запасную, но уже в одном из кафе Кабула.

Оценив полученные данные, мы с Голь Саидом решили установить личность загадочного «иностранца» и стали тщательно готовиться к встрече с ним по запасному варианту.

С прибытием советских военных специалистов в Афганистан и поступлением военной техники (самолетов, комплексов ПВО, танков) активизировалась подрывная деятельность спецслужб США, Пакистана, Ирана, зачастую ведущаяся через посольства этих стран в ДРА.

С помощью Голь Саида и 2-го управления контрразведки Афганистана была просмотрена картотека дипломатических работников пакистанского посольства. Во время просмотра картотеки агент «Пилот» указал на фотографию гражданина, с которым он дважды встречался. Им оказался военный атташе пакистанского посольства Саид Седиг Шах.

Доложив об имеющихся оперативных материалах нашему руководству, мы подготовились к встрече, выработав линию поведения совместно с агентом «Пилот». Кроме этого, агенту предложили взять с собой магнитофон (спрятали в промежность — святое для мусульман место) и провели инструктаж по его использованию.

Запасная встреча с Саидом Седигом Шахом проходила в одном из кафе города Кабула. Пили чай, играла национальная музыка, но место для встречи было выбрано в стороне от других клиентов.

В процессе беседы военный атташе интересовался руководством корпуса ВВС и ПВО Афганистана, военной техникой и советскими военными специалистами. Он также провел инструктаж по замеру взлетной полосы, рулежек самолетов (через каждые 100–300 шагов подбирать камушки и класть в карман), попросил добыть сведения о местах хранения ракет для боевых самолетов и об охране аэродрома.

Все эти данные, записанные на магнитофон, агент сообщил нам на явке. Анализ материалов свидетельствовал о том, что со стороны пакистанского посольства ведется активная разведывательная деятельность. С этого момента Саид Седиг Шах был взят в активную разработку с использованием всех имеющихся оперативных и технических средств спецслужб Афганистана.

О начавшейся операции было доложено руководству КГБ СССР.

В ходе разработки были получены дополнительные данные о разведывательной деятельности военного атташе посольства. Так, Саид Седиг Шах передал письменное задание агенту «Пилот», где его интересовали вопросы дальнейшего политического устройства ДРА, отношение афганского народа и военного руководства к правителям Афганистана (к Тараки и другим руководителям), данные о советской боевой технике, поступающей на вооружение армии ДРА. Всего было 12 вопросов.

Агенту «Пилот» нужно было письменно ответить на эти вопросы, что он в результате и «выполнил».

В ходе дальнейшей агентурной разработки и комплекса оперативно-технических мер были получены неопровержимые данные о разведывательной деятельности военного атташе посольства Пакистана. Выявлены его связи, в том числе агентура, которую он завербовал, квартиры, где он встречался с агентами, методы работы, направления разведывательной деятельности.

После доклада руководству КГБ СССР, в целях предотвращения последствий шпионской деятельности Саида Седига Шаха, было принято решение о его аресте.

Арест проводили сотрудники контрразведки корпуса ВВС и ПВО под руководством Голь Саида и советников военной контрразведки. После задержания Саида Седига Шаха привезли на квартиру, оборудованную специальной фото- и видеотехникой.

Факт задержания для Саида Седига Шаха был настолько неожиданным, что он первые два часа не мог выговорить ни одного слова, был в шоке, потел и пил воду. Допрос вели Голь Саид и следователь спецслужб Афганистана.

В ходе допроса военный атташе Саид Седиг Шах сообщил, что он является военным разведчиком, занимался сбором шпионской информации, вербовал агентуру из числа военных и граждан Афганистана. Он передал установочные данные на пятерых завербованных им агентов, места их встреч и проживания. В результате принятых мер они были арестованы.

Саид Седиг Шах также сообщил сведения о сотрудниках посольства (15 человек), которые занимались разведывательной и подрывной деятельностью. На квартирах, где шпион встречался с предателями афганского народа, были изъяты оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, техника связи.

Таким образом, была предотвращена шпионская деятельность резидента пакистанской разведки Саида Седига Шаха, на несколько месяцев парализована деятельность посольства Пакистана в Кабуле, некоторые его сотрудники были выдворены из Афганистана.

По завершении этого громкого дела (арест пакистанского разведчика в Афганистане впервые за много лет) Саид Седиг Шах попросил у руководства Афганистана политического убежища.

Просьба была удовлетворена. Газеты «Правда» и «Известия» опубликовали 5 августа 1979 года материалы под заголовком «Шпионом быть не захотел» и «Пресс-конференция в Кабуле».

Майор Александр Андреевич Маслов находился в Афганистане с июля 1986 по октябрь 1988 г. За проявленное мужество награжден орденом Красной Звезды, грамотой руководства КГБ СССР.

А. М. Добринский

Афганистан

В конце 1986 года, накануне празднования Нового года, по звонку из отдела кадров Особого отдела КГБ СССР по Ленинградскому военному округу я выехал в Ленинград, где в течение полудня прошел военно-врачебную комиссию и был признан годным для службы в местностях с жарким и сухим климатом.

Новый год я отпраздновал в кругу семьи, которая ничего не знала о моей будущей поездке. А 23 февраля 1987 года по распоряжению начальника кадров округа вылетел в Ташкент.

Акклиматизировавшись, через три дня перелетел в составе группы военнослужащих в Кабул. Шасси самолета коснулись бетонки, мы вышли, осматриваясь с любопытством и настороженностью. В лицо пахло нестерпимо горячим сухим воздухом, светло-голубое небо казалось выцветшим от жары, вдалеке переливалось марево, слышался стрекот вертолетов. Теперь мы окончательно по-

няли, что оказались в другом временном измерении, откуда выход — только вперед.

Далее — бросок в битком набитом зашторенном УАЗике по довольно приличного качества асфальтированным дорогам по маршруту Аэропорт — Особый отдел. Затем размещение, назначение, представление командованию, прием дел, адаптация и осознание того, что так будет два предстоящих года.

Служить посчастливилось в 1-м отделении Особого отдела КГБ СССР по 40-й общевойсковой армии (ОА), которым руководили, на мой взгляд, великолепные профессионалы и глубоко порядочные люди: М. Я. Овсеенко, В. В. Кез, В. С. Черемыкин. Я обслуживал более десятка отдельных частей, среди которых были и ансамбль песни и пляски 40-й ОА, и 109-й агитационно-пропагандистский отряд, и военные комендатуры (гарнизонная и авиационная), и 113-й отдельный батальон правительственной связи КГБ СССР, и отдельный батальон радиоэлектронной борьбы (РЭБ), и другие части. Не обслуживал лишь моряков, и то только потому, что их там не было. Дислокация расположения частей оказалась обширной — по всему Кабулу и его окрестностям, так что передвигаться приходилось много. Карта дорог Кабула лучше любой аэронавигационной системы зафиксировалась в мозгу и до сих пор частенько всплывает в памяти.

Осознание того, что я «попал», как говорят сегодня, пришло через несколько дней после отъезда моего предшественника, когда, сидя вечером на лавочке возле своего жилого модуля, я посмотрел на иссиня-черное небо, на котором сверкали круп-

ные звезды, и на привычном месте не смог отыскать Большую Медведицу. Почему-то захотелось по-волчьи завывать.

А дальше все, как у всех: круглосуточная работа без выходных с небольшим перерывом на банно-хозяйственный день в субботу после обеда. И так неделя за неделей, которые складывались в месяцы и годы.

Спасало от тоски и не давало расслабиться постоянное чувство опасности. Нужно было быть все время готовым к любым неожиданностям, и они, к сожалению, случались.

Судьба

За время нахождения в ДРА ограниченного контингента Советской армии погибло по разным оценкам около 15 000 человек, в том числе 16 сотрудников Особого отдела КГБ СССР по 40-й ОА. На каждую тысячу военнослужащих — один оперработник, и при этом всегда офицер. В нашем подразделении до моего приезда и после служили: Г. Корячкин, Г. Я. Шинкаренко, Н. И. Нестеренко, Ю. А. Скилков, С. Макаров, М. Окунев, И. Акимкин, В. Ковалев, В. Романов. О судьбе последнего я хотел бы рассказать.

Через некоторое время после вступления в должность мне было приказано взять в оперативное обслуживание отдельный батальон РЭБ (дислокация на окраине Кабула, в Хайрахоне). Поинтересовавшись причиной переподчинения данной части, я узнал, что Володя Романов долго добивался и наконец решил вопрос о своем пере-

воде в часть (одна из десантно-штурмовых бригад — ДШБр), постоянно ведущую боевую деятельность. В Кабуле ему было не комфортно, так как по характеру он был активным. Ему хотелось испытать настоящий драйв, а не заниматься рутинной, подчас нудной оперативной работой, хоть и в условиях постоянной боевой готовности. Через несколько месяцев Володя позвонил мне и попросил оказать содействие в выделении обслуживаемой им части телевизора, так как, к сожалению, часть была плохо обеспечена техническими средствами. Спустя некоторое время он прибыл в Особый отдел и забрал подготовленный груз, с которым должен был вылететь к месту службы. По какой-то причине бортов в этот день на Джелалабад не оказалось, а тот, что готовился к отлету, был уже загружен под завязку. Мы сказали Володе, что ничего страшного не случится, если он улетит завтра, на что он возразил, что обещал командиру части вернуться сегодня и слово свое должен сдержать. Сколько его ни уговаривали, он стоял на своем. Пришлось применить максимум усилий, чтобы найти место на переполненном борту и вписать в полетный лист Володю. По роковому стечению обстоятельств занимался отправкой его лучший друг Сергей Макаров. Володя улетел, а назавтра на утреннем совещании нам объявили, что борт, на котором улетел В. Романов, при подлете к Джелалабаду был обстрелян, подбит, врезался в землю и сгорел. Не выжил никто. Опознали Володю только по пистолету ТТ. Сопровождать гроб на Родину был назначен его друг С. Макаров.

По вечернему Кабулу... или «Учите матчасть»

Работа в Кабуле обязывала хорошо знать город. Периодически приходилось выезжать по различным надобностям, в том числе и в целях поощрения отдельных военнослужащих, выезжающих в Союз и желающих сделать подарки своим родным и близким.

Однажды командование части обратилось ко мне с просьбой сопроводить одного из офицеров в дукан и обратно. Мы собирались отправиться в обеденное время и засветло вернуться в расположение части. Но, как говорится, человек предполагает, а Господь располагает... В общем, получилось все не так, как было запланировано. Выехали мы в город и поехали в центр, но где-то промахнулись с поворотом и были вынуждены разворачиваться на одной из кривых улочек. Во время разворота один из «наездников»-такситов решил обойти нас с левой стороны и, естественно, зацепил наш УАЗик. Что было дальше, известно каждому, кто был Афганистане, — мгновенно собралась толпа любопытных, сочувствующих своему земляку. Среди этой шумной толпы начали шнырять некие подозрительные личности, желающие что-нибудь открутить от нашей машины на память или, как это бывало не раз, «завести» толпу и довести дело до самосуда. На наше счастье, мимо проезжал наш патруль, который по моей команде (в городе у меня было прикрытие — удостоверение помощника военного коменданта гарнизона) остудил толпу. Под прикрытием

патруля мы вместе с машиной афганца поехали в комендатуру для улаживания конфликта.

Разборки на дороге и в комендатуре продолжались долго, и когда мы, с облегчением вздохнув, направились в сторону расположения части, то увидели на черном небе зловеще подмигивающие звезды. Все бы было хорошо, да вот водитель почему-то нервничал и не включал фары для освещения дороги. Поинтересовавшись причиной езды вслепую, я получил ответ, что у нас порвался ремень генератора. Что делать, водитель не знал. Ситуация, сами понимаете, неприятная: впереди длительный путь по ночному Кабулу без освещения, позади — комендатура, и полная неизвестность, сколько еще времени будет работать аккумулятор. Решили двигаться вперед с включенными подфарниками, то есть практически на ощупь, и молить Бога, чтобы двигатель не заглох. Воспоминание об этой поездке, когда и при дневном-то свете по Кабулу, мягко выражаясь, ездить было небезопасно, осталось на всю жизнь. Зрение было обострено до предела, нервы натянуты как струны, а главное — постоянное ожидание выстрела. Самое интересное, что мы благополучно добрались до части, а машина заглохла, проехав шлагбаум. Говорить на тему поездки почему-то не хотелось.

Праздник со слезами на глазах

Жизнь вдали от Родины, семьи, в постоянном напряжении давила на психику неимоверно. По общему мнению, «крышу» у мужиков «сносило» начиная с восьми месяцев пребывания «за речкой».

Разряжались разными способами: кто изматывал себя до изнеможения работой, кто в 40–50-градусную жару парился в бане до изнеможения. Порой мы могли посмотреть выступления наших артистов и как бы вдохнуть глоток воздуха с Родины.

Каждый день у нас начинался в 8 часов утра с совещания в отделе, куда мы прибывали из расположения обслуживаемых частей. И вот однажды, 23 февраля 1988 года, прибыв, как обычно, в отдел, все из курилки направились в модуль, но почему-то движение застопорилось. Повисла напряженная тишина, как будто что-то случилось. Стоящие сзади не знали, что происходит, так как те, кто был впереди, не произносили ни слова: подходили к стене и молча отходили. Когда очередь дошла до меня, я увидел, что на стенде были вывешены рисунки наших детей с поздравлениями в честь праздника. Это было так неожиданно — увидеть послания от маленьких и самых дорогих для отцовского сердца человечков... Опера, отходя в сторону, украдкой утирали набежавшую слезу.

Вот такой сюрприз подготовил отдел кадров, направив нашим родным письма с просьбой прислать поздравления отцам от детей.

Подполковник Александр Михайлович Добринский находился в Афганистане в 1987–1988 гг. За проявленное мужество награжден орденом «За службу Родине» 3-й степени.

Ю. Д. Подопригоров

Как там было

Моя давняя мечта — написать серию рассказов про то, что я сам видел и слышал от моих боевых друзей в Афганистане. Все имена и фамилии, воинские звания на момент службы в ограниченном контингенте советских войск подлинные.

Десант в Хур-Кабуле

Саша Иванов — легендарная личность! По штату — рядовой-связист 1-го батальона 350-го полка 103-й воздушно-десантной дивизии (ВДД), знаменитого «полтинника». Базируемся на аэродроме международного аэропорта Кабула. После окончания «учебки» под Каунасом служил в Афганистане год. На боевых действиях он боец, как все, и плюс ординарец комбата, а это большая дополнительная нагрузка.

Родом Шура из восточной Украины. Жил, учился в деревне, школьными знаниями не обременен,

привык к сельскому труду. Когда говорит на родном языке, понять его проблематично, но переходит на «свой» русский — и все понятно, хотя по-нашему — это украинский. Открытый, добродушный, веселый парень. Со здоровьем у него все в порядке, как говорят, статью Бог не обидел. На «гражданке» не одна дивчина на него, наверно, заглядывалась! По крайней мере, по словам «почтара», письма пишут часто. Но главное — надежный, качество, ценное всегда и везде, особенно в Афгане.

О первой встрече с ним мне рассказал мой афганский товарищ Валера Морозов. Увидев грусть на лице комбата, он спросил о ее причине.

— Иди к замполиту, посмотри на молодое пополнение...

Гвардии капитан Миша Муха беседовал с крепким парнем, почему-то хлюпающим носом, со слезами на глазах. По словам Мухи, разговор был открытый, даже веселый, а в такое состояние он пришел после вопроса о родных. Оказывается, его воспитывала старая бабушка. И, когда вспомнил ее:

— То ж баба стара, боюсь, нэ дождется...

Решено — на боевые операции Шуру пока не брать, да и какой он связист со своим знанием русского, а замполиту поручено пройти с ним ускоренный курс дополнительного образования. Переубедить, что мы воюем не «з нимцами», а с натовским империализмом в лице душманов, освоить географическую карту: где Германия, а где Афганистан.

По природному складу ума, Шура все новое хватал, как говорится, на лету и через неделю знал

наизусть всех членов политбюро ЦК КПСС и страны Варшавского договора. А подготовка «учебки» всегда была качественной, там знали реально, куда попадут их выпускники. Шуру приводили в пример как хорошо политически подкованного и грамотного бойца.

Итак, раннее утро в Кабуле. Солнце еще не взошло. Пока не жарко. Мы в полном боевом снаряжении (о нем расскажу потом, главное — чтобы удобное было, под себя) движемся к взлетной полосе кабульского аэродрома, где нас ждут стоящие по полосе основные воздушные средства доставки десанта в Афганистане — вертолеты Ми-8, «вертушки». Каждая наша группа знает свою, все знакомо и привычно, поэтому действуем без суеты и лишнего шума, разговариваем мало, темы житейские, но внутренне все собраны. Десантироваться будем в три волны с зависания. С парашютом в Афганистане не прыгали — размажет по скалам. Три волны — это значит, что «вертушки» будут заходить на десантирование группой парами три раза по 8–16 человек в каждой, в зависимости от выработки горючего. Как всегда, прикрывают «крокодилы» — Ми-24. Комбат гвардии подполковник Александр Алексеевич Гончаров — опытный, боевой командир — летит в первой волне, в первом вертолете, но не первой пары (так безопасней, чаще сбивают второй), Шура рядом. На нем два (!) сшитых вместе рюкзака десантника (РД) с его боекомплектom, сухим пайком на трое суток, плюс консервы, пара буханок хлеба. Сверху привязана палатка «Памирка» с деревянными кольями для установки, по бокам рюкзака дополнительные карманы для фляг с водой, спальник и еще много

всяких, по-современному, прибабасов. Для подогрева пищи, чая у каждого есть сухой спирт, но он берет с собой еще и аккуратно наколотые чурбачки, хотя и стружка с тротиловой шашки сгодится, но за нее ругают. При посадке заминка — Шура в люк прямо не проходит, мешают колья, его буквально затапливают боком! Взлетаем быстро и с шиком, без зависания, с разбегу. Я не специалист, но летим, по-моему, на максимальной высоте. «Крокодилы» (вертолеты огневой поддержки Ми-24, «летающие танки») под нами: если что, они примут на себя ракеты «земля — воздух» и ударят по духовским ДШК пулеметами, ЗУ (зенитная установка). В иллюминаторе красота! Небо — вверху темная синь, вокруг лазурь, ни облачка. Вокруг «отстрелы» — тепловые ловушки ракет, как праздничный фейерверк. Под нами черные, коричневые, желтые и даже зелено-голубые горы, некоторые с белыми шапками — это трехтысячники, нам нужно к подножию одного из них. Парашюты экипажа лежат рядом в кабине, они их тоже не надевают, наверно из солидарности. У меня мысль одна: как лучше прыгнуть с зависания, чтобы не повредить ноги и спину. Похоже, не я один об этом думаю. Комбат мягко и тактично советует Шуре прыгать последним, дабы не мешать другим. «Карандаш» Иванов соглашается с ним. Наш аппарат резко ныряет вниз и зависает на высоте примерно четырех-пяти метров. Техник быстро сдвигает в сторону дверь десантного отсека и радушно предлагает прыгать, но незадача: высоко, а внизу камушки. Комбат большим пальцем показывает «вниз», прапорщик отрицательно машет руками, мол, никак невозможно. Беседа ведется, по понятным причи-

нам, только жестами. Алексеич с ехидной улыбочкой берет за красную ручку возле двери — аварийный сброс люка, и назревающий было мелкий конфликт улажен, летчики спускаются ниже. Все дело в том, что люк — это ответственная матчасть, и ее надо будет забирать с собой, а значит, вообще садиться. Вот оно, взаимопонимание!

Все, началось! «Первый, пошел!» — команда, после которой десантники в первую очередь зависят только от себя. Движения четкие, отточенные, как у отлично отлаженной машины. Одна рука на панаме, в другой автомат, прыжок, земля, рывок в сторону, иначе следующий сядет тебе на шею. «Вертушки» идут вверх, но происходит что-то непонятное — одна опять резко вниз, зависает довольно высоко, и от нее отрывается непонятное «тело», удачно падает на песок между камней... Конечно, это Шура Иванов. Ошарашен, но без единой царапины! Нет, Шура не боялся прыгать, его просто задержало непредвиденное. Строго по порядку Шура прыгнул последним, и техник попытался закрыть люк, но не тут-то было, его постигла неудача — хорошо смазанный люк не двигался! Мешали кольца от палатки, на которых висел за бортом рядовой Иванов. Техник стукнул ногой по РД, соответственно, и по спине — иного выхода не было, и Шура совершил довольно жесткое, но успешное приземление на четыре точки. Потом мы долго вспоминали сообразительного прапорщика «добрыми и ласковыми словами», когда пытались ставить палатку.

Боюсь оказаться неточным, но комбат рассказывал мне этот эпизод иначе. Много позже он встретил командира вертолетной эскадрильи, десан-

тировавшей нас. Комэск со смехом и уважением вспомнил воина-десантника.

— Ну и бойцы у тебя, комбат, орлы!

Заминка действительно была, и борт улетал с Шурой обратно. Тот пришел в бешенство:

— Это як же хлопцы бэз мэнэ?!

Шура приставил автомат к виску то ли борт-техника, то ли летчика и успокоился только после того, как ему клятвенно пообещали доставить его обратно со второй волной. Нам Шура ничего не сказал.

Может, с неточностями, но все это было!!! Коля были сломаны. Голливуд плачет!

Стрельба слышна, но, слава Богу, огневого контакта нет. Нашей группе надо на «трехтысячник», соседние «горки» ждут других. Смысл операции: занять господствующие высоты над местностью, где правительственные войска будут проводить зачистку, якобы выбивать душманов, а по правде — мародерствовать, просто грабить своих. А «духи» уже ушли, как только засекли наши вертолеты, да и предателей в их Генштабе полно — совместные боевые операции, как правило, были, мягко говоря, малоэффективны.

Два года в Афганистане — не черный период моей жизни, однозначно положительный. Все было, но хорошего гораздо больше. Жизненный опыт — да, но главное — люди, хорошие люди, как их много вокруг! В суете нашей жизни мы не замечаем их, но в Афгане, в экстремальной ситуации человек не может все время притворяться. Закон жизни: что-то всплывает, а что-то тебя греет и оберегает. Нас разбросало по белу свету, но я знаю точно, что, случись со мной что или я попрошу по-

мощи — боевые друзья сорвутся ко мне, где б они не были. И этому были подтверждения.

Нас никто не «встречал». Быстрый перекур, и наша цепочка двинулась по восходящему на трехтысячник хребту. Как всегда, впереди «кроты» — саперы. Ближе к середине — управление: комбат, связист (их антенна очень примечательна!). Тут и наводчики — артиллерийский и авиа, у которого свой ретранслятор Ан-26, над нами кружит (их связь на зависть нам не торчит). По необходимости, наводчик от афганцев (обычно из клана, враждующего с кланом, контролирующим место операции), боец со знанием языка и вездесущий Шура. В движении самое трудное место в конце цепочки: уставшие, отстающие, здесь доктор и наиболее выносливые бойцы — им, возможно, придется тащить чужой груз, а то и товарища. Замполит, «как учили», там, где трудно, чаще в «замке». Разведчики ушли раньше, «крот» у них свой.

Наверху не жарко, но пот с тебя градом, «дыхалка» работает на полную, но ее все равно не хватает. Окончательно, бесповоротно, навсегда даешь зарок бросить курить (ведь вот он — случай!) и наивно веришь себе. Ноги отказываются подчиняться, мышцы дубеют, — это «цветочки», топаем вверх, а что будет вниз! Наконец по цепочке: «Стой! Перекур пять минут», потом перекуры будут дольше. Падаю на более-менее удобное место, ноги на камень вверх. Хорошо! К сигаретам даже не тянусь, уверенность, что я бросил курить непоколебима. А другие-то дымят. Убеждаюсь, что у меня могучая сила воли, гордыня так и прет! Пять минут прошло, дышу вроде, двигаем дальше вверх.

Товарищи научили оптимальному шагу в горах: вверх ногу не задирать, ступню проносить ближе к грунту, ставить всей стопой. Идем уже больше двух часов. Реплики минимальны, вот где действительно нужен наш слэнг: коротко и ясно. У меня наступает кризис, вместо мышц что-то твердое и болючее. Всё, нога не поднимается, дальше не пойду, состояние близко к зомби. Комбат приказывает «привал». Это не по графику. С меня снимают РД, автомат. Немного очухался, и наваливается стыд — это из-за меня все остановилось. Встаю на ноги, но меня усаживают на место. Пятнадцать минут, «второе дыхание», и ползу дальше. Надолго ли меня еще хватит? Рюкзак забрали, автомат не отдаю. А Шуре Иванову все нипочем, а на нем тяжести минимум в два раза больше, еще и улыбается, двуязыльный он, что ли. Не оправдываюсь, но это был мой выход после месячного перерыва, и горы были повыше.

Небольшая седловина, и комбат дает команду располагаться здесь (опять из-за меня), разведка по гребешку на самый верх. Охранение выставлено, устраиваемся. В голове нудит мысль: «Давай закурим», терплю изо всех сил, но она побеждает, клянусь себя и сую сигарету в рот. Признаю, что силы воли у меня нет, оправдываюсь перед собой, что не я один такой. Первое дело — определиться с безопасным местом для туалета и отдыха, ведь нам здесь жить, по меньшей мере, трое суток. Где надо сделать кладку из камней, определить сектора стрельбы и прочие военные премудрости, в коих я, честно говоря, не силен (в армии я служил в ПВО «пиджаком», почему попал в десант — «пути Господни неисповедимы»). Установка палатки

происходит с отнюдь не цензурными выражениями в адрес борттехника. Кругом камни, и заменить сломанные колья нечем, но выручает солдатская смекалка: рядовой Иванов как-то умудряется ее растянуть на камнях. «Памирка» — палатка одноместная, но мы размещаемся в ней втроем: Алексеич, замполит и я. С одной стороны гребешка песчано-каменистый склон, с другой — ущелье, за ним, как на ладони, открытое плато, видно далеко. Лучшего места для туалета, чем на краю пропасти, не придумаешь! Кладку делаем так, чтобы мягким местом при нужде входить в проем, и все лишнее падает вниз. Очень удобно и гигиенично. У нас тихо, сбивать с высот никого не пришлось, «война» внизу, далеко от нас.

Идут третьи сутки «боевых». Разведчики доложили, что видели пару «духов» далеко на плато. Погоняли их из «утеса» (крупнокалиберный пулемет). Живем комфортно, даже с музыкой — у меня СВ-ДВ приемник, чудо конца 60-х «НЕЙВА-М» (в ладонь умещается!). Но играть в карты надоело, анекдоты несвежие, еда, а главное, вода заканчиваются, а «боевым» конца не видно. Заказали вертолет — «напитки, что-нибудь перекусить» и осветительные ракеты. Утром над нами кружит «заказ» в виде двух «ветролетов» (это слово я слышал в Чечне) Ми-8 и пары «крокодилов». Помахали винтами и улетели. Потом нам объяснили: площадки для посадки нет, а зависнуть не могут — высота около трех тысяч и турбулентность. Пилоты молодые, опыта мало, ударит об скалы — и разобьются. Сбросить с высоты? Куда? Камни, пропасть, крутой склон. Воды точно не будет, любая емкость вдребезги! Тогда мы юмора не поняли. К обеду они

опять над нами. Зачем? Всегда буду восхищаться нашими вертолетчиками. В Афганистане они делали невозможное. За штурвалом одной из Ми-8 комэск (командир эскадрильи). Как же он мог не прилететь после знакомства с Шурой! Шучу, конечно.

Со стороны пропасти есть небольшая наклонная площадка, меньше вертолета. «Вертушка» передним шасси упирается в нее, левое только касается, правое — над обрывом. Я это вижу сверху, с камня. Винт, бешено вращаясь, «гуляет» буквально в полуметре от скалы. Разгрузкоманда даже подползти не может к люку! У меня в голове мелькает дурная мысль: «Винт об скалу, они сыпятся вниз, мы — доставать, что осталось». Дверь люка отъезжает, и высовывается довольная рожа нашего зампотыла Сереги Дробышева. Он выпихивает коробки с пиротехникой и сухпаями, выбрасывает чулки ОЗК с водой. Время тянется, как гудрон. Всё. Груз на площадке. «Восьмерка» хвостом уходит в пропасть и оттуда тяжело набирает высоту. Не я один перевожу дух.

Подходим к куче нашего добра. Куда столько? Но всё по-нашему. Сбросили необходимое на три дня нам (управлению), нашим разведчикам (они на «трехтысячнике») и еще кому-то. Оказалось, что по планам командования должна была подняться еще и разведрота дивизии, но их задача изменилась, в итоге у нас оказалось раза в два больше необходимого. Духам ничего оставлять нельзя. Приказ штаба полка: «Все, что можно, съесть и расстрелять! Остальное по завершению операции с собой вниз». В карты играем «на интерес»: проигравший расстреливает пачку ракет. Бойцам за

каждую провинность «наказание» — три ракеты в пропасть. Мы и не знали, что у нас такие недисциплинированные солдаты! Рядовому Иванову это форма наказания запрещена. Он пустил ракету, она попала в камень (снайпер!), отскочила и секунды три «гуляла» между нами. К счастью, обошлось без жертв. Мата было много.

К туалету очередь. Видели бы мамы, как офицеры «издеваются» над их сыновьями, «есть не дают»! Хлопцы открывают банки с борщом, выбирают мясо, остальное — в пропасть! Но сухпайков все равно много, и комбат принимает решение. Полдюжины бойцов поздоровее из разведчиков спускаются к нам и делают две «ходки» с ящиками к «броне», благо она не так далеко внизу. Потом обратно вверх, к своим!

На пятые сутки вечером команда «вниз!». Спускаться будем с подходом разведвзвода в темноте. Разобрали оставшиеся сухпайки, а у Шуры Иванова на голове их целый ящик. Спуск цепочкой бегом, а то и на «пятой точке». Спокойно спускаться нельзя — «духи» могут занять наше место, и тогда нам будет нехорошо. Кто-то из бойцов нечаянно прыгает мне на спину. «Тактично» просит двигаться быстрее, я также «культурно» не возражаю. Сейчас не до званий. Политес излишен. В темном небе периодически зажигается «люстра» (огненный шар на парашюте). Когда гаснет, светим себе оставшимися ракетами. Артиллерия работает по оставленным нами высотам.

«Броня» встречает нас радушно. Развернута большая палатка. В ней горячий ужин, но кроме чая больше в рот ничего не лезет. Расставлены «вертолеты» — алюминиевые раскладушки с натя-

нутыми парашютными фалами вместо брезента. Разбиваем часы ночного дежурства, мне «по бла-ту» и неопытности легкий — с нуля до часа, первый. На проверку постов выползаю «строевым» на полусогнутых, ноги не сгибаются и не разгибаются. Начинаешь опять воспринимать окружающую красоту. Черное с четкими яркими светлячками звезд небо. Разрывы и рикошет снарядов наших БМП-2 на окружающих склонах гор.

Утром на «броне» без приключений приходим домой. По пути под Кабулом видел современную тюрьму-крепость, построенную немцами из ФРГ. Впечатляет! Таких у нас и сейчас, наверно, нет. После увольнения я, по иронии судьбы, получил благоустроенную почти по европейским нормам квартиру в городке, построенном на «немецкие» деньги для выведенных из Германии танкистов Группы советских войск.

Баня, плотный ужин, у командования «разборка» выхода и подведение предварительных итогов. Пьянка с обязательным третьим тостом. В «боевых» перерыв. Это отдых, анализ операции, стрельбы в условиях, приближенных к боевым, доскональная подготовка «брони», оружия.

Готовимся к следующему выходу.

Самоволка и еще...

Я возвращался из отпуска. Дорога известная: Ташкент, пересыльный пункт («пересылка») Тузель (микрорайон на окраине Ташкента), Кабул. Отпуск у меня максимальный, шестьдесят суток плюс дорога, в июле. Проводил его с семьей в военном санатории в Крыму, в Саках и на родине. Пять суток

у тещи. Но неудачно по времени — одновременно с начальником. У товарищей в его отсутствие были «римские каникулы», а мне выпала такая доля, так как я в конце апреля летал в командировку в Союз и заезжал на целых три первых майских дня к жене и сыну.

За два моих афганских года никому из моих товарищей-отпускников улететь сразу из Тузеля не удалось. То Кабул не принимает по погодным условиям, то в первую очередь молодое пополнение отправляют, то неизвестно почему. Честно говоря, инициативу для ускорения своего вылета я не проявлял. Главное, поставить отметку в «отпускном» о прибытии на пересыльный пункт, и ты уже как бы вернулся из отпуска, но не можешь предстать пред очами начальника по уважительной причине. Меня, как положено, занесли в список (очередь), вылетающих на Кабул. «Уважительная причина» растянулась на два дня, а утром каждого по традиции меня встречали товарищи на аэродроме Кабула.

«Пересылка» — это небольшой закрытый гарнизон. До военного аэродрома километров двадцать. Здесь комендатура, различные штабные и тыловые службы, помещения модульного типа для временного жилья с минимальными удобствами: умывальник, туалет. Говорили, что где-то есть душ. Народ разношерстный. В «офицерских» модулях почти все рода войск, звания от прапорщика до полковника. В первую очередь, по негласному закону, отправляли новеньких сменщиков, для их сменяемых товарищей последние дни, даже часы, кажутся действительно как день за три.

Я одет по «гражданке», в комнате среагировал на десантные эмблемы, подошел, представился — оказалось, что из отпуска возвращался командир одного из полков 103-й ВДД, у нас много общих знакомых-сослуживцев. Мы съездили на Аланский рынок за фруктами и вместе с соседями вечером перед вылетом устроили шикарный ужин.

После 23 часов начинает «работать» патруль. К нам уже два раза заходили, мол, сильно шумим и мешаем спать соседям по модулю. Соседи к нам тоже заходили. За стаканом и ножом. Тем, кто здесь не первый раз, это знакомо. Старшой патруля будет сначала просить вести себя потише, потом предупреждать о возможных проблемах с вылетом, пугать арестом и прочими издержками военной службы, что и было в последний раз. Ему это тоже все надоело — повторять, как магнитофон, одно и то же каждый раз в патруле по пересылке, но что поделаешь, служба у него такая. А нас Родиной не испугаешь! Кто воевать-то будет?!

В три ночи выходим за КПП к автобусам на аэродром. Обычные городские «Икарусы», арендованные на ночь, проезд бесплатный. Метрах в пяти от входа растет большое дерево. Темно, но видно, что под ним кто-то лежит. Подходим и видим, что это явно наш военный, но по «гражданке». Рядом сумка, из которой торчат горлышки пивных бутылок. Видно, послали гонца за добавкой, а он, бедолага, «не дотянул до базы». Посмеялись, жалко же его, несчастного, и ждущих, но к сумке никто даже не притронулся. Им нужней!

В автобусе водитель-узбек с веселыми прибаутками пускает свою фирменную фуражку по салону.

— Ну что, «копченые», давай последние! Вам они все равно там не нужны!

Смех смехом, а полфуражки мелочи набралось.

Приехали на аэродром. Новички кидаются первыми к «погранцам» и таможене, мы же, как люди опытные, разваливаемся на лавках в «предбаннике» добирать сон. Мы знаем, что пограничники пропустят быстро, а вот таможенники, все из местных, будут тянуть, искать, чем бы поживиться у нас. С собой копченая колбаса, сушеная рыба и «деликатесы»: черный хлеб, сало и селедка! Спиртное провозить запретили еще год назад, но попытки все равно были, есть и будут. Таможня проверяет наклейки и отчаянно трясет большие жестяные банки с сельдью: а вдруг там водка! Обычно спиртное в таком разливе проходит, но бывает слишком сильно и тщательно наклеена этикетка, что не свойственно советской промышленности, «булькает» не так, и тогда боевых товарищей в Афгане ждет горькое разочарование — изымают для якобы последующего уничтожения.

Был случай, когда банку дома закатали в последний момент, а этикетку дали с собой. Военный в «деловой» обстановке пересылки забыл ее наклеить, и, вспомнив, лепил прямо в «предбаннике» слюной. Отлетела. Некоторые, надеясь на авось или по незнанию, везут в открытую, но это не проходит.

Видя картину конфискации, «пузыри» передают назад, в очередь, для правильного использования. Мой друг видел, как «целый» подполковник со слезами на глазах умолял пропустить его с портфелем водки, по его словам, для штаба армии. Если ее, родимую, не довезет, его убьют! В итоге водку

пил он сам и раздавал желающим. Таможенники создали себе проблему, не пропустив его. Потом народ шел раскованный, в хорошо приподнятом настроении и на их стандартный вопрос: «Что с собой везете?» — мог послать куда подальше, а то и вообще вернуться спать на лавку.

Мы не спешим, знаем, что после контроля, перед посадкой, все будут набиваться в «отстойник». Это явно не рассчитанное на такое количество людей помещение с железной крышей и одним умывальником для убывающих перед посадкой в самолет, прибывших перед контролем. Туалет общий, с двумя посадочными местами без «сидушек», тут и курят. Вентиляция только обозначена под потолком. Лавки есть, но всем не сесть, последние будут стоять. Зимой и летом жарко и душно. С нами несколько женщин. В этих условиях надо ждать выхода на посадку часа полтора-два, не меньше.

Самолет, транспортный Ил-76, набивается до отказа так, чтобы только рампа смогла закрыться. Народ в отсеке вплотную на алюминиевых откидных сиденьях по бортам, в середине вещи, а их у нас много. Последним место остается только на рампе, с ней и поднимаемся при закрытии. Командиру полка находится место на ящике с «отстрелами», тепловыми ловушками для ракет «земля — воздух». На мне рубашка с коротким рукавом, но я, не думая, сажусь, а потом и ложусь рядом на еще теплый металл. Весь полет проспал. Проснулся при посадке, резко дернулся, и чуть не взвыл от боли. Температура на высоте за бортом около минус пятидесяти, у меня после дружеского ужина осязание пониженное, вот и не заметил, что волосы на руках примерзли

к полу и при рывке остались на металле. Вот так я понял, что такое эпиляция и что женщины просто мазохистки!

Друзья наконец — на третий день! — встретили меня и сразу предупредили, чтобы я ближе чем на десять метров при докладе к начальнику не приближался по причине несвежести и помятого вида. Кабинет у шефа меньше, но все обошлось. Приказ «Приступить к делам, без раскачки!» выполнял немедленно: быстро смотался в гарнизон «Теплый стан» на северо-восточной окраине города, где была моя «резиденция».

Жил я в «Теплом стане», по местным меркам, шикарно. В управлении батальона охраны мне предоставили помещение медпункта строителей, размещавшихся здесь до нас. У меня было четыре комнаты, свой санузел с умывальником, душем (вода только холодная) и туалетом!

...Туалет в любой жизни место важное, а в армейской особенно. После замены я попал в одну из дорожно-строительных бригад, разворачивающихся по Вологодской области. Это была часть одной из горбачевско-лигачевских госпрограмм — «Дороги Нечерноземью». Питерский, тогда еще ленинградский, наш генерал, злой после инспекционной поездки на Новую Землю, отдал приказ:

— Всех приходящих из ОКСВ — на «дорожников». Они от палаток и грязи еще не отвыкли!

Моя бригада была сформирована в Баку, эшелоны прибывали в Великий Устюг. Некоторые военные ехали, вернее — бежали, с семьями, в «теплушках». В Закавказье очередной конфликт. 1988 год, а ничего не напоминает? Народ как

на «пересылке» — разношерстный, даже в «черной» форме. Первый, кого я встретил, был моряк. Специалистов мало. Принцип подбора: «Любой военный строитель, даже строивший береговые укрепления, — уже специалист»; «Артиллерист-корректировщик? Нивелир знаешь? Значит, геодезист»; «Авиационный штурман — картограф»; «Танкист, автомобилист — сам Бог велел быть спецом по автотракторной спецтехнике!» И так далее. Люди соглашались на все, лишь бы уехать из Закавказья. Знакомый прапорщик, армянин, родившийся и выросший в Азербайджане, — от соседей. Плоды «перестройки».

Командир, полковник Юлиан Иванович Красуцкий, строитель по образованию, опытный, — «человек на своем месте». Помощников обустроиться было много, особенно из Москвы. Потом проверяющие качество нашего житья-бытья. В военторге товары, как в Афганистане, даже выбор больше: импортные кухни, столовые, спальные гарнитуры, квота на «малолитражки». Но из «москвичей» запомнился один полковник, действительно настоящий специалист по развешиванию. Немолодой, поджарый, с сединой, ему бригада многим обязана, и главное, что нормально перезимовала. Середина лета, прибыл эшелон с элементами модулей. Почему-то южный вариант. По плану казармы обложат кирпичом к зиме, а пока «москвич» дает команду: «Углубить и утеплить подручным материалом (опилки, шлак) палатки, запастись буржуйками». И главное, что надо оборудовать в первую очередь, это теплые туалет и умывальник с подогретой водой! Он был прав на все сто: зимой выжили и еще что-то строили...

Две комнаты я сразу запер (уборки много), а еще в одной сделал кухню с электроплиткой, столом, табуретками и солдатской тумбочкой. Был у меня и небольшой импортный холодильник с лейблом «Philips», доставшийся по наследству от предыдущего жильца. Я его потом продал дуканцику на местном рынке в микрорайоне «Черемушки». «Афошки» (афгани) поровну поделил с хозяином. В оставшейся жилой комнате — кровать, стол, стулья, та же тумбочка и две полки на стенах: маленькая для «кассетника» и побольше — для книг. Над столом на стене «иконостас»: лист ватмана с фотографиями родных и близких. Сядешь за стол, и как будто дома, со своими. Батареи горячего отопления имелись, но холодные, — для красоты и чтобы не забывал о таких удобствах. Хватало и двух заводских тэнов. Ну и главное — кондиционер, наш советский, бакинский! В «кондёре» отлично охлаждались баночное пиво, газировка «Си-Си», тоже в банках, и деликатес — сало. Школьный товарищ передал мне через наше посольство маленький телевизор с питанием от сети или батареек. От строителей осталась большая баня с парилкой и бассейном в моечном помещении. Между модулями зелень (даже виноград!) и маленький бассейн — наша отрада после обеда в жару. Мои окна выходили на него. Рядом под нашей же охраной склад клубного имущества — значит, у нас в бильярдной лучший советский проигрыватель с дефицитным «винилом». У меня два выхода: один в столовую и бильярдную, другой, отдельный, сразу на улицу. Очень удобно.

Не жизнь, а райский уголок! Правда, иногда, но редко, залетали мины, РСы и пули. Наверное, шальные.

«Раскачки» в делах действительно не получилось. Не успел переодеться, доложили: пропали два солдата из караула, с оружием. ЧП! После опроса караула и всех, кто мог их видеть (дневальные, наряд по кухне и т. п.), выяснилось следующее. Два старослужащих бойца стояли на посту со стороны прилегающего кишлака в последней смене перед подъемом. Накурились «чарза» (анаша, конопля по-нашему) и под кайфом решили после смены продолжить удовольствие, цивилизованно позавтракать и добавить водочкой.

«Чарз» — маленькие коричневые палочки-цилиндрики в сигарету вместо табака — продавали прямо у проволоки, границы поста, пацанята из соседнего кишлака за символическую цену — десять афганей (пачка военоторговских сигарет с фильтром). Попробовать — даром. «Палочки» отбирали, наказывали, но к солдатам они все равно попадали. Страшней было другое — бесплатно предлагали и героин. Советский человек тогда еще не был приучен к этой гадости. Случаи употребления были единичны, но угроза ее проникновения и распространения в «контингент» и дальше в Союз была вполне реальной. Борьба с наркотиками была одной из моих служебных задач. Могу побожиться, что сам никакие наркотики никогда не пробовал, и их воздействие ощущал только по «принуждению» медиков. А вот последствия борьбы мог реально испытать...

С собой в поездках у меня был фирменный черный кейс из мягкой тисненой синтетики «под

кожу» с кодовыми замочками. Дефицит из братской Чехословакии, мечта каждого делового и солидного человека, коим я по молодости хотел казаться. «Солидность» сама пришла с возрастом, когда уже явно мешала даже при ходьбе.

Как известно, мы «работники пера и геморроя», поэтому в «дипломате» была вся необходимая «канцелярия». Хватало места и для банки «Си-Си», а при случае и пива. Туда же можно было переложить и оттягивающий карман пистолет. Внутри на перегородке — карманчик. Я использовал его как держатель для скрепок — и удобно, и искать не надо. А внутри-то карманчика был изъятый героин. Начальнику показал результат моей неусыпной бдительности, а сжечь забыл. Не веря до конца в удачу, что увижу сына и жену, лечу в Союз! Со мной чемодан и «кейс». Перед посадкой в Ташкенте вспоминаю, кому и какие сделать подарки и выслать передачи. Их много, в отпуск, например, было двенадцать. В записной книжке адреса всего Советского Союза, под ними буквы и цифры. Это шифр против таможни. По советским законам провозить можно только свое кровное и близким родственникам.

Узбекские «стражи» порядка будут бдительно рассматривать содержимое пакетов, свертков:

— Что везете? Передача, а? А почему размер разный?

Проклинаешь в душе и с наивной улыбкой отвечаешь:

— Мое. Жене и сыну. Размеры не помню. На вырост.

— Кассет много, а?

Аудиокассеты в блоках, молча отодвигаешь в сторону пару заранее приготовленных и проходишь дальше.

С холодком в груди понимаю, что есть «подарок» и для таможни — пакетик с белым порошком. Встречать меня будут у рампы с собаками с умными глазами и чутким нюхом. Оставить в самолете — подведу по-крупному «летунов», взять с собой — лучший вариант: глубокий кризис в карьере, а вообще-то и реальный срок. Чертов пакетик незаметно сбрасываю на бетонку с рампы. Метров через десять выставляем вещи в ряд и отходим. Собачка начинает работать, обнюхивает мой «дипломат» и проходит дальше. Меня тоже нюхает... похоже, героином не пахнет. Вот уж действительно пронесло.

Вернемся к нашим солдатам. Денег на задуманное у бойцов не было, но в голове шальная удаля, а в руках веский, неоспоримый аргумент — АК-74. Они двинули в пригород в поисках чайханы. Зашли в пару заведений с просьбой не отказать воинам-освободителям в желании выпить и закутить. По незнанию языка изъяснялись на международной, доступной афганцам «игре слов». Но без денег почему-то нигде не подавали. В дуканах по той же причине ничего не «отпускали». Обидевшись, свои требования они начали подтверждать стрельбой в воздух, а где и в потолок. Это подействовало, и буквально в следующей забегаловке им накрыли столик. О веселых «шурави» хозяин быстренько сообщил местной милиции (Царандой), и их «повязали» прямо за ранним завтраком. Милиция — она везде милиция, будь то

в Союзе, России или в Афганистане. При задержании с бойцами не церемонились, надавали как следует (по-другому и нельзя было, «освободители» при оружии), но кости не переломали. О советских солдатах царандоевцы сразу сообщили в ближайшую часть «шурави», а это мы. Повезло. Повезло не только бойцам, что не успели «накуролесить» и их не уволокли в какую-нибудь банду, но и командир, моему другу. По крайней мере «служебного несоответствия» ему было бы не избежать. За солдатами в райотдел Царандоя ездил на командирском УАЗике их ротный, Степан, славянин с Кавказа. Когда он вытащил их из машины и стал проводить «воспитательную беседу», я тактично отвернулся. В душе я был полностью согласен с примененным им в данный момент методом воздействия.

Перед строем личного состава показали результат «самоволки», и объяснили, что их товарищи еще «легко отделались». Бойцов определили в «гауптическую» вахту на срок до осознания ими пагубности своих действий. Наказание гауптвахтой было вдвойне тяжелей, так как на время пребывания там за них несли службу их товарищи, и потом некоторое время к караульной службе «самовольщиков» не допускали. «Крутыми» среди своих они не стали.

Служим Родине и живем дальше

Через неделю пришел мой орден. Конечно, все хлопали по плечу, обнимали и задавали соответствующий вопрос: «Когда обмывать будем?» Обмыть награду — дело святое, но у меня проблемы: туалет на время стал родным домом, даже тем-

пература поднялась. На мою просьбу подождать, командир сказал коротко: «Доктор вылечит — водка с солью и перцем. Сегодня в семь (вечера, конечно) в ленинской комнате!»

|| *Майор Юрий Дмитриевич Подопригоров за мужество, проявленное во время спецкомандировки в республике Афганистан, награжден орденами Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных силах СССР».*

А. П. Конташов

Трудное время Афганистана (1989–1991)

«Только их неукротимая ненависть к государственной власти и любовь к личной независимости мешают им стать могущественной нацией»

Ф. Энгельс об афганцах

Я прибыл во вторую командировку в Кабул спецрейсом 12 июня 1989 года в качестве оперативного сотрудника Представительства КГБ СССР в Республике Афганистан. В то время в Представительстве работали более 40 сотрудников, из них пять — сотрудники военной контрразведки. Линию военной контрразведки возглавлял полковник Михаил Васильевич Стрельников. Тем,

кто работал в Представительстве до вывода 40-й армии, эти цифры скажут многое. 1989–1990 годы — наиболее трудное время для Афганистана. Правительственные войска, лишившись поддержки 40-й армии, должны были самостоятельно противостоять вооруженной афганской оппозиции. В этот период правительство Наджибуллы провозгласило политику национального примирения, велись настойчивые переговоры с оппозицией по созданию коалиционного правительства. Сейчас трудно сказать, в какой мере удалось бы осуществить эту политику на деле, если бы новый российский МИД не отвернулся от правительства Республики Афганистан.

Итак, 40-я армия ушла. В Кабуле остались советские дипломаты, представители торгпредства, военные специалисты, сотрудники КГБ в рамках Представительства, естественно, резидентура КГБ, представители МВД. Всего (если и ошибусь, то ненамного) более 240 человек. Минимизация советских загранучреждений в целом была проведена до моего прибытия. Размещались мы в жилой зоне посольства. Проходя от дома к офисному зданию, я обратил внимание на открытые и оборудованные щели для укрытия от артиллерийско-минометного обстрела. Кстати, эти укрытия и бомбоубежища под зданиями посольства пригодились 6 и 7 марта 1990 года сотрудникам во время попытки военного переворота, организованной министром обороны Шахнавазом Танаем, когда по территории посольства было выпущено 19 снарядов, при этом одним выстрелом снесло антенную систему главного здания посольства.

О режиме работы

Прибыв 12 июня 1989 года в Кабул, я уже через два дня приступил к выполнению служебных обязанностей. Мне было поручено курировать ряд органов военной контрразведки, обслуживавших Генеральный штаб министерства обороны, войска ПВО и ВВС, учебные заведения и военные центры, дислоцированные в Кабуле. Особое внимание обращалось на Генеральный штаб. Дважды в сутки я был обязан докладывать на совещаниях руководителю Представительства генералу Валентину Алексеевичу Ревину обстановку по объектам ответственности. Таким образом, добытием информации, ее перепроверкой, подготовкой аналитических документов — всем этим занимались военные контрразведчики с раннего утра. Как правило, выезжали из посольства в 5.00–5.30, готовились к утреннему совещанию. Затем шла работа по подготовке к вечернему докладу. Каждый сотрудник водил автомобиль, имел на вооружении пистолет ПМ, несколько гранат (в ящике автомобиля), а при необходимости — автомат, портативную радиостанцию, позволяющую находиться на связи с дежурной службой Представительства.

Хотелось бы остановиться на одном эпизоде из деятельности военных контрразведчиков, связанном с получением упреждающей информации по подготовке военного мятежа под руководством министра обороны афганской армии. Оговорюсь, что этим занимались и другие сотрудники Представительства, каждый по своей линии работы.

Одной из главных причин назревавшего мятежа было обострение противоречий между халькистским (хальк — народ) и парчамистским (парчам — знамя) крыльями Народно-демократической партии Афганистана. Это видимая, лежащая на поверхности и понятная многим причина. Мы же по своим каналам получали оперативную информацию, свидетельствующую об активизации и усилении подрывной деятельности спецслужб противника, направленной прежде всего на усиление этого раскола, в первую очередь в армии, МВД, национальной гвардии, органах государственного управления. Основной целью заговора являлось физическое устранение афганского руководства во главе с Наджибуллой и захват власти в стране. Противники президента Наджибуллы во главе с министром обороны Танаям предприняли конкретные шаги для реализации своих преступных замыслов.

В сложившейся обстановке президент страны был вынужден принять решение о смещении Таная с поста министра обороны. Узнав об этом, Танай 6 марта 1990 года поднял мятеж.

Хронология переворота

Своевременно получив и доложив информацию о развитии ситуации в министерстве обороны ДРА, я, как обычно, рано утром 6 марта прибыл на служебном автомобиле в Генеральный штаб к руководителю 1-го отдела Главного управления внешней контрразведки (ВКР) МГБ Афганистана.

Начальник отдела обстоятельно изложил развитие обстановки в управлениях министерства обороны, а также в частях, соединениях и военных гарнизонах. Подробно остановился на вопросе местонахождения министра обороны. Мы обсудили выполнение плана оперативной разработки Шахнаваза Танаая, уточнили мероприятия. Затем я позвонил начальнику разведывательного управления Генштаба генерал-лейтенанту Самади, с которым у нас сложились дружеские неформальные отношения, и через некоторое время зашел к нему. Чай уже стоял на низком столике. Самади рассказал о развитии обстановки по линии разведуправления, прокомментировал внутривополитическую ситуацию. Как принято, мы обнялись, и я, поблагодарив за внимание, вернулся к себе. Я доложил по закрытой связи обстановку Валентину Алексеевичу Ревину и продолжил работу.

Зазвонил внутренний телефон — начальник отдела ВКР МГБ попросил меня зайти к нему. Голос был взволнованный. Его сообщение было кратким: по агентурным данным создан Военно-революционный штаб во главе с Шахнавазом Танаем.

Немедленно звоню Ревину, докладываю. Получаю от него команду как можно быстрее прибыть в посольство, так как авиация нанесла бомбовый удар по телерадиоцентру и телевышке. Он сообщил также, что скоро начнется штурм позиций и здания министерства обороны.

Я кладу трубку, выхожу из кабинета и вижу, как группа мятежников выводит из кабинетов сотрудников военной контрразведки МГБ и вы-

страивает их вдоль стены. Лица моих коллег бледные, на меня смотрят с надеждой.

Подзываю старшего из группы мятежников, говорю ему громко и четко: если хоть один волос упадет с головы моих подсоветных, мы найдем и уничтожим виновных. Затем подхожу к своим коллегам, обнимаю каждого и говорю соответствующие ситуации слова. Дойдя до начальника, спрашиваю, где ключ от сейфа. Он дает понять, что в кармане. Тогда возвращаюсь в кабинет, беру несколько пачек печенья и вручаю ему, на всякий случай, а он в этот момент передает мне ключ. Обнялись. Моих товарищей увели. Мы с советником начальника разведуправления и его переводчиком вышли к машине. Наперерез бросился часовой, передернул затвор и приказал стоять. Я хорошо знал этого афганского солдата (он учился в городе Фрунзе) и быстро с ним договорился, и мы втроем поднялись в оперативное управление. Нами была предпринята попытка выполнить поручение советника посла СССР о выходе Шахнаваза Таная на связь с послом, но нам заявили, что министра в здании нет.

Выпустили нас по личному приказу командира 235-го батальона охраны полковника Гафура. Наша «шестерка» четыре километра до посольства пролетела за несколько минут, в то время как над головами уже шелестели артиллерийские снаряды в направлении министерства обороны. Подавление мятежа силами национальной гвардии и спецподразделений МГБ началось.

7 марта мятеж был подавлен во всех точках. Часть мятежников уничтожили, часть спряталась. Впоследствии президент Республики Афганистан

Наджибулла лично наградил группу сотрудников Представительства КГБ СССР, в том числе и меня, орденом «За храбрость».

Мои афганские товарищи не пострадали.

Полковник Анатолий Павлович Конташов находился в Афганистане в 1989–1991 гг. За проявленное мужество награжден тремя орденами «За храбрость», орденом «Дружба народов», медалями «10 лет МГБ республики Афганистан», «70 лет независимости Афганистана», «От благодарного афганского народа».

В. Медведев

О Борисе Соколове

Афганистан оставил трагический след в сердцах сотен тысяч советских людей. Пришло время рассказать и о том, что в этой непростой войне рядом с солдатами и офицерами во всех ратных делах участвовали армейские чекисты. Суровую школу Афганистана плечом к плечу с воинами прошли военные контрразведчики, выполнявшие свой долг по обеспечению безопасности ограниченного контингента советских войск. Один из них — Борис Соколов. Его афганские будни мало чем отличались от будней сотен других военных контрразведчиков, заслуживших добрую память всех, с кем их свела судьба на опасных дорогах Афганистана. Ими разоблачено и пресечено множество шпионско-диверсионных террористических акций мятежников и их западных покровителей против советских войск, освобождены из плена десятки военнослужащих Советской армии.

Из представления капитана Соколова Бориса Иннокентьевича к званию Героя Советского Союза: «Принял участие в 64 операциях общей продолжительностью 269 суток. В ходе операций проявил смелость, отвагу и мужество. В сложной боевой обстановке действовал уверенно, принимал грамотные решения, не раз обеспечивал успешное выполнение подразделением боевых задач».

В боевых условиях деловые качества офицера как на ладони, а чекиста тем более. Так было и в тот мартовский день 1984 года, когда во время посадки советских воинов на вертолеты они попали под шквальный огонь банды. Соколов и начальник штаба майор Якушев сумели организовать эффективную оборону, обеспечив посадку воинов в боевые машины. И последними вышли из боя. На войне трудно отделить жизнь армейского контрразведчика от военных будней других советских офицеров. Только, может быть, контрразведчику чуть-чуть сложнее, ибо у него есть еще и свои, чекистские задачи. Впрочем, противник скидок на это не делает.

В январе 1984 года Соколов и старший лейтенант А. Головин захватили важные документы, содержащие сведения о причастности западных спецслужб к крупным враждебным акциям против Афганистана, списки агентуры мятежников. Цена этому — страшный бой, в котором участвовал и Борис.

Не раз коммунисту Соколову приходилось в критических боевых ситуациях брать на себя командование. Так случилось и в феврале 1984 года, когда Борис, контуженный, все же сумел возглавить подразделение и вывести его из боя с минимальными потерями.

И еще один, может быть, самый значимый штрих в боевой биографии Бориса Соколова. Чекистское подразделение, в котором он служил, активно занималось освобождением советских военнослужащих, попавших в плен. Эта работа, всегда связанная со смертельным риском, требовала от военных контрразведчиков большого личного мужества и го-



товности к самопожертвованию: надо было иметь огромное самообладание и смелость, чтобы ходить безоружным в лагерь душманов и под дулами автоматов вести с ними переговоры. Многим советским военнослужащим помогли тогда они вернуться к своим матерям.

...Еще недавно Борис Соколов был одним из тех героев, о которых писать было нельзя. Теперь об этом, как видите, пишут.

Биография*

Соколов Борис Иннокентьевич — оперуполномоченный Особого отдела КГБ СССР по 108-й мотострелковой дивизии 40-й армии Туркестанского военного округа (Ограниченный контингент советских войск в Демократической Республике Афганистан), капитан.

Родился 19 октября 1953 года в Улан-Удэ, столице Бурятии, в семье служащего. Русский. Член КПСС с 1977 года. Окончил 10 классов, Иркутский авиационный техникум. Работал на машиностроительном заводе.

В Советской армии с мая 1973 года — призван на срочную службу в Забайкальский военный округ. Из войск поступил в военное училище. В 1979 году окончил Казанское высшее военно-инженерное училище. Служил в инженерных частях Ленинградского военного округа. С августа 1981 года — в органах КГБ СССР. Окончил Высшие курсы военной контрразведки КГБ СССР в Новосибирске в 1982 году. Служил в Особых отделах КГБ в частях Ленинградского военного округа.

С декабря 1983 года в течение двух с половиной лет Борис Соколов проходил службу в составе ограниченного контингента советских войск в Демократической Республике Афганистан в качестве оперуполномоченного Особого отдела КГБ по 108-й мотострелковой

* Биография дополнена Антоном Бочаровым (поселок Кольцово Новосибирской области)



дивизии. Принимал участие в 64 войсковых операциях общей продолжительностью 269 суток. В боях был дважды контужен и получил осколочное ранение. Оставался в Афганистане до конца срока командировки даже после присвоения звания Героя, отказавшись от права досрочно уехать в Союз.

Указом Президиума Верховного совета от 10 декабря 1985 года за мужество и героизм, проявленные при оказании интернациональной помощи Демократической Республике Афганистан, капитану Соколову Борису Иннокентьевичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 11536).

В 1986–1991 годах проходил службу в Особом отделе Комитета государственной безопасности СССР по Московскому военному округу. С 1992 года служил в органах военной контрразведки Министерства безопасности и ФСК России, затем в Управлении экономической контрразведки — Департаменте экономической безопасности Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Возглавлял представительство ФСБ России в одном из зарубежных государств. Генерал-майор. Награжден орденом Ленина, орденом Красной Звезды, медалями.

О. А. Петров

Ордена и медали Республики Афганистан 1980–1992

Афганистан стал героической и одновременно трагической страницей в жизни советского народа, Вооруженных сил СССР. Не остались в стороне и сотрудники Комитета государственной безопасности СССР.

Офицеры военной контрразведки КГБ СССР находились в Афганистане в качестве оперативных работников Особых отделов по обеспечению советских частей, офицеров Представительства КГБ СССР в Афганистане, советников руководителей местных органов военной контрразведки как до ввода в страну по просьбе правительства Афганистана частей 40-й общевойсковой армии, так и в период нахождения в ДРА ограниченного воинского контингента ВС СССР. Оставались «особисты» в стране и после вывода в СССР всех военнослужащих.

Подавляющее большинство военных чекистов за свою работу в Афганистане были награждены государственными наградами СССР, но были и те, кто получил награды за конкретные результаты и от афганского правительства.

В 1980 году, с приходом к власти Б. Кармаля и фракции «Парчам» в Афганистане была создана новая наградная система, частично копирующая советскую. Все старые награды отменялись. В «Официальной газете» от 31 декабря 1980 года были опубликованы нормативно-правовые акты, регламентирующие введение новой наградной системы: закон «Об орденах ДРА» от 24 декабря 1980 года и указы об учреждении нескольких орденов и медалей.

Орден «Красное Знамя»

Орденом «Красное Знамя» награждались военнослужащие, иные граждане ДРА, иностранные граждане, воинские части и соединения, предприятия, организации, провинции и города за подвиги, совершенные в условиях боевой обстановки. Эта была одна из самых высших наград социалистического Афганистана. Последнее награждение состоялось в 1992 году.

Двумя орденами «Красного Знамени» был награжден полковник (впоследствии генерал-майор, начальник Особого отдела КГБ СССР по Северо-Кавказскому военному округу) Марейчев Александр Александрович.

Орден «Звезда»

Тогда же был учрежден орден «Звезда», которым награждались как афганские, так и иностранные граждане за исключительную личную храбрость, мужество и бесстрашие в боевой обстановке; отличную организацию и проведение боевых операций, при которых противнику нанесены крупные потери; выдающуюся деятельность по повышению боеспособности вооруженных сил и укреплению обороноспособности ДРА.

Орден имел три степени. Изготавливался в Москве; известны экземпляры, сделанные в Афганистане.

Данный орден был вручен подполковнику Аксенову Геннадию Сергеевичу (впоследствии генерал-майору, начальнику 2-го отдела 3-го главного управления КГБ СССР), который в период с марта по июль 1979 года в составе опергруппы КГБ находился в Афганистане в качестве советника в батальоне «командос» 11-й пехотной дивизии афганской армии на восточном фронте, а затем занимался «афганским» вопросом по линии кураторства до 1987 года.

Орден «Дружба народов»

Учрежден 24 декабря 1980 года. Вручался гражданам ДРА, иностранным подданным, предприятиям, ор-

ганизациям, провинциям, городам. Награждение орденом производилось:

- за выдающийся труд в деле пропаганды и укрепления братской дружбы всех племен и народностей Афганистана;

- за достижения в труде, направленном на укрепление национальной экономики ДРА;

- за заслуги в политическом развитии, обогащении и взаимном культурном обмене племен и народностей Афганистана, за активное участие в воспитании граждан в духе дружбы и пролетарского интернационализма и преданности Родине;

- за заслуги в деле укрепления оборонной мощи ДРА;

- за заслуги в деле укрепления мира и дружбы народов.

В 1986 году офицер военной контрразведки А. П. Конташов, находившийся в Афганистане в качестве советника военной контрразведки 9-й горно-пехотной афганской армии дивизии старшего капитана Файзулло, за участие в боевой операции по уничтожению бандформирований в провинции Кунар был награжден орденом «Дружба народов».

Орден «Дружба народов» изготавливался из серебра и представлял собой выпуклую пятиконечную звезду. В промежутках между лучами звезды расположены пять выпуклых позолоченных лучей. В центре ордена находится изображение земного шара, участки суши которого позолочены, а моря покрыты голубой эмалью. Над земным шаром находится звезда. Изображение шара и звезды окружено белой эмалевой лентой, на боковых сторонах которой расположены изображения колосьев. В верхней части ленты надпись: «Демократическая Республика Афганистан», в нижней: «Дружба народов». При помощи ушка и кольца орден соединяется с прямоугольной колодкой, имеющей сверху и снизу продольные прорезы; внутренняя часть колодки покрыта шелковой муаровой лентой красного цвета.

Орден «За храбрость»

В 1985 году был опубликован Указ Президиума Революционного совета ДРА об учреждении ордена «За храбрость». В соответствии с Указом орденом награждались военнослужащие Вооруженных сил ДРА, воинские части и соединения, сотрудники органов Главного управления службы государственной информации при Совете министров ДРА (бывшее Министерство государственной безопасности) и Министерства внутренних дел ДРА, а также иностранные граждане.

Награждение орденом «За храбрость» производилось за личную храбрость, проявленную в боях, за успешные боевые действия воинских частей и соединений, в результате которых противнику было нанесено поражение или значительный урон, за отвагу и стойкость, проявленные при защите границ ДРА, за мужество и отвагу, проявленные при выполнении воинского или служебного долга, в условиях, сопряженных с риском для жизни, а также героизм, проявленный при защите мирного населения.

Этим орденом был трижды награжден в период своей второй командировки в Афганистан А. П. Конташов: 17 сентября 1989 года — за достигнутые результаты и проявленный при этом героизм при обеспечении безопасности афганских воинских формирований; в марте 1990 года — за спасение жизней афганских военнослужащих в ходе подавления антиправительственного мятежа министра обороны Шах Наваз Таная; в июне 1991 года — за выполнение специального задания.

Медаль «10 лет МГБ Афганистана»

Сотрудники советской военной контрразведки награждались и ведомственной медалью афганских спецслужб «10 лет МГБ Афганистана». Медаль вручалась начальником военной контрразведки МГБ в здании центрального аппарата МГБ.

На аверсе медали в середине круга расположен щит синей эмали с окаймлением его бортика красной эмалью. На щит наложен меч острием вертикально вниз. В центре щита — герб Республики Афганистан образца 1987 года. Внизу щита буквы, обозначающие «Д» (доуляти — безопасности), «А» (амниятэ — государственной), «В» (везоратэ — министерство).

Медаль «70 лет восстановления независимости Афганистана»

Медаль «70 лет восстановления независимости Афганистана» была учреждена указом президента Афганистана 6 августа 1989 года.

На аверсе медали в тройном кольце изображена Колонна независимости, воздвигнутая в честь завоевания Афганистаном независимости в 1919 году в результате третьей англо-афганской войны. Установлена в старой части Кабула на магистрали, ведущей с востока к центру города — дворцу Дар-уль-Амман.

С. В. Рац

Советнический аппарат СССР как инструмент разрешения политического конфликта

(На примере Афганистана, 1979–1991 гг.)

Как инструмент разрешения политического конфликта советнический аппарат родился на заре становления советской власти, в полной мере олицетворяя и реализовывая внешнюю политику молодой Республики Советов, позже СССР, а с 1991 года — Российской Федерации.

Так, бывший начальник УФСБ по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области генерал-полковник А. А. Григорьев в своих воспоминаниях указывает, что за новейший период советники СССР побывали в 19 странах мира и приняли участие в 36 войнах¹.

Период пребывания Вооруженных сил СССР в Афганистане с 1979 по 1989 год характеризовался беспрецедентным использованием советских специалистов по линиям ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ, экономики, государственной безопасности, министерств обороны, внутренних дел, иностранных дел.

В данной статье рассматривается содержание работы, задачи и роль советнического аппарата силовых ведомств СССР: КГБ, Министерства обороны, Министерства внутренних дел.

Главной задачей, поставленной перед советническим аппаратом руководством КГБ СССР, было создание надежной системы безопасности в условиях гражданской войны, активизации антиправительственных сил в Афганистане.

Фактически с первых дней советской власти и вплоть до конца 1991 года в рамках договоров с правительством Афганистана (1921, 1979 годов) советники действовали по линиям внешней разведки ГПУ, НКВД, МГБ, КГБ, Вооруженных сил, включая разведку Генерального штаба, специалистов в области экономических вопросов. Например, в 1987–1988 годах в Афганистане на хозяйственных объектах, построенных с помощью СССР, работало по разным данным от 5 до 7 тысяч специалистов из СССР.

С момента вооруженного переворота, так называемой Апрельской революции 1978 года, количество советников по линиям силовых ведомств резко увеличилось. С одной стороны, на это повлиял рост антиправительственных выступлений, с другой, желание руководителей КПСС и советского правительства удержать у власти партию НДПА.

Такая внешняя политика логически вытекала из геополитических интересов СССР в регионе Центральной Азии.

За короткий срок советниками ПГУ КГБ СССР была создана разветвленная структура безопасности республики — точная копия управлений КГБ СССР. В 1980 году в каждой провинции было организовано Управление службы государственной безопасности (ХАД). В нем, в зависимости от оперативной обстановки, работали десятки оперативных работников-афганцев разных национальностей, большая часть которых владела русским языком. Ими руководили советники — сотрудники КГБ СССР, прибывшие в Афганистан по линии ПГУ КГБ СССР.

В. А. Жаворонков, бывший советник КГБ СССР, дает следующую характеристику структуре и функциям советнического аппарата: «Оперативная группа советников представительства КГБ СССР в провинции Кунар состояла из пяти офицеров. Ей была придана группа солдат погранвойск КГБ СССР.

Управление ХАД в провинции Кунар насчитывало 45 оперативных сотрудников. Оно имело структуру

по типу территориального управления КГБ советского образца и располагало более чем тремястами источниками информации, из них большинство находились в бандгруппах, племенах, органах государственного управления.

Основными задачами ХАД, продиктованными военным временем, были выявление, пресечение агентурной деятельности противника, борьба с бандформированиями, уничтожение их главарей, проведение спецакций, работа с договорными бандами, поддержка политики национального примирения². (В. А. Жаворонков находился в Афганистане с 1985 по 1987 год.)

В 1980 году в Афганистане активно действовал спецназ КГБ СССР в составе подразделений «Каскад»-1 (более 1000 человек), а также переданный в его оперативное подчинение отряд спецназначения МВД «Кобальт» (600 человек)³.

С августа 1979 по февраль 1989 года на территории Афганистана действовали отряды специального назначения: «Зенит»-1, 2, «Гром» (из сотрудников «Альфы»), «Каскад»-1, 2, 3, 4, «Омега». Последние два являлись кодовым названием секретного штатного отряда «Вымпел», имевшего в ДРА особые задачи. Одной из задач сотрудников спецназа являлась подготовка личного состава Вооруженных сил Афганистана⁴.

Так, бывший сотрудник отряда «Каскад», подполковник запаса ФСБ России Ю. В. Мамедов вспоминает: «В Афганистане отряду «Омега» предписывалось делать акцент на советническо-инструкторскую деятельность в подразделениях ХАД, ведущих борьбу с банддвижением, на ведение агентурно-оперативной работы и на проведение оперативно-боевых и специальных мероприятий в интересах Центра. Отряд «Омега» участвовал в подготовке и проведении 12 крупномасштабных войсковых и более 300 локальных оперативно-войсковых операций. По разведанным отрядом, нанесено 1500 авиаударов по местам дислокации бандформирований и проведен ряд спецмероприятий по ликвидации наиболее непримиримых бандглаварей. Мы оказали суще-

ственную помощь в становлении оперативного полка 5-го управления ХАД путем организации и проведения учебного процесса с его личным составом»⁵.

А. М. Хромов, находившийся в Афганистане с 1983 по 1987 год, так характеризует советнический аппарат: «В тот период времени 27 провинций из 30 были укомплектованы советниками, примерно в среднем по 5–7 человек. Группе советников был придан экипаж передвижной радиостанции. Краткосрочная командировка обычно протекала в течение одного года, долгосрочная — два и три года, соответственно: два в провинции, три в Кабуле.

Боевые потери оперативного состава составляли до десяти человек ежегодно. За десять лет КГБ СССР потерял более ста оперативных работников»⁶.

В афганской армии была создана структура безопасности, идентичная Особым отделам в Советской армии.

Вот что рассказывает об этом советник по вопросам организации военной контрразведки в подразделениях афганской армии А. А. Марейчев (полковник КГБ СССР в 1978 году): «В короткие сроки были подобраны руководители и оперативные сотрудники для формируемых отделов военной контрразведки афганской армии в количестве около ста человек, с которыми мне пришлось провести месячные военные сборы. В начале 1979 года в Афганистан прибыла первая группа советских военных контрразведчиков. В 1978–1979 годах афганскими сотрудниками под руководством наших советников было выявлено и разоблачено более двадцати засланных в войска агентов бандформирований, два агента пакистанской разведки, предотвращено 11 попыток антиправительственных выступлений»⁷.

Советнический аппарат, действующий по линии КГБ СССР, подчинялся главному советнику. Должность главного советника соответствовала званию генерал-майора КГБ СССР. Он действовал в тесном контакте с резидентом КГБ СССР в Кабуле, командующим 40-й армии, руководителями партии НДПА и правительства Афганистана и подчинялся председателю КГБ СССР.

Статус советника, прибывшего в Афганистан по линии 1-го главного управления (разведки) КГБ СССР, приравнивался к статусу сотрудника посольства. Соответственно, выслуга лет военнослужащего шла три года за год пребывания в командировке. Оклад советника был в 6 раз выше, чем оклад сотрудника Особого отдела, обслуживающего подразделения частей 40-й армии, и примерно равнялся 1500 чекам, что примерно соответствовало 1600 долларам США.

Несколько слов об афганской армии. Она была вооружена современной советской техникой и в своем составе имела от 180 до 200 тысяч человек. Офицерский корпус состоял в основном из пуштунов, прошедших подготовку в СССР. На руководящие должности офицер выдвигался только по партийному принципу: в зависимости от того, к какой фракции он относился — «Парчам» или «Хальк». Закон о всеобщей воинской обязанности 1981 года оттолкнул от центрального правительства многие племена, которые исторически были освобождены от мобилизации, например: хорезмийцы, белуджи, пуштуны (в силу образа жизни: первые проживают в недоступных горах, вторые сезонно کوچут). В 1980 году армия была укомплектована на 60 %, подразделения МВД на 32 %. Факты дезертирства и хищения оружия, переход на сторону моджахедов были нормой⁸.

Вот как характеризует советнический аппарат находившийся по линии Министерства обороны СССР генерал-полковник в отставке В. А. Меримский: «В каждой дивизии, бригаде, полку, танковом батальоне, авиационных частях афганской армии имелись наши военные советники. Они постоянно находились в контакте с военнослужащими, а также с представителями местных партийных и административных органов власти. Руководство частями афганской армии всецело возлагалось на командование 40-й армии»⁹.

«После 27 декабря 1979 года функции военных советников значительно расширились, они взяли на свои

плечи тяжелую ношу руководства боевыми действиями в тесном контакте с афганскими офицерами. Нет никакого секрета в том, что военные советники фактически управляли афганскими войсками в ходе боевых действий. Но военным советникам приходилось, кроме того, решать и другие неожиданные для них задачи, такие как борьба за единство рядов НДПА, оказание помощи в становлении органов власти в уездах и волостях», — рассказывает в своей книге «Не по сценарию Москвы» В. П. Черемных (генерал-лейтенант в 1980 году)¹⁰.

Военные советники по линии Главного разведывательного управления Генерального штаба Министерства обороны СССР (в дальнейшем по тексту ГРУ ГШ МО СССР) комплектовались офицерами-спецназовцами, офицерами-десантниками. Назначение на командные должности осуществлялось в ГРУ ГШ МО СССР.

За период с 1979 по 1989 год советниками ГРУ ГШ МО СССР были сформированы и подготовлены подразделения спецназа: в составе бригад «Коммандос» (37, 38, 444), полки (666, 466).

Бригада спецназа «Коммандос» состояла из 2000 военнослужащих-афганцев, в том числе: 228 офицеров, 125 сержантов, 1198 солдат, 400 солдат учебной роты, и имела по штату 11 советников старших офицеров ГРУ ГШ МО СССР. Бригады и полки «Коммандос» подчинялись Разведывательному управлению Генерального штаба Вооруженных сил ДРА.

Генерал-майор А. С. Чубаров, находившийся в заграникомандировке с 1984 по 1986 год, так характеризует советническую деятельность офицеров ГРУ ГШ МО СССР, связанную с подготовкой афганского спецназа: «Непосредственно боевой деятельностью, боевой подготовкой, комплектованием, снабжением и всеми видами тылового и технического обеспечения реально руководил советнический аппарат ГРУ ГШ МО СССР»¹¹.

«Военный советник командир бригады (полка) — «Сэр мушавер» — являлся старшим советнического коллектива

бригады (полка) и прямым начальником для каждого советского военнослужащего (служащего) в бригаде (полку) за исключением оперативных работников КГБ СССР», — подчеркивает А. С. Чубаров¹².

Главный военный советник руководил советническим аппаратом и подчинялся министру обороны СССР и командующему 40-й армии.

Советники по линии Министерства внутренних дел СССР создали структуру министерства внутренних дел (Царандой), которая привнесла свою лепту в дело укрепления национальной безопасности Афганистана.

Советнический аппарат СССР за десять лет гражданской войны создал в Афганистане боеспособную армию, военную разведку, эффективную структуру государственной безопасности, внутренних дел, которые во многом содействовали укреплению власти НДПА.

Советники КГБ СССР за эти годы получили объективную и своевременную информацию о наших противниках, отшлифовали методы антитеррористической борьбы, создали оперативные позиции, подготовили плеяду профессионалов — оперработников-афганцев, сорвали планы банд моджахедов по нанесению ударов по территории республик Средней Азии Советского Союза, не допускали проникновение наркотиков на территорию СССР.

Несмотря на мощное наступление оппозиции после вывода Советской армии режим НДПА продержался в течение трех лет и, в конечном счете, пал под ударами отрядов моджахедов только в 1992 году. Одной из причин поражения правительства ДРА было прекращение экономической и военной помощи со стороны России, вывод советнического аппарата, в том числе представителей силовых ведомств.

Советнический аппарат СССР фактически формировал и направлял внешнюю и внутреннюю политику партии и правительства Афганистана. Советники из СССР, прибывшие по линиям силовых ведомств, руководили армией Афганистана, спецслужбами, разра-

батывали стратегию важнейших военных, разведывательных и контрразведывательных операций, планы экономического развития страны.

В составе небольшой группы советники находились в Афганистане вплоть до конца 1991 года¹³. Они еще раз ясно продемонстрировали, что являются эффективным средством разрешения военных и политических конфликтов, в которых принимал участие СССР, в новейший период своей истории.

Литература

- 1 Чекисты Ленинграда в Афганистане. СПб.: «Центр переводов», 2009. С. 10
- 2 Там же. С. 256
- 3 Ютов В. И. «Каскад» и «Омега». М.: «X-HISTORI», 2003. С. 9
- 4 Чекисты Ленинграда в Афганистане. С. 78
- 5 Там же. С. 79
- 6 Там же. С. 233
- 7 Там же. С. 13
- 8 Черемных В. П. Не по сценарию Москвы. СПб.: «Клинт», 1995. С. 275
- 9 Меримский В. А. — «Военно-исторический журнал», М., 1993, № 12. С. 28
- 10 Черемных В. П. Не по сценарию Москвы. С. 16
- 11 Козлов С. В. Спецназ ГРУ: Афганистан — звездный час спецназа. 1979–1989. М., 2009. С. 543
- 12 Там же. С. 544
- 13 Чекисты Ленинграда в Афганистане. С. 301

С. В. Рац

Недра Афганистана — предмет конфликта в геополитическом противо- стоянии между США и СССР

Политическая элита Великобритании на протяжении нескольких столетий ясно представляла стратегическую значимость географического положения Афганистана в Центральной Азии и неоднократно предпринимала попытки контролировать его территорию с помощью военной силы.¹

Основными противниками в так называемой «большой игре» за владение «сердцем» или «ключом» к территориям Евразийского континента являлись царская Россия и Великобритания. Без сомнения, предметом противостояния соперников были территории, по которым проходили исторические коммуникации, соединявшие Восток и Запад.²

В XX веке принципиально противники в борьбе за геополитический плацдарм не изменились. США приняли эстафету у Великобритании, а СССР (в дальнейшем Российская Федерация) у Российской империи.

Особую остроту противостояние приобрело в 70-е годы XX века, когда СССР в борьбе за влияние над данным регионом использовал крайние формы политической борьбы: применение вооруженных сил в лице 40-й армии Министерства обороны СССР, находившейся в Афганистане с декабря 1979 по февраль 1989 года.

В свою очередь США, используя благоприятный повод, создали уникальную антисоветскую коалицию,

включающую группу арабских стран, исповедующих ортодоксальный ислам, страны НАТО и Китайскую Народную Республику. На протяжении десяти лет Афганистан стал ареной борьбы сверхдержав США и СССР за влияние в Центральной Азии.

Формально борьба СССР за данный регион велась под лозунгом оказания «интернациональной помощи» братскому афганскому народу. Фактически политическое руководство СССР поддержало с помощью военной силы антинародный режим НДПА (партия коммунистического толка), пришедшей к власти в результате государственного переворота.²

США ничего нового не придумали: они боролись за «демократию» в данном регионе, используя наиболее агрессивные партии: Исламскую партию Афганистана, Исламское общество Афганистана, Национальный фронт исламской революции Афганистана, Движение исламской революции в Афганистане, Фронт национального спасения Афганистана и другие антиправительственные организации. Ударные отряды моджахедов (борцов за веру) насчитывали в 1982 году до 70 тыс. чел.³

СССР в борьбе с антисоветской коалицией во главе с США истратил огромные финансовые и военные ресурсы (15 миллиардов долларов США в течение 1988 года).⁴ В результате борьбы за данный регион политике и экономике СССР был нанесен невосполнимый урон, многонациональный советский народ получил тяжелый моральный ущерб, что в совокупности с другими факторами подтолкнуло, в конечном счете, к развалу СССР.

Что же так привлекало руководителей партии и правительства СССР в борьбе за влияние над данным регионом? Другими словами: что же изменилось в предмете конфликта, в его значимости для стратегов СССР, если они зашли столь далеко в своей политике, направленной на удержание Афганистана под своим контролем?

В 70-е годы СССР в развитие экономики Афганистана вложил 2,5 миллиарда долларов США — в пять раз больше, чем США.⁵ Советские геологи к середине 70-х го-

дов открыли уникальные для Центральной Азии залежи нефти (0,4 млрд. баррелей), газа (3,5 млрд. куб.), урана примерно 90 % мировых запасов, меди, каменного угля, железной руды, золота, изумруда, месторождения редкоземельных минералов.

В конце 70-х годов, в основном в северных провинциях, на промышленных объектах Афганистана работало до 6 тысяч советских специалистов. В 1984 году афганская республика, компенсируя частично военную и экономическую помощь СССР, поставила в республики советской Средней Азии 4 миллиона кубометров природного газа, что составляет 90 % всего добытого газа Афганистаном за указанный период.

Приведенные данные дают право сделать заключение, что именно огромные вложения СССР в экономику Афганистана, открытие в его недрах стратегических ресурсов, в первую очередь энергоносителей: газа, нефти, урана, подтолкнули руководство СССР к принятию решения о вводе на территорию Афганистана самой современной и оснащенной армии в мире.

Сегодня с большой уверенностью можно сказать, что предметом в геополитическом противостоянии между СССР и США в 70-е годы были недра Афганистана и его выгодное стратегическое положение.⁶

В то же время нельзя полностью игнорировать политический, идеологический, военный факторы, повлиявшие на принятие решение о вводе войск СССР на территорию Афганистана. Однако время показало несостоятельность штампа о возможном военном вмешательстве США в дела Афганистана в конце декабря 1979 года.

Как известно, подразделения США в составе коалиции войск НАТО вошли в Кабул в январе 2002 года, нанеся удар по основным очагам движения талибан. То есть это произошло через двенадцать лет после вывода советских войск из Афганистана. Правительство новой исламской республики определило свои приоритеты, взяв курс на активное сотрудничество с США.⁷

Таким образом, взяв под контроль основные стратегические пункты на территории Афганистана, США «открыли двери» для проникновения иностранных монополий с целью эксплуатации природных богатств исламской республики.

Для России Афганистан на несколько десятилетий выпал из сферы ее традиционного влияния, являясь мировым очагом распространения героина, который уносит в России ежегодно до 30 тысяч молодых жизней.

США стратегически определили Афганистан как один из основных объектов своих интересов в Центральной Азии на ближайшие двадцать лет.⁹

Сегодня в Афганистане открыто 18 газовых 11 нефтяных месторождений. Его значимость как объекта геополитических интересов США и стран — лидеров Центральной Азии резко возросла в связи с полученными дополнительными данными Геологической службой США и Министерством горнодобывающей промышленности Афганистана о запасах энергоносителей: газа — с 3,5 млрд. кубометров до 36,4, нефти с 0,4 — до 3,6 млрд. баррелей. Показатели оценочных запасов выросли: газа в 10,4 раз, нефти — более чем в девять раз.

С другой стороны, резко возросла борьба между компаниями по добыче и транспортировке в первую очередь газа на территории Туркмении с транзитом через Афганистан. В борьбу включились корпорации Ирана, Пакистана, Индии (последние две компании действуют при поддержке США).

Известный международный журналист Ахмед Рашид так описывает устремления монополий к данному региону: «В 1994 году **Bridas, аргентинская нефтяная компания**, имевшая концессии в Туркменистане, предложила построить газопровод через Афганистан и поставлять газ в Пакистан и в Индию. Американская компания Unocal при поддержке Вашингтона в 1995 году выступила с аналогичным предложением. В битву были втянуты талибы и другие афганские полевые командиры. Так

Афганистан стал центром первой битвы «новой большой игры».¹⁰

Российские компании включились в борьбу за покупку и транзит туркменского газа, предпринимают шаги в разработке недр Афганистана, имея возможность, использовать информацию советских геологов. Однако роль России в данном регионе пока ограничивается договором США на транзит грузов и войск через территорию Российской Федерации, предназначенных для отправки в Кабул.

Говоря о возрастающей роли корпораций Китая в разработке полезных ископаемых Афганистана, следует отметить, например, деятельность компании China Metallurgical Group, которая приобрела у правительства Афганистана лицензию на разработку месторождения меди (Аупак) сроком на 30 лет за 3 млрд. долларов США, обойдя компании: Hanter Dictinson — Канада, Phelps Dodg — США, «Базовый элемент» — Россия, Kazakhmys Consortium — Казахстан.

Можно предположить, что Афганистан с его уникальными природными богатствами, стратегическим положением в ближайшие двадцать лет станет объектом острой борьбы, в первую очередь, между США и Китаем. С другой стороны, борьба будет протекать между корпорациями Ирана, Пакистана, Индии, Аргентины в разработке недр Афганистана и использовании его территории для транзита в ближайшем будущем ископаемых каспийского региона, например, туркменского газа и нефти.

Для российской политической элиты Афганистан будет всегда являться объектом стратегических интересов, предметом борьбы, которую Россия пока проиграла.

Литература

- 1 Савинкин А.Е., Снесарев А.Е. Афганские уроки. М.: , «Издательство «Русский путь», 2003. С. 40
- 2 Там же, С. 41

- 3 *Рац С. В.* Чекисты Ленинграда в Афганистане, СПб.: Центр переводов «Альфа Бета СПб», 2009, С.17
- 4 *Ютов В. И.* «Каскад» и «Омега», М.: X-History, 2003. С. 11
- 5 *Савинкин А. Е., Снесарев А. Е.* Там же. С. 729
- 6 *Рашид Ахмед.* Талибан. М., 2003. С. 31
- 7 Там же. С. 199
- 8 *Савинкин А. Е., Снесарев А. Е.* Там же. С. 768
- 9 *Рашид Ахмед.* Там же. С. 244
- 10 Там же, С. 233



Сергей Васильевич РАЦ — кандидат политических наук, доцент кафедры конфликтологии философского факультета СПбГУ, составитель сборников «Чекисты Ленинграда в Афганистане. 1979–1989» и «Военная контрразведка КГБ СССР в Афганистане. 1979–1989», автор статей «Советнический аппарат СССР как инструмент разрешения политического конфликта» и «Недра Афганистана — предмет конфликта в геополитическом противостоянии между США и СССР».

СПИСОК ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
Особого отдела КГБ СССР
по Ленинградскому военному округу,
проходивших службу в Афганистане
в 1979–1991 гг.

1. Алексеев Александр Викторович
2. Алексеев Борис Михайлович
3. Артемьев Борис Александрович
4. Артемьев Виктор Петрович
5. Артемьев Иван Федорович
6. Артемьев Олег Львович
7. Афанасьев Николай Алексеевич
8. Барсуков Юрий Андреевич
9. Белков Алексей Владимирович
10. Бобров Валерий Викторович
11. Болотник Александр Владимирович
12. Быков Петр Александрович
13. Варнаков Игорь Николаевич
14. Васильев Виктор Петрович
15. Ветошкин Геннадий Михайлович
16. Верхлютов Петр Иванович
17. Волков Вячеслав Васильевич
18. Гагарин Александр Сергеевич
19. Ганичев Герман Алексеевич
20. Горнак Александр Филиппович
21. Давыдов Владимир Алексеевич
22. Давыдов Юрий Федорович
23. Даниленко Николай Иванович
24. Девяткин Юрий Михайлович
25. Декаль Сергей Валентинович
26. Дианов Михаил Владимирович
27. Добринский Александр Михайлович
28. Доманцевич Василий Иванович
29. Дудик Валерий Филиппович
30. Дьяченко Сергей Константинович
31. Ерофеев Валентин Александрович
32. Ефимушкин Юрий Иванович

- 
- 
33. Жиров Владимир Иванович
 34. Иванов Евгений Михайлович
 35. Иванов Юрий Дмитриевич
 36. Иванычев Владислав Михайлович
 37. Калинин Виталий Иванович
 38. Карама Олег Игоревич
 39. Карапетян Юрий Геннадьевич
 40. Карпов Николай Иванович
 41. Карташевич Ярослав Гергиевич
 42. Касьян Владимир Константинович
 43. Кашников Сергей Иосифович
 44. Киселев Владимир Иванович
 45. Ковалев Виктор Васильевич
 46. Ковалев Модест Васильевич
 47. Ковшиков Леонид Платонович
 48. Конташов Анатолий Павлович
 49. Копылов Александр Анатольевич
 50. Кочан Михаил Вадимирович
 51. Кравчук Анатолий Васильевич
 52. Красий Вячеслав Алексеевич
 53. Кудряшов Николай Геннадьевич
 54. Кузнецов Юрий Анатольевич
 55. Лапиков Анатолий Михайлович
 56. Лапин Анатолий Михайлович
 57. Лелюх Юрий Григорьевич
 58. Луньков Владимир Александрович
 59. Мажирин Евгений Иванович
 60. Марейчев Александр Александрович
 61. Марьясов Владимир Викторович
 62. Маслов Александр Андреевич
 63. Матросов Владимир Иванович
 64. Маханев Сергей Сергеевич
 65. Мезрин Александр Николаевич
 66. Михайло Александр Иванович
 67. Михалкин Анатолий Иванович
 68. Моргальников Александр Викторович
 69. Морозов Валерий Иванович
 70. Морозов Владимир Анатольевич
 71. Москальчук Валентин Владимирович
 72. Мудрак Михаил Иванович
 73. Новак Виктор Евгеньевич
 74. Новиков Алексей Сергеевич

- 
- 
- 
75. Новиков Михаил Дмитриевич
 76. Овсеенко Михаил Яковлевич
 77. Парамонов Сергей Тимофеевич
 78. Пахомов Иван Егорович
 79. Петров Игорь Николаевич
 80. Плaxотич Анатолий Борисович
 81. Плотников Евгений Викторович
 82. Подаруев Валерий Леонидович
 83. Подопригоров Юрий Дмитриевич
 84. Поздняков Борис Павлович
 85. Понедельников Сергей Альбертович
 86. Родионов Сергей Петрович
 87. Рыжков Лев Николаевич
 88. Рындин Александр Сергеевич
 89. Селяков Владимир Алексеевич
 90. Семеняко Василий Иванович
 91. Сендецкий Владимир Федорович
 92. Серков Михаил Иванович
 93. Сермягов Сергей Иванович
 94. Скоробогатый Александр Владимирович
 95. Соколов Борис Иннокентьевич
 96. Спицын Александр Степанович
 97. Сухарев Евгений Владимирович
 98. Тарасов Валерий Петрович
 99. Тепляков Владимир Алексеевич
 100. Ткачев Анатолий Васильевич
 101. Ушаков Валерий Михайлович
 102. Файчук Василий Владимирович
 103. Филимонов Александр Сергеевич
 104. Хмызников Вячеслав Дмитриевич
 105. Хоменко Сергей Николаевич
 106. Хомутов Сергей Алексеевич
 107. Целовальников Анатолий Александрович
 108. Цепляев Сергей Владимирович
 109. Цупиков Валерий Никифорович
 110. Червяков Вячеслав Вячеславович
 111. Черняк Виктор Николаевич
 112. Чижов Юрий Иванович
 113. Чуркин Валерий Иванович
 114. Шабалин Василий Анатольевич

Содержание

Вступительное слово. <i>А. В. Ракитин</i>	4
Обращение к молодым чекистам. <i>Б. И. Соколов</i>	7
<i>Ю. И. Чижов</i> . Афганистан: миг между прошлым и будущим ...	9
<i>А. А. Марейчев</i> . Первый советник	20
<i>Ю. Д. Иванов</i> . Воспоминания	30
<i>А. С. Новиков</i> . Моя война в Афганистане	59
<i>В. И. Семеняко</i> . Интернациональная помощь, как она есть....	65
<i>И. Ф. Артемьев</i> . Бесценный опыт	85
<i>Н. И. Даниленко</i> . Один день войны	101
<i>М. Я. Овсенко</i> . Гордость и боль Афганистана	103
<i>Я. Г. Карташевич</i> . Кто-то должен Родину защищать	199
<i>М. В. Дианов</i> . Несколько мгновений Афганистана	214
<i>С. А. Понедельников</i> . Ностальгия по Афганистану.....	222
<i>А. И. Михайло</i> . Дорога через Саланг	233
<i>В. П. Васильев</i> . На острие атаки	236
<i>В. И. Жиров</i> . Основы контрразведки	246
<i>А. А. Маслов</i> . Агент «Пилот»	250
<i>А. М. Добринский</i> . Афганистан	255
<i>Ю. Д. Подопригоров</i> . Как там было	262
<i>А. П. Конташов</i> . Трудное время Афганистана (1989–1991).....	286
<i>В. Медведев</i> . О Борисе Соколове	293
<i>О. А. Петров</i> . Ордена и медали Республики Афганистан. 1980–1992	297
<i>С. В. Рац</i> . Советнический аппарат СССР как инструмент разрешения политического конфликта	303
<i>С. В. Рац</i> . Недра Афганистана — предмет конфликта в геополитическом противостоянии между США и СССР	311
Список военнослужащих Особого отдела КГБ СССР, проходивших службу в Афганистане в 1979–1991 гг.	316

Сборник воспоминаний
Военная контрразведка КГБ СССР в Афганистане
Воспоминания сотрудников Особого отдела КГБ СССР по
Ленинградскому военному округу
К 30-летию ввода и 20-летию вывода советских войск
из Афганистана. 1979–1991

Составитель **Сергей Васильевич РАЦ**

Художник А. Г. Соловьев
Главный редактор М. С. Зимина
Ответственный редактор Г. С. Устинова
Корректор Е. В. Крутова
Верстка В. С. Синельников

Подписано в печать 01.12.2010. Формат 84 × 108 / 32

Печ. л. 20 + 3,25 л. альбом ил. Печать офсетная

ООО «Центр переводов «Альфа Бета СПб»
192236, Санкт-Петербург, ул. Софийская, 6
www.litperevod.ru

Отпечано по технологии CtP
в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15